

М. И. КАЗАНИН

Записки
СЕКРЕТАРЯ
МИССИИ

М · И · К А З А Н И Н

Записки
СЕКРЕТАРЯ
МИССИИ

*Страничка истории
первых лет
советской дипломатии*

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 6 2

Ответственный редактор
М. С. КАПИЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старые фотографии будят воспоминания... Передо мной одна из них, запечатлевшая участников переговоров, которые велись в мае 1920 г. дипломатической делегацией Дальневосточной республики с японской военно-дипломатической миссией на станции Гонгота. Рядом со мной (я возглавлял тогда делегацию ДВР) стоит полковник Курасава, начальник японской миссии, чуть сзади — член нашей делегации Буртман, а крайний справа — комдив Павлов, умело расположивший свою дивизию в таежных местах вплоть до Яблонового хребта и тем самым взявший японцев на всякий случай в полуокружение и гарантировавший нас от неожиданностей.

ДВР, созданная по инициативе В. И. Ленина, решала в то время трудные военные и дипломатические задачи. Следовало во что бы то ни стало избежать войны с Японией, в чем, собственно, и заключался смысл образования этого государства-буфера.

Уже был расстрелян Колчак, кольцо партизан смыкалось вокруг белых на Дальнем Востоке, ставка интервентов была бита, но японцы все-таки пытались навязать ДВР свою волю, подчинить ее своему политическому курсу, оторвать ее от Советской России. В Гонготе они и попробовали выторговать невозможное, что им не удалось.

Но дипломатические задачи Дальневосточной республики не ограничивались переговорами с одними японцами. Не менее важным было установление отношений с китайским правительством. С этой целью была сформирована и направлена в Китай специальная дипломатическая миссия. Нужно было нормали-

зировать отношения с пекинским правительством, добиться признания и заключения договора. Нашу политику и наши чувства лучше всего сформулировало написанное несколько позже письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина Сунь Ят-сену: «Все наши симпатии находятся, конечно, на стороне народных, прогрессивных, освободительных сил Китая. Но пекинское правительство, как бы оно ни было, является официальным правительством Китайского государства, и мы стремимся установить с ним нормальные отношения»¹.

Но этим одним не ограничивались задачи миссии. Ей предстояло войти в контакт с китайской общественностью, китайской прессой и китайским народом, развеять клевету, ложь и недоверие к русской революции, распространившиеся по всему свету нашими врагами.

И, наконец, Пекин был единственным в то время местом, где правительство Дальневосточной республики через свою миссию могло войти в контакт с представителями других государств мира и, умело используя существовавшие между ними противоречия, содействовать быстрейшему освобождению Дальнего Востока от интервентов.

Революционная Россия переживала в то время трудные дни — шла война с Польшей, на очереди стояла ликвидация врангелевщины в Крыму; тяжелым было и экономическое положение.

Работа нашей первой дипломатической миссии в Китае была нелегка. В обстановке яростного противодействия со стороны США, Японии и других держав миссия неуклонно выполняла свои задачи, прокладывая путь к восстановлению отношений между Китаем и всей революционной Россией, подготавливая почву к приезду советской миссии, что стало возможным и произошло к концу 1921 года. Конечно, главную роль здесь сыграла очевидная для всего мира возросшая мощь и военная победа Советской России, но и миссия внесла свой необходимый вклад в это дело. Не-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. V, М., 1961, стр. 83.

даром в своей речи по поводу освобождения Владивостока В. И. Ленин говорил: «...здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»².

При формировании миссии в нее вошел в качестве секретаря молодой студент Марк Казанин, ныне, по прошествии более чем сорока лет, восстановивший в памяти и описавший организацию делегации, ее путешествие и работу в Пекине. В нашей, да и в иностранной литературе записки о дипломатической работе появляются редко. Что же касается мемуаров, рисующих первые шаги нашей дипломатии, в особенности на Дальнем Востоке, то они представляют уже уникальную ценность.

Записки М. И. Казанина — правдивый и живой рассказ о наших отношениях с Китаем в те годы, содержат много наблюдений и метких оценок людей и событий. Я думаю, что советский читатель найдет в них немало полезного и интересного и почувствует подлинное дыхание тех дней.

*Ф. Н. Петров,
член КПСС с 1896 г., профессор
Герой Социалистического Труда.*

² В. И. Ленин, *Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г.*, — Сочинения, т. 33, изд. 4, стр. 353.

ОТ РЕДАКТОРА

Когда идут революционные битвы, их участники не думают о том, чтобы оставить будущим историкам побольше письменных свидетельств. Но годы пролетают быстро, и тем, кто пытается воспроизвести происходившие события, нередко приходится собирать материал по крупицам, как разыскивают алмазы.

История советско-китайских отношений к настоящему времени изучена относительно полно, но «белые пятна» все же имеются. Это касается прежде всего раннего периода. И если к историческому повествованию, основанному на уже известных фактах, добавляются новые живые штрихи — воспоминания участников исторических событий, оно начинает звучать по-новому, полнее раскрывает правду об эпохе.

Миссия Дальневосточной республики, посланная в Китай в 1920 г., — важная веха в развитии отношений между Советским Союзом и Китаем. Тем больший интерес представляют предлагаемые читателю записки М. И. Казанина, являвшегося секретарем этой миссии.

В результате Октябрьской революции в России были свергнуты те силы, которые вдохновляли империалистическую политику. Правительство рабочих и крестьян решительно отбросило политику царизма и провозгласило новые принципы отношений между народами. Придавая огромное значение отношениям с великой соседней страной — Китаем, Советское правительство с первых же дней своего существования пыталось установить с нею контакт и дружественные отношения. Оно заявило об отказе от всех особых прав и привилегий России в Китае, предложило пере-

смотреть неравноправные договоры и построить отношения между двумя государствами на началах полного равенства.

Феодално-милитаристское пекинское правительство¹ не пошло тогда на заключение соглашения с Советской Россией, так как его политика, реакционная сама по себе, к тому же контролировалась дипломатическим корпусом и иностранными советниками, находившимися почти во всех китайских ведомствах. Китайские милитаристы и феодалы ненавидели власть рабочих и крестьян, установленную в России, и были убеждены, что Советское правительство долго не просуществует.

В этих условиях китайские власти предприняли ряд враждебных Советской России актов. В Северо-Восточный Китай съезжалось белое офицерство со всей России. Там нашел себе приют казацкий есаул Семенов, который использовал китайскую территорию как плацдарм для местных действий против Советской власти. 27 декабря 1917 г. пекинское правительство запретило ввоз продовольствия, в том числе чая, в Советскую Россию; 11 января 1918 г. была закрыта китайская граница и прекращена всякая отправка грузов.

В конце марта 1918 г. пекинское правительство отозвало из Петрограда своего посланника Лю Цзин-жэня. В то же время оно продолжало поддерживать связь как с бывшим посланником России Кудашевым, так и с бывшими консулами. В августе 1918 г. правительство Дуань Ци-жуя включилось в интервенцию против Страны Советов: на Дальний Восток были посланы китайские войска.

Летом 1919 г. Красная Армия нанесла поражение Колчаку, освободила Урал, начала изгнание белогвардейцев и интервентов из Сибири. Открылась возможность установления прямых контактов с Китаем.

25 июля 1919 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР направил обращение к народу и правительствам Южного и Северного Китая. «Советская Рос-

¹ У власти в Пекине находилась анхуэйская клика во главе с Дуань Ци-жуем.

сия и Советская Красная Армия после двухлетней войны, после невероятных усилий,— говорилось в этом документе,— идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу...»².

Советское правительство напоминало, что в 1917 г. оно уже предлагало вступить в переговоры об аннулировании ряда неравноправных договоров, навязанных Китаю царской Россией, и заявляло об отказе от получения «боксерской» контрибуции, которой империалистические державы в 1901 г. обложили Китай после подавления восстания Ихэтуань. Теперь оно вновь объявляло уничтоженными все особые привилегии русских в Китае и выражало готовность раз и навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости царского правительства в отношении китайского народа. Молодая Страна Советов предложила Китаю установить официальные отношения.

Когда этот замечательный документ, проникнутый глубоким уважением к китайскому народу, стал известен в Китае, он вызвал горячий отклик. Как путник, заблудившийся в глубоких дебрях, радуется первой полоске света, предвещающей выход на широкие просторы, так и многие люди в Китае увидели в этом обращении маяк, который должен был помочь Китаю освободиться от господства иностранцев и собственных поработителей и выйти на дорогу самостоятельного развития. Они требовали, чтобы правительство откликнулось на этот документ и приняло протянутую новой Россией руку дружбы. Правители Китая, однако, оставались глухими к обращению Советского правительства и к требованиям китайской общественности.

6 апреля 1920 г. в ходе борьбы против японской

² «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, стр. 221.

интервенции была создана Дальневосточная республика. Территория ДВР включала Прибайкалье, Забайкалье, Амурскую область, Приморье и северную часть Сахалина. Республика являлась временным государственным образованием — буфером, созданным по соображениям тактического характера. Ее организация в условиях интервенции на Дальнем Востоке была продиктована интересами Советской России, стремившейся обеспечить себе передышку на восточном фронте. Характеризуя необходимость образования ДВР, В. И. Ленин говорил: «...Обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»³.

Одной из главных внешнеполитических задач правительства ДВР было установление дружественных отношений между Дальневосточной республикой и Китаем. Развитие тесных связей между двумя республиками в конечном итоге означало бы нормализацию отношений между РСФСР и Китаем, к чему стремилось Советское правительство.

В мае 1920 г. правительство ДВР обратилось к пекинскому правительству с нотой, в которой отмечало, что интересы граждан обеих стран требуют скорейшего установления взаимоблагоприятных отношений между ними и предложило немедленно созвать конференцию РСФСР, ДВР и Китая для разрешения всех очередных вопросов в соответствии с обращением Советского правительства от 25 июля 1919 г.⁴

С целью завязать экономические и дипломатические отношения с Китаем в Пекин в июне 1920 г. и была отправлена миссия Дальневосточной республики во главе с И. Л. Юриным, секретарем и переводчиком которой состоял молодой востоковед М. И. Казанин.

³ В. И. Ленин, *VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Доклад о концессиях на фракции РКП(б)*, — Сочинения, т. 31, изд. 4, стр. 435.

⁴ АВП СССР, ф. 490, п. 15, д. 29, л. 207.

Прибыв на границу, миссия обратилась к китайским властям в Маймайчэне за визами. Как видно из записок М. И. Казанина, китайские власти хотя и устраивали в честь миссии торжественные приемы, однако разрешения на поездку делегации в Пекин не давали, так как пекинское правительство распорядилось миссию задержать. Оно решило послать своих представителей для переговоров с миссией ДВР на границу в Маймайчэн.

В связи с этим Министерство иностранных дел ДВР и миссия И. Л. Юрина послали в Пекин запрос — почему пекинское правительство отказывается допустить миссию на территорию Китая, в то время как Советская Россия не чинит препятствий китайским представителям.

В это время в Китае шла очередная война между милитаристскими кликами. Пользуясь поддержкой Англии и США, чжилийская милитаристская клика выступила против аньхуэйцев. Группировка Дуань Ци-жуя настолько скомпрометировала себя связями с Японией, что потеряла поддержку даже реакционных кругов. Япония не рискнула выступить в ее защиту и сделала ход другой своей марионеткой — Чжан Цзо-линем. Он принял участие в кампании против Дуань Ци-жуя. Аньхуэйская клика, позиции которой были сильно подорваны мощным антиимпериалистическим и антифеодальным движением 4 мая 1919 г., потерпела поражение, к власти пришло правительство чжилийцев. Новое пекинское правительство, как и прежнее, было орудием феодалов-милитаристов. Влияние США и Англии на пекинское правительство усилилось, влияние Японии ослабело.

Среди самых острых вопросов, которые должно было решить новое пекинское правительство, был вопрос о том, продолжать ли участвовать в интервенции против Советской России.

Партизанские войска и части Народно-революционной армии ДВР продвигались все дальше на Восток. Оказавшись перед лицом полного провала интервенции, США, Англия и Франция были вынуждены вывести свои войска из Сибири и с Дальнего Востока. На восток откатывались и японские войска.

Участие в интервенции доставляло много хлопот китайским милитаристам. Общественность все настойчивее требовала прекращения военных действий и установления добрососедских отношений с Советской Россией. Интервенция не была популярна и среди китайских солдат, посланных в Россию, — они подвергались революционному влиянию и становились «неблагонадежными».

В этих условиях китайские милитаристы решили отозвать свои войска с советского Дальнего Востока. В августе 1920 г. пекинское правительство объявило об отказе от соглашения с Японией о «совместной обороне» против Советской России. Более того, новое пекинское правительство решило принять миссию Дальневосточной республики, хотя в то же время неофициально заверило империалистические державы, что политические вопросы предметом переговоров не будут.

Миссия пересекла на автомашине Монголию, в Чжанцзякоу (Калган) погрузилась на поезд и прибыла в столицу Китая.

М. И. Казанин рассказывает, с какими трудностями пришлось встретиться миссии в первые же дни по прибытии на место. Пекинские власти рассчитывали свести дело только к зондажу намерений Дальневосточной республики. В течение длительного времени министр иностранных дел Янь Хуэй-цин уклонялся от встречи с главой миссии.

Когда миссия представила полномочия от правительства ДВР, пекинские власти потребовали полномочия и от приморского, амурского, забайкальского правительств. Пришлось вызвать в Пекин представителей этих местных правительств; их включили в состав миссии ДВР.

Пока шел торг с пекинскими властями о встрече И. Л. Юрина и Янь Хуэй-цина, а также о полномочиях, члены миссии завязывали связи с представителями китайских властей, с общественностью и с дипломатическим корпусом. М. И. Казанин хорошо передал атмосферу, в которой приходилось работать миссии, нарисовал разношерстную толпу, составлявшую «высшее общество» в Пекине. Среди тех, с кем

миссия поддерживала контакт, мы встречаем Лян Ци-чао, журналистов и социологов Г. К. Нортон, Б. Рассела и многих других. При ознакомлении миссии с обстановкой в стране и установлении контактов большую помощь оказали бывший сотрудник посольства России А. А. Ивин и представитель РОСТА А. Е. Ходоров. Советским востоковедам хорошо знакомы имена этих благородных людей.

Миссия ДВР находилась в Пекине, когда в Москву прибыла делегация пекинского правительства во главе с Чжан Сы-линем. Ей было поручено ознакомиться с положением в Советской России, путем неофициальных переговоров на основе советской декларации от 1919 г. выяснить истинные намерения Советского правительства и подготовить таким образом базу для будущих переговоров⁵. 27 сентября 1920 г. Чжан Сы-линю была вручена нота НКИД. В развитие декларации Советского правительства от 1919 г. нота формулировала конкретные положения будущего советско-китайского соглашения, построенного на принципах равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела⁶. Чжан Сы-линь был принят В. И. Лениным. Политика Советского правительства произвела большое впечатление на главу китайской миссии. В ноябре он уехал в Китай с намерением убедить пекинские власти пойти на сближение с Советской Россией.

Важным результатом переговоров миссии ДВР в Пекине и миссии Чжан Сы-линя в Москве был отказ пекинского правительства признавать миссию и консульства царского правительства. Пекинское правительство убедилось наконец, что прежнее правительство России не сможет вернуться к власти, и 23 сентября 1920 г. предложило царским дипломатам прекратить их деятельность. Однако на деловые переговоры с РСФСР или ДВР пекинские власти не шли, ожидая, чтобы начало в этом отношении было положено великими державами.

⁵ АВП СССР, ф. 4с, п. 151, д. 51392, л. 16.

⁶ См. «Документы внешней политики СССР», т. III, М., 1959, стр. 213—216.

Делегация Дальневосточной республики предложила заключить торговый договор между ДВР и Китаем и представила его проект. Он включал такие важные положения, как ликвидация привилегий России, взаимное признание и уважение суверенитета, взаимность и равноправие, установление дипломатических и консульских отношений и т. д. Но пекинское правительство потребовало от миссии ДВР соблюдения четырех предварительных условий: делегация не должна вести большевистскую пропаганду; республика должна возместить китайским купцам ущерб, который они понесли в результате революции в России; республика должна охранять права и снять ограничения в отношении китайских граждан в России; немедленно должны быть урегулированы некоторые инциденты и приняты меры к недопущению их в дальнейшем.

Хотя эти требования и выглядели как ультиматум, делегация ДВР, стремясь к установлению дружественных отношений между двумя республиками, согласилась их принять.

Встал вопрос и о КВЖД. И. Л. Юрин имел ряд бесед с министром иностранных дел Янь Хуэй-цином и председателем комиссии по русским делам Лю Цзин-жэнем, предлагая урегулировать связанные с дорогой проблемы на основе советских деклараций 1919 и 1920 гг. Он говорил, что вопрос о КВЖД касается только русских и китайцев, поэтому обе стороны должны сопротивляться попыткам постороннего вмешательства как со стороны держав, так и со стороны какого бы то ни было консорциума.

Пекинские власти уклонялись от делового обсуждения выдвинутых миссией ДВР вопросов, оглядываясь на империалистические державы. Посланники Китая в США и Англии Ши Чжао-цзи (Альфред Ши) и Гу Вэй-цзюнь (Веллингтон Ку), ссылаясь на позицию правительств, при которых они были аккредитованы, советовали не спешить с началом переговоров⁷.

3 декабря 1920 г. миссия направила министру иностранных дел пекинского правительства декларацию,

⁷ «Millard's review», vol. XV, 1921, № 1, p. 238.

в которой указывала, что Дальневосточная республика стремится к экономическому и промышленному сближению со всеми государствами. В первую очередь она желает укрепить дружественные отношения с Китаем, который на протяжении уже не одной сотни лет связан с Россией узами глубокой дружбы и взаимного уважения. Делегация снова предлагала коренным образом пересмотреть договоры, заключенные с царской Россией, чтобы аннулировать все, на чем лежит печать империалистических вымогательств, что имеет хоть какое-нибудь отношение к насилию со стороны империалистической власти, что сколько-нибудь умаляет достоинство наций или их неотъемлемые прерогативы, в частности предлагала отменить статьи, относящиеся к юрисдикции консульств России в Китае. Делегация считала необходимым обменяться консульствами, обеспечить соответствующим соглашением интересы, права и обязательства сторон на КВЖД на началах взаимной справедливости, изыскать новые сухопутные и водные пути в целях оживления торгового оборота, решить вопросы транспортной, таможенной и тарифной политики. Она выражала надежду, что вопрос скорейшего установления взаимоотношений близок правительству и народу великой Китайской республики, так же как он близок новой Дальневосточной республике⁸.

Пекинские власти, однако, и на этот раз не дали прямого ответа, подыскивая всевозможные предлоги для затяжки переговоров.

В апреле 1921 г. правительство Дальневосточной республики, указав на то, что бандитские отряды, действующие на территории одной из сторон, неизбежно угрожают безопасности другой стороны, предложило правительству Китая найти пути для сотрудничества в целях устранения этой общей опасности. Правительство ДВР снова подчеркнуло, что ДВР и Китай имеют жизненно важные общие интересы в защите своей независимости от агрессии и в развитии торговых связей, оно подтвердило свою готовность

⁸ См. М. С. Капица, *Советско-китайские отношения*, М., 1958, стр. 62—64.

пересмотреть договоры царской России с Китаем в соответствии с принципом равенства и установить дипломатические отношения между двумя странами. Правительство Дальневосточной республики просило о признании и установлении официальных отношений⁹.

Тем не менее переговоры между миссией ДВР и китайскими властями не сдвинулись с места.

В мае 1921 г. белогвардейские банды Унгерна вторглись в пределы Советской России. Попытка Унгерна прорваться к байкальским тоннелям, взорвать их и тем самым отрезать Дальний Восток, была сорвана частями Красной Армии. В соответствии с просьбой временного народного правительства Монголии о военной помощи в деле ликвидации общего врага — русских белогвардейцев — части Красной Армии, продолжая преследовать банды Унгерна, вступили на территорию Монголии и во взаимодействии с монгольскими частями нанесли белобандитам тяжелое поражение. Остатки унгерновцев стали откатываться на юг и юго-восток.

В июле 1921 г. в Китай опять был направлен И. Л. Юрин, незадолго до этого вызванный в Читу и назначенный министром иностранных дел ДВР. Он разъяснил китайским властям нашу позицию в связи с операциями частей Красной Армии в Монголии. Миссия ДВР предложила продолжить переговоры о торговом соглашении, но не встретила сочувствия со стороны пекинского правительства: пекинские власти убедились, что Дальневосточная республика согласует свои действия с Москвой, что она по существу проводит советскую внешнюю политику, и значительно охладели к развитию отношений с ДВР. К тому же в мае 1921 г. японские империалисты совершили в Приморье контрреволюционный переворот, создав там «временное правительство». Нажим Японии на Китай с целью разрыва переговоров с ДВР усилился. К Японии присоединилось и французское правительство. Через китайского посланника в Па-

⁹ «A short outline of the history of the Far Eastern Republic. The special delegation of the Far Eastern Republic to the USA», Washington, 1922, pp. 150, 151.

риже оно потребовало, чтобы пекинское правительство не заключало торгового договора с Дальневосточной республикой, ссылаясь на то, что ДВР не признана Францией.

Переговоры снова затормозились. Делегация ДВР предложила перенести их в Читу, но пекинское правительство отказалось.

12 декабря 1921 г. в Пекин прибыла делегация РСФСР во главе с А. К. Пайкесом. Начался новый этап переговоров о нормализации отношений между Страной Советов и Китаем.

Ни одна крупная проблема отношений между Дальневосточной республикой и Китаем по существу не была решена. Все же первые контакты дали некоторые результаты. Между двумя республиками установились отношения де-факто. В Чите функционировало генеральное консульство Китая, в Пекине существовало представительство ДВР, которое после отъезда Юрина возглавил А. Ф. Агарев. В Харбине находился особоуполномоченный ДВР в полосе КВЖД Э. К. Озарнин. Китайские власти не признавали за особоуполномоченным официальных функций, тем не менее он по существу являлся генеральным консулом ДВР, аппарат особоуполномоченного защищал интересы русских граждан, вел среди них просветительную работу и стремился парализовать влияние белогвардейцев.

Наконец, миссия ДВР провела известную работу по установлению контактов с иностранными кругами в Пекине и распространению правды о Стране Советов. «Должен признаться,—писал Б. Рассел в 1922 г.,— что я предубежден в пользу Дальневосточной республики. Причиной этого является моя дружба с находившейся одновременно со мной в Пекине ее дипломатической миссией. Я никогда не встречал более благородной группы людей»¹⁰.

Записки М. И. Казанина помогают воссоздать важную страницу в истории отношений между нашей страной и Китаем. Они включают ряд интересных деталей о деятельности миссии Дальневосточной рес-

¹⁰ B. Russell, *The Problem of China*, London, 1922, p. 157.

публики, о людях того времени, об обстановке в Китае. Все, кто возьмет эти записки в руки, прочитают их с удовлетворением, тем более что написаны они живо и хорошим языком.

*М. С. Капица,
доктор исторических наук.*

ОТ АВТОРА

Автор считает своим долгом предупредить тех, кто надеется найти в этой книжке связную историю ДВР, ее внешней политики или по крайней мере ее отношений с Китаем, что они неизбежно будут разочарованы. Это — дело историков. В их распоряжении прекрасные, в значительной степени исчерпывающие материалы: государственные архивы, законодательство, протоколы заседаний, дипломатическая переписка, пресса. Здесь же читатель найдет только личные воспоминания о некоторых событиях, случившихся со-рок лет назад, и о людях, принимавших в них участие.

Предлагая вниманию читателя эти записки, автор просит приравнять их к ветхому, потускневшему фильму, заснятому много лет назад. Сохранившиеся кадры кое-где, быть может, беспорядочно склеены. Фильм во многих местах неполон и неясен — ведь аппаратом, которым снимался этот фильм, линзой, через которую преломлялись события, было рассеянное сознание очень молодого человека двадцати одного — двадцати двух лет.

Я становлюсь секретарем миссии

Однажды утром меня вызвали в ревком Слюдянки. Был май 1920 г. Я вышел из прогимназии, где преподавал в то время, и через несколько минут — поселок был мал — дошел до ревкома.

Полгода назад в этом доме жил кто-то из железнодорожников. При Колчаке он выдавал сослуживцев и бежал с белыми, когда они уходили.

Секретарь ревкома поднял свое небритое лицо — тогда многие ходили небритыми — и спросил:

— Что это за совет министров вас требует?

В ответ я только вытаращил глаза.

Совет министров был в старой России, сохранился у Керенского, продолжал существовать у только что павшего Колчака. Совет министров мог быть чем угодно, только не советской и не революционной организацией. Но если это белый совет министров, то чего он хочет от меня?

Я в недоумении покачал головой, ожидая дальнейших объяснений.

— Ну, вот, смотрите...

Секретарь покопался в грудe бумаг на столе и протянул мне телеграмму, в которой написано было приблизительно следующее: немедленно откомандируйте товарища Марка Казанина в Верхнеудинск* в распоряжение правительства Дальневосточной Республики. Совет министров.

Я пожал плечами. Наверное, у меня был совершенно растерянный вид.

Зазвонил телефон. Секретарь дал ответный звонок и, прикрыв трубку ладонью, сказал мне:

* Верхнеудинск — ныне Улан-Удэ.

— Ладно, сегодня вечером вернется председатель из Иркутска, спрошу.

Я вышел.

— Ну, что? — настороженно и встревоженно встретили меня в прогимназии.

— Зачем это вас в ревком?

— Да вот, телеграмма, вызывает совет министров какой-то Дальневосточной Республики. Ничего не понимаю.

Ничего вразумительного не могли сказать и мои коллеги. Директор школы Алексей Дмитриевич Грязнов, худой, умный человек лет тридцати пяти, только случайно стал учителем в Слюдянке. У него было университетское образование, и до революции он служил в государственном контроле, т. е. по ведомству, задачей которого была проверка смет, вскрытие перерасходов и злоупотреблений. Волна колчаковской эвакуации принесла его с Урала и оставила здесь на мели. Педагогом поневоле была и его жена, высокая, бледная и некрасивая женщина, родом из богатой московской купеческой семьи. Она привезла с собой большое собрание старинных икон, и Алексей Дмитриевич терпеливо посвящал меня в тонкие различия между строгановским и суздальским письмом.

Остальные учителя были того же типа. Географию преподавал некий Рыбаков, простоватый на вид человек лет сорока пяти. Он неизменно ходил в тулупе и сапогах, холил усы с подусниками и в разговоре большей частью мычал что-то неопределенное.

— Знаете, ведь он совсем не учитель, — доверительно сказал мне однажды Грязнов. — Как по-вашему, кем он был в прошлом?

— Маркером в бильярдной? — отважился я.

— Ошибаетесь, — обидевшись, возразил Грязнов, — он бывший вице-губернатор.

Неудачной догадкой я явно повредил себе в глазах директора, который надеялся, что я безошибочно отличу тщательно отобранную им «белую кость».

В то время как Грязнов и другие учителя тщательно пытались эвакуироваться как можно дальше на восток, чтобы прорваться в Маньчжурию, Китай или в Монголию, я, наоборот, полгода назад вырвался из

той белой зоны, куда они так стремились, и лютой зимой, спрятанный среди цыган и цыганок, проехал через фронт в товарном составе в советскую зону. Мои коллеги по школе не могли понять, зачем я это сделал, считали меня сумасбродом и полагали вполне заслуженным, что я заболел сыпным тифом.

Когда в жгучий сибирский мороз я ехал в теплушке с цыганами и вся жизнь сосредоточилась вокруг раскаленной докрасна печурки в середине вагона, для которой мы воровали на полустанках дрова, могли я знать, что те маленькие свертки, которые женщины выносили на остановках и оставляли за сараями, были умершие от тифа дети?

На запад, навстречу Красной Армии, мы пробивались вдвоем — слесарь из депо Ян Жихович и я; тифом заболел я один. Меня сняли с поезда в Слюдянке, и полтора месяца я пролежал в больнице. Не знаю, как сейчас, но тогда сыпной тиф лечили прохладными ваннами. Им да великолепной сибирской подснежной ягоде облепихе, которую больные ели мороженой и из которой в больнице варили кисели и морсы, я, по-видимому, и обязан своим выздоровлением. Когда я вышел, меня уже ждало приглашение от местной интеллигенции преподавать русскую историю в прогимназии. Ни у кого не возникало сомнений в моей квалификации. Студент в те годы и тем более в Сибири расценивался примерно так, как кандидат наук в наши дни.

Не без робости приступил я к работе в школе, хотя она и стояла всего лишь на глухой сибирской станции. До тех пор я никогда не преподавал, если не считать частных уроков, и, конечно, очень мало знал. Но, обучая школьников и на ходу учась истории, я полюбил школу и преподавание и, может быть, больше всего полюбил поиски лучшей методики. Я стремился оторваться от страшного казенного стандарта, царившего в школе, старался оживить предмет и хотел, чтобы мои ученики и ученицы (школа была смешанная) увидели, услышали, ощутили простых людей древней Руси — как они ели, пили, одевались, пахали землю, сражались, создавали песни, быliny. За полгода моего преподавания в школе я смог добиться

Нескольких коротких командировок в Иркутск, где в библиотеках и старых гимназиях выцарапал для детей и для себя цветные картины, карты, пособия и книги по русской истории. В Иркутске был университет, душой которого в то время был его ректор — блестящий профессор и эрудит М. М. Рубинштейн, но мне и в голову не приходило обратиться со своими нуждами или сомнениями к нему или к другим профессорам.

Грязнов охотно давал мне такие командировки. В ревкоме каждый раз мельком спрашивали, не еду ли я на самом деле за картошкой для учителей, но пропуск давали. Иркутск той зимы вспоминается, как ветреная ледяная пустыня. Это был старый русский губернский город, каменный, с широкими улицами, с собором, университетом и нетопленной оперой, где я слушал «Русалку». По сравнению со Слюдянкой Иркутск выглядел, конечно, столицей. Каждая поездка являлась событием. Я привозил оттуда интереснейшие книги по истории. В ту зиму в Слюдянке, когда я с хозяевами питался одними ржаными лепешками, чаем и селедкой, я читал едва ли не больше всего в жизни.

* * *

— Ну, как, узнали, что это за Дальневосточная Республика? — спросил я секретаря ревкома на следующее утро.

Он был по-прежнему небрит. На этот раз он ответил мне широкой улыбкой и перешел на товарищеское «ты».

— Свои! Так собирайся, могу тебя сегодня отправить.

— На чем и как? — спросил я. В то время пассажирского сообщения с Востоком не было и в помине.

— Хочешь — жди рабочего поезда; может быть, подвернется служебный вагон, а не то поедешь на паровозе.

Этот последний вариант соблазнил меня своей новизной.

Сборы мои были недолги. Я оставил хозяйке все, что у меня было, попрощался со школой и поздно вечером как служебное лицо, по вызову хотя и неизвестного, но «своего» совета министров, поднялся на площадку паровоза и, стоя у раскаленной топки, сквозь пронизывающий ветер и темноту промчался первые сто пятьдесят километров до Мысовой*, а после нескольких часов ожидания в дежурке для машинистов — следующие сто пятьдесят километров до Верхнеудинска.

* * *

Управляющим делами совета министров оказался Буртман. Я знал его сначала по Харбину, где мы вместе в студенческие годы издавали подпольную молодежную газету и сами набирали ее в типографии, принадлежавшей одному китайцу, и позже по Владивостоку. После того как белые временно взяли верх во Владивостоке, он бежал в Китай. Зимой 1919/20 г. он вместе с другими большевиками, среди которых была и одна девушка, двинулись обратно в Россию. Ехали верхом на верблюдах через Гоби, преодолевая страшные монгольские бураны. Они держали путь к Байкалу, куда должна была выйти Красная Армия. Вся группа достигла цели и была принята своими. Вскоре Буртмана, хорошо знакомого с Дальним Востоком, отправили в распоряжение только что организованной Дальневосточной Республики, или, как ее называли сокращенно, ДВР.

— Что же это за Дальневосточная Республика? — спросил я.

— Это буфер. Знаешь, существуют буфера между вагонами, чтобы вагоны не столкнулись друг с другом. ДВР — это наше государство-буфер, созданное для того, чтобы избежать прямого столкновения с Японией. Япония объявила себя смертельным и неприимым врагом Советской власти и коммунизма. Она поддерживала Колчака, до сих пор помогает Семенову и снова лезет на рожон, стремясь захва-

* Ныне город Бабушкин в Иркутской области.

тить Сибирь и уничтожить Советскую власть. Партия решила помешать Японии, образовав между Советской Россией и Японией государство-буфер. Конечно, на время, но пока — это нужно. Сейчас Япония протирает глаза, видя, что перед ней от Байкала до Тихого океана возникло какое-то государство — не коммунистическое, как РСФСР, но и не капиталистическое, как она, — буфер, понимаешь? Японии уже не к чему придрататься. Она даже пошла на переговоры с ДВР. Петров, ну да ты не знаешь, это старый шлисельбуржец, военный министр ДВР, разговаривает сейчас с их командованием на разъезде Гонгота.

ДВР провозгласили в Верхнеудинске, сделали его столицей, из местного населения — пролетариев, крестьян, партизан — выбрали народное собрание, которое еще пришлось уговаривать голосовать за буфер. После Колчака все наши ни о чем, кроме Советской власти, и слышать не хотели. Армию назвали не Красной, а Народно-революционной, а руководителей — так и быть, министрами. Ясно?

— Ясно, — ответил я. — А теперь скажи, откуда вы здесь, в Верхнеудинске, узнали обо мне?

Оказалось, что вызовом я был обязан случайной встрече со школьным товарищем на станции Слюдянка. Как известно, на станциях, затерянных по Великому Сибирскому пути, самым большим событием дня было прибытие пассажирского поезда, в те годы чаще всего — служебного. Как и все, я выходил на станцию встречать поезд, и однажды кто-то меня окликнул и назвал по фамилии. Я остановился, узнал, мы поздоровались. Мой товарищ был поражен, что видит меня на глухой станции. Когда я рассказал, что преподаю историю в местной школе, он рассмеялся и не поверил, а потом вскипел: «Как это можно, в такое время и закопаться здесь?!» Я слушал его и только радовался, что не успел сказать всего — я ведь влюбился в свою ученицу, шестнадцатилетнюю синеглазую татарку, и хотел на ней жениться.

Состав неожиданно дернулся, и мой приятель едва успел вскочить в свой вагон. Как рассказал Буртман, мой однокашник дал знать кому-то в Иркутск и Верхнеудинск, что я застрял на маленькой станции

и что меня надо оттуда извлечь и использовать для дел более серьезных. Со временем это стало известно председателю совета министров Краснощекову, и он велел немедленно вызвать меня.

— Зачем, собственно? — спросил я Буртмана.

— Считают, что ты годишься, — заверил он меня, — пока обживайся, а там, глядишь, что-нибудь и подберут.

Меня поселили в старой сибирской семье — у Родовских. Хозяйка была родственницей Е. Ярославского. В двух комнатах их большого дома уже расположились несколько ответственных работников Дальневосточной Республики. Все жили как попало. Один только Николай Николаевич Ромм спал на диване, но не потому, что был министром финансов, а потому, что был старым политкаторжанином и самым пожилым среди нас. В его комнатухе, заваленной политической литературой, на сооружении из книг и большой гладильной доски спал другой министр. Заместитель какого-то министра, Буртман и я располагались на столе и на полу в первой, проходной комнате.

Пока у меня никаких обязанностей не было, я с утра в комнате Ромма принимался за чтение. Впервые прочел «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина, «Русскую историю» Покровского, небольшую, но очень ясную и полезную брошюру Потьева «Финансовый капитал». Больше всего меня захватил журнал «Коммунистический Интернационал». Тот, кому в эти трудные годы пришла мысль издать журнал большого формата, на хорошей по тому времени бумаге, в лучшей типографии в России, был не только ценителем книги, но и большим политиком. Именно так должно было одеться после победы революции то самое слово, которое раньше приходило к рабочим и интеллигенции наспех напечатанным на серой или папиросной бумаге. История Циммервальда и Кинталя, долговременная бескомпромиссная борьба против империалистической войны, за мир и за дело рабочего класса впервые встали передо мной. Что было дороже всего — за журналом виделись не голые лозунги, а живые люди, образы которых годами

сопровождали и согревали меня в жизни. Как магически звучали имена: Ленин, Луначарский, Либкнехт, Генриетта Роланд Гольст, Джон Рид, Инесса Арманд! Как будто весь мир поднялся и на страницах журнала стоял за ними.

От Родовских я шел в помещение Дальбюро ЦК РКП(б), где имелся кабинет с книгами и журналами. Поскольку я был некоторое время «доморощенным историком», меня сразу привлекло собрание статей Р. Ю. Виппера. С тех пор я их не перечитывал, но тогда мне казалось, что для привлечения колеблющейся интеллигенции на сторону народа нет более ученой и умной статьи, чем «Две интеллигенции».

В Дальбюро я бывал по утрам и встречал только работавшую там молодежь — своих сверстников. От них я узнал, что, к сожалению, Дальбюро в тот момент разбилось на две группы: в одной был Краснощеков, в другой Гончаров и Ширямов.

Никто не оспаривал того, что Краснощеков имел большие заслуги перед Советской властью: он был первым председателем Советского правительства на Амуре в 1917—1918 гг., а затем ушел в подполье. Но его коллеги по Дальбюро (а один из них был старым рабочим-большевиком) не могли вынести того, что, по их словам, от него так и несло анархо-синдикализмом. Краснощеков в годы пребывания в Америке, куда он эмигрировал после революции 1905 г., был деятельным членом полуанархического союза Индустриальных рабочих мира.

Но если у Краснощекова было много противников, то и друзей было не меньше. С ними мне также пришлось встретиться в Верхнеудинске. Одним из них был Федор Николаевич Петров, военный министр; в то время, как я уже упоминал, он вел переговоры с японским командованием на разъезде Гонгота. Другим был командовавший войсками ДВР В. К. Блюхер.

Петров, типичный русский интеллигент, врач по профессии, ушел в революцию по глубокому и непоколебимому убеждению. Долгие годы революционной работы и заключение в Шлиссельбургской крепости наложили на него свой отпечаток.

Блюхер олицетворял романтику революции. У него

было смелое, красиво очерченное лицо, ясные глаза; был он на редкость прост, открыт и приветлив. Он отличался той природной щеголеватостью и аристократичностью, которые до революции встречались у потомственных рабочих, знавших себе цену. В него были влюблены поголовно все бойцы, называли его орлом, гордились и восхищались им.

Разительно контрастировал с ними Краснощеков с его мало располагавшей к себе наружностью. Был он костляв, долговяз, неуклюж, с большим мефистофельским лицом, с насмешливой речью.

Краснощеков безусловно нуждался в людях сильнее и умнее себя. Партия могла дать их в избытке, и, работая в последующие годы в Москве на крупных государственных постах, он сумел изжить многие свои недостатки и развернуть свои недюжинные способности, громадную энергию и смелость.

Однажды, когда я сидел в читальне Дальбюро, меня вызвали к Краснощекову.

— А в чем дело? — спросил я работника Дальбюро (вскоре погибшего на льду Финского залива во время наступления на Кронштадт).

— Не знаю, — ответил он, — многих посылают с поручениями в Москву, может быть, пошлют и тебя.

С бьющимся сердцем я торопливо вышел. Совет министров помещался на главной улице, в особняке одного верхнеудинского богача, бежавшего с белыми. У Краснощекова в кабинете сидел какой-то человек. Нас познакомили. Мой новый знакомый, Игнатий Львович Юрин, был среднего роста, широкоплеч, лыс, с густой каштановой бородой и большими синими глазами. Я был так молод тогда, что он показался мне дедом. Мы его так впоследствии и называли, хотя на самом деле ему не было сорока.

— Хочу отправить вас в командировку, и довольно далеко, — сказал Краснощеков.

Сердце мое забилося. Так вот оно что! Я уже видел золотые маковки церквей, Третьяковскую галерею, Васнецова, Рериха и тот самый Исторический музей, о котором я столько читал, когда готовился к урокам истории в Слюдянке.

— В Москву? — не выдержал я.

— Нет, в Пекин,— ответил Краснощеков.— Дело вот какое. Товарищ Юрин едет с миссией в Китай. Он подбирает штат. Хотите поехать с ним в Пекин секретарем миссии?

Я был ошеломлен. Что я мог ответить? Сказать: «Так не в Москву?» Или: «Да, очень рад!» Я пробормотал в ответ что-то вроде «если надо...»

— Еще один вопрос,— вновь обратился ко мне Краснощеков,— говорите ли вы по-китайски?

Я ответил, что говорю. Я вырос в Харбине и был студентом Восточного института во Владивостоке.

— А по-английски?

И на этот вопрос я ответил утвердительно.

Краснощеков и Юрин переглянулись.

— Как по заказу! Конечно, все это мы уже слышали,— сказал Краснощеков,— но, знаете, всегда лучше получить сведения (он широко улыбнулся) «прямо изо рта у лошади...»

Я знал это выражение (*straight from the horse's mouth* — «из первоисточника») и тут же сказал его по-английски. Юрин и я вышли, вместе дошли до его квартиры, и он пригласил меня пообедать. Юрин оказался незаурядным кулинаром.

Вечером, перебирая впечатления дня, я все еще чувствовал себя ошеломленным. Так вот оно как повернулось. Я пересек фронт, конечно не для того, чтобы попасть в Слюдянку, я стремился дальше в Россию, в центр. Меня возмущала мысль об отъезде из Харбина или Владивостока за границу, куда бежало немало моих сверстников. Уехать из своей страны и в такое время — да это трусость и измена! Надо быть полным ничтожеством, чтобы променять Петроград и Москву на Нью-Йорк или Мельбурн. Ну, а в Китае?

К сожалению, выбора не было. Меня посылали туда в конечном счете та же Москва, та же Россия, которым я хотел служить. Что ж, сочтем, что поездка в русские столицы просто откладывается на время.

Во мне говорил и другой голос. Рано или поздно мне надо побывать в Китае. Ведь я вырос на его окраине. Китайские поселки и города, которые мы видели в Маньчжурии, были только грубыми про-

винциальными копиями его великих древних столиц. С какими сокровищами искусства могли мы познаться в китайском предместье Харбина — Фуцзядяне, хотя в нем и было 300 тыс. населения?

Нет, это предложение или, вернее, назначение в Китай было большой удачей. А потом уж Москва.

Я присутствовал на заседаниях, когда составлялись и формулировались вручаемые миссии документы. Я знал, что миссии следовало добиться учреждения нашего постоянного дипломатического и консульского представительства в Пекине, так же как и китайского у нас. Я знал, что миссия совместно с китайцами должна пересмотреть все договоры, заключенные царским правительством с Китаем; предстояло вести переговоры о границах, таможенных пошлинах, об отмене права экстерриториальности. Но не это застряло в моей памяти и звучало в ушах. Я навсегда запомнил полутемный зал Учредительного собрания ДВР, сидевших там бородатых крестьян, партизан, рабочих, профессиональных революционеров и величественные слова принятой тогда декларации, провозглашавшей, что свободный русский народ идет совершенно иными путями и всей душой стремится исправить вековые несправедливости.

В течение нескольких последующих дней состав миссии определился.

Юрин, глава ее, до назначения в Китай занимал пост заместителя военного министра в правительстве ДВР. Он был офицером военного времени, а после революции служил в Красной Армии.

Первым секретарем миссии был Громов — старый партизек, большевик, побывавший в эмиграции в Америке, где работал простым рабочим. Юрин не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с ним.

За Громовым следовали: личный секретарь Юрина — Павел Хретинин, позже ставший казначеем миссии, высокий молодой костлявый блондин, бывший сибирский партизан, а затем адъютант Юрина в военном министерстве; шифровальщик Миша Гурьянов — хороший и простой парнишка, тоже из Красной Армии, и я — второй секретарь миссии.

Мы выехали не сразу. Возможно, это произошло

потому, что нужно было разобраться в быстро менявшейся международной обстановке; а может быть, играла роль и сложная обстановка в самом Верхнеудинске. В это время шла телеграфная и всякая другая переписка с Москвой, Иркутском, Сибревкомом, согласовывались кандидатуры; местным граверам была заказана печать миссии и напечатаны бланки и конверты с гербом новой республики. Был составлен и вручен Юрину документ, представлявший нечто среднее между модным в то время мандатом и верительной грамотой, получен хороший автомобиль, на котором государственная миссия могла с подобающим достоинством прибыть в Пекин. Это была трофейная машина американской марки кадиллак. Ранее она принадлежала французскому генералу Жаннену, бывшему главой французской военной миссии при Колчаке. Подобрали двух надежных русских шоферов-механиков из армии: Жданова и Гадзкого. Кадиллак был защитного цвета, и шоферам пришлось немало потрудиться, чтобы сделать его блестящим черным. Но вот о личной экипировке мы совсем не подумали. У нас было в лучшем случае по одному заношенному штатскому или полувоенному костюму и по одному продавленному и обвязанному веревками чемодану. Впрочем, нас это очень мало беспокоило.

Нам предстояло ехать в Пекин, но как? Нормальным путем был бы железнодорожный — по Великой Сибирской магистрали и далее по КВЖД — через Читту, Маньчжурию, Харбин и Шэньян. Но этот путь был для нас закрыт, так как в сотне километров от Верхнеудинска его перерезало белогвардейское царство Семенова. Оставался единственный путь, сотни лет соединявший Россию и Китай, — старая караванная дорога через Кяхту и Монголию. По этому пути мы и решили ехать.

До Кяхты можно было добраться по реке Селенге, а оттуда предстояло совершить пробег на машине через пустыню Гоби и далее до Пекина.

В назначенный день с небольшим имуществом миссии мы отправились на пристань. Каково же было наше удивление и удовлетворение, когда мы увиделись, что нам подан специальный пароход. Это

было первым и ощутимым доказательством, что поездке миссии придавалось большое значение. Настроение было несколько испорчено тем, что Юрин опоздал и задержал отправку парохода до вечера, чем немало потрепал нервы горожанам, получившим разрешение плыть на пароходе с нами.

Расстояние было небольшое — около двухсот километров — и на следующий день мы прибыли в Кяхту.

Кяхта

В те годы Кяхта представляла собой не один город, а как бы нанизанные на нитку и почти сливавшиеся воедино целых три. Два из них — Троицкосавск и Кяхта — находились на русской территории, третий — Маймайчэн — на монгольской.

Ядром была Кяхта — старинная русская слобода, выросшая на караванном пути из России в Китай сотни лет назад. Это был тихий тенистый город с обширными особняками и складами богатых русских чаепромышленников, из которых многие были миллионерами. Через Кяхту шла большая торговля с Китаем, и к ней, естественно, тяготела целая округа, поставлявшая рабочую силу, лошадей, средства транспорта, упаковку. Не удивительно, что сибирские губернаторы и создали почти вплотную к Кяхте административный центр округа — Троицкосавск.

Но на этом дело не кончилось. Поскольку торговый оборот был международным, по ту сторону границы и также почти сливаясь с Кяхтой возник оживленный городок Маймайчэн (что значит «торговая слобода»), где жил китайский сановник и был расквартирован немногочисленный гарнизон. В Маймайчэне было очень много лавок, сбывавших китайские и европейские товары.

Мы остановились в Троицкосавске, где находились власти ДВР, школа, больница, библиотека, типография. Сначала мы разместились в убогой местной гостинице, а через несколько дней Юрин по совету местных властей нашел более удобным для миссии

переехать к местному богатому чаоторговцу Сердюкову. Надо иметь в виду, что слово «богатый» в применении к Кяхте и ее купцам к тому времени в значительной степени потеряло смысл, так как чайная, да и всякая другая торговля с Китаем уже давно была нарушена. Многие купцы разорились и уехали. У Сердюковых имелось все же несколько парадных комнат, где можно было принять посетителей.

С этого момента началась дипломатическая деятельность миссии. Юрин дал и мне первое поручение — составить телеграмму в Пекин, извещающую, что мы прибыли на границу и просим министерство иностранных дел дать свое согласие на наш приезд.

У Юрина и, как я позже убедился, не у него одного, в то время была такая система: сам он ничего не писал, а заказывал проект. Получив его, он сразу же обнаруживал недостатки и давал указания, часто очень неясные, в каком направлении следует проект доработать. Иногда он диктовал отдельные слова и полуфразы, которые надо было монтировать в какой-то связный текст. Я приносил второй вариант — и вновь начинались обдумывание, обсуждение, браковка, поправки, поиски нужного поворота мысли. Метод этот был мучительным, но он неизбежен в тех случаях и для тех людей, которые лишены дара моментальных острых формулировок и находят их, чаще всего отталкиваясь от чужих.

Первый составленный мною прямолинейный текст телеграммы, сообщавшей, что правительство ДВР отправляет миссию и просит китайское правительство ее принять, был немедленно и категорически забракован и высмеян. Юрин, слегка заикаясь, саркастически заметил, что такую телеграмму можно было послать и из Верхнеудинска два месяца тому назад, но ведь этого не сделали! Почему? Как почему? Реакционеры в Пекине начали бы волокиту, дали бы через три месяца какой-либо уклончивый ответ, и мы могли бы переписываться до второго пришествия.

Все же эти нудные споры, попытки понять, чего же шеф в конце концов хочет, дали мне первый урок составления дипломатических документов. В таком документе, кроме его прямой цели и основной мысли,

есть скрытые повороты и возможности, которые дают составителям то или иное преимущество. Это то же, что в фехтовании — умение при равном оружии и равных силах использовать особенности площадки, освещения, психологические факторы.

Общими усилиями мы в конце концов нащупали такой скрытый поворот. Смысл его заключался в том, чтобы считать вопрос о приеме миссии Китаем бесспорным (как же можно не принять миссию законного правительства соседнего государства?!) и уведомить, что миссия отправлена, миссия уже едет, миссия на границе, дело только за содействием местных властей. Если бы телеграфировал Верхнеудинск, Пекин мог войти в отвлеченные рассуждения по поводу того, нужна ли миссия; с миссией же, находящейся в пути и даже на границе, нельзя было не считаться, ей нельзя было ответить «езжайте обратно». Мы ставили Пекин перед фактом, и этим выигрывали очко. Наша телеграмма и была составлена как просьба дать распоряжение местным властям оказать нам содействие в продолжении путешествия в Пекин. Я перевел ее не без трепета на английский язык.

С нею я отправился в Маймайчэн (для этого не требовалось никаких формальностей) и разыскал китайский телеграф на окраине города. Телеграф через Монголию оказался под датским контролем, и только низшие должности были заняты китайцами. Я получил первое представление о сложном, типичном для полуколонии, международном переплете простейших дел. Русская миссия, чтобы снестись с китайским правительством, должна была воспользоваться услугами китайского чиновника датского телеграфа, написать телеграмму на английском языке и оплатить ее мексиканскими долларами*.

Вечером Юрин говорил по прямому проводу с Краснощековым. Тот велел телеграфисту тут же передать английский текст телеграммы. Я стоял подле и не без трепета ждал, что ответит Краснощеков. Последовало одно слово: «Ого!», которое решено было считать знаком одобрения.

* Два мексиканских или китайских доллара равнялись одному американскому.

На эту телеграмму долго не было ответа, и мы начали терять терпение. Что оставалось делать? Знакомиться с колонией в Кяхте и изучать местные проблемы? Мы начали расспрашивать знающих людей. В Троицкосавске были уже власти ДВР. Был и консул РСФСР, пожилой, серьезный латыш Макстенек, приехавший, как мне кажется, из Иркутска до образования ДВР.

Больше всего мы общались с двумя местными работниками, оставленными здесь еще Красной Армией,— комендантом города Меркуловым и начальником гарнизона Абрамовым. Последний был путиловским рабочим-коммунистом. Его худощавая высокая фигура и натруженные руки свидетельствовали о долгих годах работы на заводе.

Познакомились мы и с матросом, представлявшим органы безопасности: вначале он отнесся очень подозрительно к требованию передать в наше распоряжение весь погреб реквизированных и бесхозных вин, но после уговоров, поняв, что мы сами вовсе не собираемся их пить, сдал нам все, включая шампанское.

Чаще всего я встречался с Маловым, учителем, редактором местной газеты*. Он рассказывал о недавнем прошлом Троицкосавска. Запомнился его рассказ о том, как уходившие белогвардейцы, перепившись, ворвались в тюремную больницу, где лежали раненые военнопленные, и изрубили шашками семьсот человек. В особенности запомнилась мне фамилия руководителя всех этих убийств полковника Саломахи.

Не помню уже, по указанию Верхнеудинска или по идее самого Юрина, мы решили издать отдельный номер местной газеты, целиком посвященный миссии и ее задачам (мы должны были захватить этот номер в Китай), и поэтому все статьи мне пришлось перевести на английский язык, Малов обеспечил нас иностранными шрифтами. Если какие-нибудь экзем-

* Видимо, это тот Малов, которому принадлежит статья «Троицкосавские Красные Казармы», опубликованная в книге «Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке», кн. III, Владивосток, 1925, стр. 139—146.

пляр этого двуязычного номера сохранились, они представляют собою значительную ценность для библиографа.

По занятости, легкомыслию и неопытности я так ничего серьезного в Кяхте и не прочел. Единственное, что мне запомнилось, это принесенный Маловым том «Манон Леско» в дорогом желтом шелковом переплете — очевидно, любительский экземпляр из бывшего купеческого собрания. Эту книгу я с увлечением прочел от доски до доски и мысленно не раз вместе с кавалером Де Грие рыл обломком шпаги могилу бедной Манон.

Однажды мне сообщили, что двое наших стоят на границе и хотят пройти, но их задерживает китайский караул. Я поспешил туда и обнаружил, что это был мой школьный товарищ по Харбину, коммунист-подпольщик Абрамсон, сопровождавший некоего Гусева. Мы заверили пограничный пост, что этих людей следует пропустить, и отвезли их к себе в гостиницу. Мы узнали, что они проехали через Монголию из занятого белыми Владивостока, где по партийному поручению Гусев должен был ознакомиться с политической обстановкой, под видом журналиста установить контакт с японцами и выяснить их настроение и намерения. Как выяснилось, «Гусев» — только псевдоним; под этой фамилией скрывался известный публицист, впоследствии секретарь «Известий» В. Д. Виленский-Сибиряков*.

В Троицкосавске произошла и другая любопытная встреча. Однажды в дом Сердюковых явился запыленный и измученный коренастый человек, по фамилии Чайванов, с лицом несколько монгольского типа

* Участник гражданской войны на Дальнем Востоке П. С. Парфенов-Алтайский пишет в своей книге «Борьба за Дальний Восток. 1920—22 гг.» (М., 1928, стр. 69), что 14 февраля 1920 г. в Иркутск прибыла специальная сибирская делегация Наркоминдела в составе Я. Д. Янсона, В. Д. Виленского-Сибирякова и Рудого. На стр. 139 он сообщает, что тогда же, в феврале 1920 г., Виленский-Сибиряков был назначен уполномоченным советского правительства во Владивостоке и что он пробрался туда через семеновский заслон при помощи белочехов. Поздним летом того же года, как мы видим, он возвращался обратно в Россию через Монголию.

и совершенно необыкновенными прозрачными зелеными глазами. Он оказался очень образованным человеком, окончившим не только юридический факультет, но и консерваторию в Москве. Со студенческой скамьи он был причастен к революционному движению; события забросили его в столицу Монголии — далекую Ургу. Он вел активную большевистскую работу в довольно многочисленной русской колонии в самой Урге и в различных монгольских поселениях. Обстановка в стране была очень сложной, Монголия была переполнена бежавшими от наступавшей Красной Армии остатками белогвардейских банд. Жизнь каждого человека, в особенности сочувствовавшего Советской власти, не говоря уже о тех, кто боролся за нее, висела на волоске. Чайванов тайком выбрался из Урги и проскакал верхом все 400 километров до Троицкосавска. Мы провели с ним не один день. Юрин составил с ним план дальнейшей работы в Урге, а я изготовил и напечатал мандат, назначавший Чайванова генеральным консулом ДВР по Монголии*.

Чайванов приехал не один. С ним был его верный помощник Черепанов, бывший матрос «Потемкина», в то время простой рабочий. Когда дикая банда Унгерна ворвалась в Ургу, убивая всех подозреваемых в большевизме (Чайванов по вызову правительства был уже в Верхнеудинске), Черепанов, услышав шаги карателей на лестнице, забаррикадировал дверь чердака и успел повеситься, доставшись врагу только мертвым.

Мы были на границе, в двух шагах от нас хозяйничали китайские власти, и, так как ответ из Пекина задерживался, следовало установить с ними по возможности наилучшие отношения. Послав соответствующий запрос и получив ответ, что нас ждут, мы выехали с официальным визитом к сановнику в Маймайчэн. Не знаю, какой церемониймейстер планировал детали нашего визита, но прием был организован так: мы все — чины миссии — собрались во дворе Сердюковых, куда подали экипаж, запряженный парой ло-

* Владимир Николаевич Чайванов занимал впоследствии крупные посты в ГПУ при Дзержинском. Сейчас ему 72 года, он профессор, большевик, персональный пенсионер.

шадей. Во двор въехал отряд забайкальских казаков из частей ДВР. Через город мы промчались в следующем порядке: впереди верхами на лихих конях, подымая страшную пыль, с карабинами за спиной отделение казаков, далее наша дипломатическая пролетка и позади опять верховые казаки.

Думаю, что порядок кавалькады установил начальник гарнизона Абрамов не без подсказки местных жителей, которые руководствовались издавна сложившимся и столько раз виденным пограничным ритуалом. Во всяком случае, когда мы мчались в экипаже с почетным и таким колоритным конным эскортом через древнюю русско-монгольскую границу, у нас было отчетливое ощущение, что все это — частица истории. На границе к кавалькаде присоединился конный китайский конвой.

Пограничный сановник Лу оказался молодым и очень приветливым человеком. Он вежливо принял нас в своей пустынной и холодной гостиной с каменным полом и жесткой мебелью. Нас угостили чаем со сладостями. После этого мы виделись не раз — ездили к нему на обеды и угощали у себя, в доме Сердюковых (недаром мы так упорно боролись с матросом за винный погреб).

Для первого визита китайских чиновников Юрин, чтобы занять гостей, задумал даже маленькое изменение обычной программы. Жена Сердюкова — Надежда Сергеевна, крупная и жизнелюбивая женщина средних лет, в юности воспитывавшаяся в швейцарском пансионе, была хорошей музыкантшей и в свое время училась танцам. Она сыграла для гостей несколько пьес на рояле, а потом, переодевшись в балетный костюм, протанцевала с адъютантом Юрина Павлом Хретиным какой-то фантастический па-де-де. Все происходившее могло показаться несуразным, но на самом деле это было нужно. После тех басен о дикарях-большевиках и чинимых ими зверствах, которые рассказывали китайцам белогвардейцы, было уместно и необходимо показать первым же представителям Китая, что они имеют дело с цивилизованными людьми. Как ни журьезно (хотя мы тогда об этом и не знали), наша программа целиком соответ-

ствовала старокитайским понятиям об этикете — ни один банкет в императорском дворце не обходился без различного рода увеселений.

Другим официальным лицом, с которым мы встречались в Маймайчэне, был начальник гарнизона полковник Ли. Однажды нам пришлось возвращаться с банкета в общем экипаже. Ли был в хорошем настроении, разговорился и заметил, что сочувствует нам — он сам был участником революции 1911 г. в Китае. Я помню, какое впечатление это произвело. Сломался какой-то барьер, возникло, правда на мгновение, чувство какой-то общности. Ведь мы тогда еще не совсем ясно понимали, что китайская военщина и часть интеллигенции, как правило, вкладывали в слово «революция» совсем другой смысл.

Тем временем дипломатическая переписка шла своим порядком. Надо признаться, мы совершенно не знали, что за нею скрывалось. Во время пребывания в Кяхте миссия с большими интервалами получала от китайских властей разные ответы, при этом даже не зная точно от кого. Лу говорил, что из Пекина, но никакого текста нам не вручал, а ответ мог быть и из Урги. Нам предложили ждать, пока Пекин не вышлет своих уполномоченных на границу для переговоров. Против этого мы энергично возражали: мы — государственная миссия и должны вести переговоры с правительством. Было предложение съехаться в Урге — миссия его отклонила. Так текли недели, и, к нашему глубочайшему стыду и огорчению, мы не могли ничего утешительного сообщить Верхнеудинску.

В своих повторных обращениях к китайским властям мы всегда указывали не только на свои дипломатические функции, но и на свои полномочия в вопросах урегулирования торговых отношений. В связи с этим мы решили завести торгового атташе. На эту должность Верхнеудинск прислал экономического эксперта из деловых кругов (ранее служившего в английской концессии «Лена Голдфилдс», эксплуатировавшей золотые прииски по Лене), некоего Негребецкого, хорошо разбиравшегося в коммерческих и валютных вопросах и бывавшего за границей. Это был

сухонький старичок, на редкость маленького роста. Он ездил на приемы в своем курьезном маленьком фраке и привезенном из Парижа цилиндре. Все это, как нам казалось, поддерживало престиж миссии. К сожалению, он был очень болтлив и невыдержан. На очередном банкете у китайских властей он так увлекся трепангами и другими непривычными для него китайскими кушаньями, что на обратном пути ему стало плохо, и мы привезли его домой в бессознательном состоянии, распростертым на наших коленях. К животу его мы бережно прижимали драгоценный цилиндр, который так боялись раздавить. Однажды пришла телеграмма, подписанная Малоземовым и Пюзи и предлагавшая Негребецкому выехать для встречи с ними в Маймайчэн. Наш коммерческий атташе пришел в неопишное волнение. Как, мы не знаем?! Малоземов — известнейший инженер; он и англичанин Пюзи — это тузы «Лена Голдфилдс». Но нам не нужен был коммерческий атташе, в представлении которого иностранные концессионеры по-прежнему оставались хозяевами, так что он готов был лететь на их зов хоть на край света. Поэтому его отчислили и возвратили в Верхнеудинск.

Все же упоминание о торговых функциях и наличие у нас хотя бы временного коммерческого атташе, по-видимому, не прошли бесследно. В один прекрасный день к нам приехал в сопровождении китайского эскорта пограничный комиссар Лу и торжественно передал официальное согласие китайского министерства иностранных дел допустить торговую миссию ДВР в Пекин.

Итак, мы добились своего.

— Но ведь только торговую? — сказал я Юрину.

— Пустяки, — ответил он, — лишь бы поехать; поедем, как торговая, а там будем всякой. Все же перекажите бланки и конверты.

После переговоров и разрешения Верхнеудинска миссия стала именоваться «экономической» и были заказаны дополнительные бланки с этим титулом. «Экономическая» — звучало солиднее и шире, чем «торговая». Нам были присланы новые верительные мандаты, на которых красовалась подпись министра

иностранных дел Червонного, сменившего Краснощекова*.

Я перевел название «экономическая» на английский язык (economic), не зная, сколько терзаний доставит мне этот перевод. В Пекине я убедился, что во всех газетах нашу миссию называли «economic». Я краснел и стыдился, причем, как позже выяснилось, совершенно напрасно, так как на самом деле можно переводить и так и этак. Вскоре после приезда в Пекин необходимость называться экономической миссией отпала. Мы узнали, что китайское правительство тоже относилось к этому термину как ко временной необходимости**.

Уезжая, мы так же мало понимали, почему китайское правительство внезапно разрешило нам въезд, как раньше — почему оно отказывало. Разобраться в этом нам суждено было только в Пекине.

По монгольским степям

Мы выехали из Кяхты 9 августа. Наш отъезд был обставлен торжественно. Население было заранее оповещено, высыпало на улицу, и мы проехали в нашем черном кадиллаке с флажком ДВР на радиаторе сквозь толпы людей. Юрин, стоявший в машине, силой усадил нас, когда мы тоже попытались встать, махал шляпой, отвечал приветствиями и лозунгами на возгласы и крики «ура!». Нас провожал неизбежный конный конвой, на этот раз состоявший из целого взвода, а от границы до резиденции пограничного комиссара — конные китайские солдаты.

* «Червонный» — псевдоним одного из известнейших коммунистов Сибири — Бориса Шумяцкого.

** Вайцзяобу (министерство иностранных дел), дав согласие на приезд миссии Юрина, вынуждено было заверить французского посланника, что в переговорах с Дальневосточной Республикой политические вопросы обсуждаться не будут. Вероятно, поэтому китайское правительство и дало согласие на приезд миссии как торговой, хотя и оно и мы очень скоро забыли об этом.

Мы уже торжественно и сердечно прощались с Лу, когда он внезапно сообщил, что для нашего комфорта дает нам провожатого до самого Пекина — китайского дипломатического чиновника Ни. Он проследит за тем, чтобы мы без всяких осложнений доехали до места назначения. Появился Ни — худощавый китаец в теплом, подбитом ватой, синем шелковом халате, в скрывавших глаза темных очках. Рот его сверкал золотыми зубами. Никакого удовольствия от провожатого, навязанного явно для того, чтобы следить за нами в пути, мы не испытали. Но делать нечего — пришлось сделать любезные лица и согласиться, хотя бы для того, чтобы снять с себя подозрение или возможные обвинения, что в дороге мы занимались-де совсем не посольскими делами. Так мы и выехали — впереди два шофера, мы вшестером сзади. Багаж наш был громоздок, пришлось взять с собой кое-что из теплой одежды на случай холода и дождей; с нами был большой запас бензина и масла; на случай перегрева или буксования мы взяли с собой цепи, ведра и доски; сзади к машине были привязаны веревки и всяческий шанцевый инструмент. Из специального дипломатического багажа с нами был чемодан с бланками и печатями, ящик с серебряными (ямбовыми) слитками на дорожные расходы и два ящика шампанского для угощения китайцев и ознаменования каких-либо выдающихся событий или дат. Мы взяли с собою и словари — русско-английский Александрова и китайско-русский — епископа Иннокентия. О продовольствии мы в спешке забыли и оставили все американские мясные консервы в гостинице.

Не существует рецепта писать мемуары, но есть два обязательных условия: говорить правду, что означает — не приукрашать, не искажать и не угождать, и не добавлять «воды», т. е. узнанного не из личного опыта.

Проехав по Монголии, мы очень мало о ней узнали. У нас была другая задача, и мы думали только о том, как бы скорее добраться до Пекина. Кроме того, китайская реакция в то время наложила свою лапу на Монголию, и всякая наша попытка серьезнее ознакомиться с монгольскими делами и сблизиться с

населением повела бы к ненужным осложнениям. Уже зарождалась монгольская Народно-революционная партия, развертывал свою деятельность Сухэ-Батор, между русскими и монгольскими революционерами был уже полный контакт, но обо всем этом мы узнали либо позже, либо стороной.

И день и другой ехали мы по пустыне, и чем дальше, тем больше росли наше удивление и разочарование. Где же в конце концов великая пустыня Гоби? По невежеству мы ждали, что в нескольких километрах от Кяхты мы въедем в полосу сыпучих песков, в бескрайнюю и безводную пустыню, подобную Сахаре. На самом же деле местность напоминала наше Забайкалье. Повсюду были пригорки, леса, шерелески, воды было даже слишком много, и часто приходилось переезжать речонки по примитивным или ветхим мостам с большим риском для нашего тяжелого кадиллака. Хотя пустыня Гоби и вписана большими буквами поперек всей карты Монголии, она начиналась где-то дальше, на большом расстоянии от границы.

Ехали мы без происшествий. По дороге иногда встречались бензиновые склады, где мы могли пополнить запас горючего. Торговали им китайцы, привозившие из Тяньцзина американский бензин фирмы «Сокони».

Однажды мы прибыли на берег большой реки. Моста не было или он был слишком ветхим, не помню, и мы долго простояли на берегу, ища переправы. Уже смеркалось, настроение было тревожное. Откуда-то появились большие группы монголов с быками и лошадьми. Возле нас бешено кружился какой-то всадник в вывороченном мехом наружу белом треухе. Он выкрикивал исковерканные русские слова и куда-то показывал рукой. Мы не могли понять, чего он хочет.

Тем временем шоферы знаками упросили монголов дать нам быков, чтобы те перетаскили автомобиль на другой берег. При помощи веревок в машину было впряжено несколько пар быков, и она тронулась. Мы с наиболее ценным багажом перебрались через реку верхами на взятых у тех же монголов лошадях.

Стало уже совсем темно. Холодало. Ночевать было негде. Снова появился монгол в треухе на своем

неспокойном скакуне, снова жестаи он звал нас куда-то.

Приведенную в порядок машину удалось завести, и примерно через час, в глубокой темноте, мы, следуя за монголом, добрались до высокого частого кола. Оглушительно залаяли огромные собаки, откуда-то появился свет, открылись тяжелые ворота, и мы въехали в ограду. В темноте вырисовывался силуэт дома. Один из шоферов поднял с земли тонкую сухую доску, зажег ее с одного конца, и при этом свете, оставив двоих (меня и второго шофера) в машине, наша группа тронулась осматривать двор и дом. Через некоторое время товарищи вернулись и сообщили — никого и ничего дурного нет, мы располагаемся на ночлег.

— Вот что,— сказал Юрин,— вы вдвоем так и оставайтесь в машине, а мы пойдем спать в дом. Утром вас сменят.

Я взглянул на шофера, сидевшего рядом со мной. Он намучился за долгий день с машиной.

— Давайте, я один останусь,— предложил я.— Пусть он идет спать.

— Ладно,— согласился Юрин,— только не засните и держите револьвер на коленях. В случае чего — стреляйте.

Я просидел до рассвета, пытливо вглядываясь в темноту, ловя каждый внезапно возникавший шорох, вслушиваясь в волчий вой и оглушительный собачий лай.

Когда уже начало светать, я заснул. Проспал я довольно долго, часов до восьми, и, когда проснулся, в глаза мне бил яркий солнечный свет. Передо мной стояла дама лет сорока — сорока пяти с высокой прической и тонкими чертами красивого лица, во французском шелковом, вышитом розовыми цветами халате.

Не вполне проснувшись, я решил, что читаю продолжение «Манон Леско», а героиня не умерла и встретила со мною.

Но дама заговорила, и притом на чистейшем русском языке:

— Отчего вы не идете спать в дом? Все же спят

там. Или вы боитесь за машину? Вы можете быть совершенно спокойны, ее никто не тронет. Откуда вы едете?

Я уже совсем очнулся, но все еще не понимал, где мы и кто со мной заговорил. А вдруг, и это очень возможно, мы попали в белогвардейское логово? Я решил не рисковать и ответил уклончиво:

— Мы сбились с дороги и задержались на переправе. Скажите, где мы?

— Это моя заимка. Я — баронесса Фитингоф.

Час от часу не легче. Пустыня преподносит первые сюрпризы. Тем временем на пороге дома я увидел каштановую бороду и синие глаза Юрина. Я окликнул его. Без малейшего смущения он приветствовал хозяйку, очень галантно, по-петербургски, поцеловал ей ручку и занял разговором.

После завтрака мы все, поблагодарив баронессу, распрощались с заимкой и уехали, так и не раскрыв своего инкогнито. Это было весьма благоразумно при случайной встрече в кишевшей белогвардейцами центрально-азиатской пустыне.

В Урге все было так, как рассказывали очевидцы и описывали десятки путешественников. Мы ходили по базару, посещали монастыри, ездили по окрестностям. Монгольские храмы не производили сильного впечатления. Сотни штампованных бронзовых будд напоминали самовары в гигантском магазине. Остаться одному в обществе тысяч желтых и красных лам в монастырях было в общем жутковато, хотя бояться было, конечно, нечего. Это смахивало на какой-то карнавал, но я не пришел в восторг, ибо не выношу пьяных, сумасшедших и ряженых.

Местные китайские власти знали, что мы едем. Нас встретили и поселили в доме полковника Вана, командовавшего не то гарнизоном, не то каким-то отдельным полком. В правой половине полковничьего дома расположились мы, в левой остался Ван. У наружных дверей стояли два вооруженных солдата довольно дикого вида.

Ван был небольшого роста худощавый человек лет сорока, с темным неприветливым лицом и холодными, недружелюбными, не способными к улыбке, глазами.

С нами он не общался. Только однажды вечером он зашел в кабинет Юрина, где я сумерничал в одиночестве, кивнул мне, оглядел комнату и, очевидно желая сообщить мне что-нибудь приятное и ободряющее, сказал по-китайски:

— Это мой кабинет. Здесь я застрелил полковника Саломаху. Он стоял как раз там, где стоите вы.

Я ослабился. Его мотивы были выше подозрений: он искренне хотел обрадовать нас сообщением, что собственноручно расправился с одним из наших врагов. Оставалось только надеяться, что он стреляет не во всех гостей, стоящих на этом самом месте.

С его караулом у нас произошло столкновение. Однажды Миша Гурьянов, возвращаясь из города, где он разыскивал Юрина, спросил о нем одного из часовых. Тот что-то пробормотал. Гурьянов переспросил. Внезапно солдат озлился и изо всех сил ударил Мишу прикладом по ноге.

Дело было, конечно, не в уставе; часовые свободно болтали с кем угодно. Но что же творилось в темных головах часового и его товарищей, набранных из хунхузов и посланных в Монголию грабить и насиловать?!

Я сообщил о происшествии Юрину и спросил, что делать? Протестовать и требовать от Вана наказания часового, виновного в оскорблении миссии? Юрин покачал головой:

— Ничего не надо делать. Кто знает, как это будет использовано. Как бы вместо пользы не вышел вред. Ничего не было. Скоро уедем — и все. Забудьте.

Я не знал тогда, как он был прав.

В Урге у нас состоялись две встречи с китайскими высокопоставленными лицами. Здесь высшей властью номинально считался некий генерал Сюй Шучжэн, но его не было в городе. Ясного ответа, где он был и почему уехал, мы получить не смогли. Нам пришлось нанести визит заменявшему его бригадному генералу Чжу.

В назначенный день мы отправились на своей машине за город, в ставку генерала, где была расквартирована его часть. Очевидно, боясь внезапного нападения, он предпочел не располагаться в самой Урге.

Часовые остановили нас. Мы вышли из машины, кто-то побежал доложить Чжу. Я на мгновение испытал чувство, которое и впоследствии не забылось. Внезапно я увидел себя и других со стороны. Мы — нас было четверо — стояли на пустыре; холодный резкий ветер трепал наши ветхие пиджаки и пальто. Центральная Азия, древняя монгольская пустыня, ставка китайского генерала — и вот, лицом к лицу с ними, первая маленькая группа посланцев большевистской России, русской революции, сильная только своей правотой, сильная логикой истории, сильная победой народа.

Через минуту, выжимая на лице улыбку, на крыльце дома показался генерал Чжу в простом черном халате. Он поспешил навстречу нам — низенький пузатый человек, похожий на лавочника или кабатчика, типичный Санчо-Панса, но без его добродушия, с маленькими злыми глазами на грубом заплывшем лице.

Дом Чжу был деревянный, одноэтажный, с довольно тесными комнатами. Генерал принял нас очень любезно, и хотя говорить нам было совершенно не о чем, мы просидели за столом положенное время. Чжу был совершенно необразован и говорил на простонародном северном диалекте. Мы ничего не спросили о Монголии и о наших делах, он — не интересовался нашей миссией. Обед, к нашему удивлению, оказался европейским, главным образом из консервов, а кушанья подавали на тарелках.

Нас поразила одна деталь — подавали обед и прислуживали у стола молодые люди 16—18 лет, на редкость миловидные и грациозные. Мы переглядывались, так велик был контраст между пожилым безобразным проходимцем и окружающими его красивыми мальчиками. Причину мы узнали только в Пекине — генерал Чжу не терпел женщин, и это был его гарем.

Следующий визит полагалось нанести сановнику, исполнявшему обязанности гражданского губернатора, хотя нас и предупреждали, что он почти не занимается делами. Сановника звали Ван Ин-тай.

Двухэтажный особняк губернатора стоял в саду. Нас провели в просторную гостиную с европейской

мебелью, с большим венецианским окном, выходящим в сад, и с галереей поверху.

Внезапно по лестнице, ведущей на второй этаж, спустился стройный и еще молодой китаец, одетый по-европейски. Он представился, быстро поздоровался со всеми, выразил удовольствие, что мы едем в Пекин и не спросил ничего о делах (так почему-то было принято в те дни в Урге), хотя мы и осведомились, не оторвали ли его от работы.

— Нет,— ответил он.— Я сейчас мало занимаюсь делами. Почти все время я провожу наверху — перевожу вторую часть «Фауста» на китайский язык.

— В свое время,— продолжал он,— когда я учился в Германии, я перевел на китайский язык «Женщину и социализм» Бебеля. Перевод был опубликован. Так что, как видите, у нас с вами много общего.

Светскость, ум и образованность хозяина произвели на нас должное впечатление, хотя сам он личной симпатии не возбуждал. Это была наша первая встреча с сановным китаецем, обладавшим культурой, аристократическими манерами, одаренным острым и разносторонним умом. Кто мог знать, что в будущем Ван Ин-тай печально прославится как один из самых низких и продажных честолюбцев и карьеристов, как враг социализма, которым он тогда козырнул перед нами, как враг своего народа и своей страны. Ван Ин-тай закончил свою политическую карьеру службой у японцев — он стал министром марионеточного правительства в Наньцзине.

— Я скучаю в этой дикой Монголии,— протянул он.— Кроме книг и тенниса, у меня нет развлечений. Не составит ли кто-нибудь со мной партию в теннис? Ракетки у меня есть.

Шеф указал на меня, и я обещал сыграть. Поговорив, мы встали и распрощались.

Через несколько дней Ван Ин-тай прислал нам приглашение на банкет. К нашему удивлению, позваны были не мы одни, но и многие видные жители и негодянты Урги, которых мы совершенно не знали. На обед собрались в каком-то большом зале, по стенам были развешаны плакаты с немецкими стихами,

в которых фигурировало слово «красный»: красное вино, красный флаг и т. д.

— Чьи они? — спросил я.

— Как, вы не узнаете? Это Фрейлиграт.

На банкете Ван Ин-тай — он заметно нервничал — поднял бокал за наше здоровье и благополучное путешествие. Тост он произносил по-немецки, декламируя при этом «Rot ist der Wein» и упирая в различных вариантах на слово «красный». Очевидно, находясь в опале или боясь неизвестного будущего, он из осторожности делал шаги даже в сторону русских и красных, и при этом, разумеется, немало нервничал.

В свою очередь и мы приглашали китайских чиновников, угощали обедами и привезенным шампанским.

За то время, которое мы пробыли в Урге, Юрин много внимания уделял русской колонии. Возможно, это было ошибкой с его стороны: послу, да еще в такое критическое время, не следовало принимать на себя обязанностей, не относящихся к задаче его миссии, но так получилось само собой. Чайванов ввел его и всех нас в круг волнений и интересов русской колонии в Урге. Все жаждали увидеть и услышать настоящих, живых представителей революции, России, народа. Созывались собрания, Юрин на них выступал, заседали комитеты, шли споры, и Юрин неизбежно вовлекался в них. Несколько трудных дел пришлось распутывать Громову, и он задержался в Урге.

Кто знал, что этим спорам и взаимному недовольству ургинцев скоро придет трагический конец? Той же осенью в Ургу ворвались бешеные банды Унгерна и изрубили на улицах и в домах всех русских, так или иначе сочувствовавших революции и новой России.

* * *

Остальная часть пути — уже по настоящей Гоби — прошла почти без происшествий. Мы ночевали прямо в степи, а иногда в юртах у монголов. Часто, купив барана, мы платили за него куском серебра, кото-

рый тут же на глазок отрубали топором от бруска, разбивали бивак и разводили костер. Свой обед мы варили в ведре. Вода была не всюду, и в поисках ее приходилось проделывать лишние десятки километров. Обычно она была грязная, солоноватая и мутная. Спали мы тут же, кто в машине, кто на земле, подложив под себя доску и закутавшись во что попало.

В пути мы развлекались тем, что стреляли на ходу в стада дзеренов, мелькавших молнией, или в сидевших на столбах птиц. Иногда завидевшие нас монголы подолгу скакали за нами, вероятно для того, чтобы потом поделиться впечатлениями с соседями.

У одного из становищ, до которого с нами доскакали добровольные провожатые, мы захотели купить барана. Монголы отказывались его продать и говорили что-то непонятное. Уже темнело.

Внезапно я увидел, что лицо Ни исказилось бешенством. Он неестественно высоко поднял правое колено, изо всех сил топнул ногой в туфле на толстой подошве, в руке его сверкнул никелированный револьвер. Это выглядело отвратительно. Монголы оробели, лица их побелели, руки невольно поднялись, они заикались от страха: смерть смотрела им в глаза. Кто и как стал бы в то время искать управу на китайского чиновника, застрелившего монгола? Спасли положение шоферы — они завели машину и крикнули: «Поехали дальше!» Мы заняли свои места и тронулись в путь. Это был первый наглядный урок того, что такое бесправие.

Столько русских путешественников, военных и миссионеров описало все станции по старому Ургинскому тракту, что читателю ничего не стоит ознакомиться с прекрасными отчетами об их путешествиях. Я ничего не записывал и запомнил очень мало. Сохранилось только одно отчетливое воспоминание. На привале я вышел из машины и внезапно прямо перед собой увидел огромный темно-синий камень, отбрасывавший такую же синюю тень. От камня нельзя было отвести глаз — так был он таинствен и живописен.

Машина работала безупречно, шоферы гордились ею, а мы — тем искусством, с которым они ее вели

и оберегали. После дождей машина часто буксовала, и тогда на помощь приходили цепи, доски и наши плечи. Дороги по существу не было — Ургинский тракт был просто наезженной колеей. Часто встречались шедшие из Пекина караваны верблюдов; иногда мы останавливались и обменивались с китайцами парой слов о воде или состоянии дороги. Однажды с верблюжьей спины прыгнул человек и подбежал к нам. Это был русский, весь заросший волосами и с безумными глазами. «Скажите, какой сейчас месяц и число? Я столько дней еду, что совсем сбился со счета». Несомненно, это был белый эмигрант; тысячи их бродили тогда по всей Азии. Может быть, его рассудок уже помутился.

Пустыня кончилась, и мы въехали в горы. Тяжело нагруженная машина с трудом брала подъемы; мы вышли и побрели через горы пешком. Хотя подъем был трудным, мы восхищались причудливым рельефом и живописностью гор. Скалы были совершенно розовые. На спуске мы снова сели в машину и так прибыли в старинный китайский торговый город Калган (Чжанцзякоу).

В Калгане нас никто не встретил. Мы остановились в очень примитивной гостинице, заняли несколько номеров, почистились и отдохнули. Шоферы разобрали и тщательно вычистили машину. От Чжанцзякоу до Пекина в то время уже была проложена железная дорога. Мы заказали и оплатили отдельный вагон для себя и платформу для машины. Утром мы уже подъезжали к Пекину. Через окно вагона я увидел древние стены и подлинные шедевры архитектуры, огромные башенные ворота, вереницы выючных верблюдов, тянувшиеся вдоль стен. Я готов был ущипнуть себя, чтобы увериться, что это не сон. Итак, я в самом деле в Пекине! Позади остались Сибирь и Монголия — я стоял лицом к лицу со своей юношеской мечтой.

Вот уже и вокзал, поезд остановился*. Мы еще не успели собраться, как в вагон вошли с приветствиями и дружески протянутыми руками двое.

* Миссия прибыла в Пекин 26 августа 1920 г.

Оба человека, так горячо приветствовавшие нас, были искренними друзьями Советской России; это единственное, что их объединяло. В остальном они оставались полярными противоположностями и, прожив бок о бок несколько лет в Пекине, никогда друг с другом не разговаривали.

Алексей Алексеевич Иванов, или Ивин, как все его обычно называли по его литературному псевдониму, был худым, болезненным человеком лет тридцати пяти, с красивым лбом и глубоко запавшими глазами.

Впоследствии, когда мы подружились, он рассказал свою историю. В молодости он был анархистом, за революционную работу был арестован и просидел несколько лет в Орловском каторжном центре. Позже он эмигрировал в Париж, где, увлекшись китайским языком и культурой, окончил Парижский институт восточных языков. Неизменно интересуясь политикой, он был связан с находившимся в эмиграции П. А. Кропоткиным. В 1917 г., после Февральской революции, Ивин вернулся в Россию и добился от Временного правительства назначения в Пекин на дипломатическую работу, правда, на самую низшую должность — «студента-переводчика». В бывшем царском посольстве в Пекине его хотя и несколько пренебрежительно, но приняли. Трудности для него начались после Октябрьской революции. Царское посольство, признавшее правительство Керенского и его назначенцев, и слышать не хотело о Советской власти. Но Алексей Алексеевич заявил, что считает ее законной властью и желает ей служить. Тем самым, как мне со смехом говорил Ивин, он с последнего места в посольстве передвинулся, как единственный представитель новой революционной власти, на первое. Царские дипломаты вначале уговаривали его, потом объявили сумасшедшим, а когда все это оказалось бесполезным, решили изгнать из посольства и добиться его ареста.

Замысел царского посольства встретил поддержку со стороны других иностранных дипломатов. Од-

нако среди них нашлась и «белая ворона» — американский посланник профессор Рейнш, образованный и прогрессивный социолог. Он-то и приютил Ивина, пока не прошла гроза. Ивин сохранил о нем самую лучшую память.

За долгие годы жизни в Париже Ивин овладел французским языком, как родным, и в Пекине поступил на работу в газету «Журналь де Пекин». Ее редактором и собственником был некий Альбер Нашбор, в прошлом единомышленник и личный секретарь известного французского министра, социалиста-оборонца Альбера Тома. Газета была довольно путаного либерального направления. Ивин делал все возможное, чтобы чаще печатать в ней статьи, проникнутые симпатией к новой России. Талантливый журналист, превосходно владевший китайским языком, он вскоре сделался неоценимым для газеты. Свои статьи он писал ночами по вдохновению и при этом, как и вообще, немало пил — это был его единственный порок. Помню, однажды он сконфузил и одновременно насмешил меня. Придя как-то к нам, он заговорил о чем-то, потом остановился и сказал:

— Черт поberi, не могу больше, жажда.

Я спросил, не дать ли ему воды? Лоб его сморщился, он что-то с усилием припоминал...

— Воды, вы говорите? Воды, воды... Да, я как будто слышал, что есть такая жидкость, употребляемая для стирки белья. Нет, я имею в виду что-нибудь, что можно пить*.

А. Е. Ходорову, очень красивому brunetu высокого роста, с закрученными вверх усами, было около сорока. Он окончил Одесский университет по юридическому факультету и некоторое время практиковал в качестве помощника присяжного поверенного. Со студенческих лет Ходоров участвовал в революционном движении и в первые годы революции примкнул

* С. М. Третьяков изобразил А. А. Ивина под именем проф. И Фа-эр в своей повести «Дэн Ши-хуа» (М., 1933, стр. 403). Впоследствии А. А. Ивин ряд лет был журналистом, а затем работал в Академии наук СССР. В 1937 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук (без защиты диссертации). Умер в 1942 г.

к меньшевикам. Судьба занесла его во Владивосток, где он стал редактором газеты. Когда в городе временно воцарилась белогвардейщина, Ходоров с семьей эмигрировал в Китай. В конце 1920 года он заведовал Пекинским отделением советского телеграфного агентства РОСТА, которое на Дальнем Востоке из политических соображений именовалось «ДальТА». Агентство помещалось в посольском квартале. Ходоров был по-южному шумлив, остроумен, темпераментен и обладал громадными практическими и организаторскими способностями. За годы жизни в Пекине он научился свободно говорить по-английски и завязал обширные связи в иностранных дипломатических кругах, чем оказался очень полезен нашей миссии*.

В той радости, с какой Ивин и Ходоров встретили нас, не было ничего деланного. Они жили в Пекине в обстановке полной политической изоляции и травли, встречая сочувствие только со стороны некоторых передовых китайцев. Но они верили в победу революции и Советов. Приезд миссии ДВР был для них громадным событием, почти физически ощутимой поддержкой.

От Ивина и Ходорова мы узнали, что в Пекине были только две первоклассные гостиницы. Одна из них — «Международного общества спальных вагонов» — была расположена на территории дипломатического квартала, управлявшегося враждебным нам иностранным дипломатическим корпусом. Он мог не потерпеть нашего присутствия и всячески осложнить нашу работу. Другая — «Гранд отель де Пекин» — располагалась по соседству с дипломатическим кварталом, но вне его стен. Это было удобно и в то же время гарантировало нас от прямого произвола иностранных дипломатов. Ходоров позвонил с вокзала в «Отель де Пекин», чтобы там заблаговременно подготовили несколько номеров для Mr Yougin and party**. Мы не хотели заказывать номера в холле гостиницы и привлекать лишнее внимание.

* В 1922 г. А. Е. Ходоров вернулся в Москву. Был профессором в Институте востоковедения и заместителем председателя Российско-Восточной Торговой палаты. Умер в 1948 г.

** Для м-ра Юрина и сопровождающих.

Выгрузка и заправка машины (операция не простая в условиях пекинского вокзала), информация, которой обменивались Юрин и наши гости, отняли немало часов. Вечерело, когда мы все наконец уселись в машину. Чиновник Ни исчез, как только мы прибыли на вокзал. Увы, даже в своем черном кадиллаке мы выглядели не слишком роскошно. Полуторатысячеверстный перегон по пустыне, пыль, дожди, ночевки под открытым небом нанесли непоправимый ущерб нашему и без того скромному гардеробу. Самыми нарядными выглядели шоферы в своих кожанках. У Юрина сохранился более или менее приличный пиджак, Павел был во френчике цвета хаки, я же, с горестью осмотрев все пятна и дыры, убедился, что придется облачиться в летние белые брюки и матроску, которые у меня каким-то чудом сохранились. Когда мы прибыли в громадный и богатый отель, где по звонку Ходорова нам уже приготовили комнаты на втором этаже, мы постарались, не задерживаясь, пройти через холл, ибо люди начали с удивлением присматриваться к вторжению столь непривычной толпы.

У себя в номере я вышел на балкон и посмотрел вниз. Блестящие машины стояли полукругом поодаль. Наш кадиллак стоял у подъезда, шоферы ждали дальнейших распоряжений. Велика сила инерции! К запасному колесу нашей машины все еще были привязаны ведра, лопаты и цепи, оказавшие нам столько услуг в пустыне. У шоферов не хватило духу расстаться с ними.

На балкон вышел Ивин. Показывая рукой на посольский квартал, он объяснил, что это одна из твердынь иностранного империализма в Китае. Это город в городе, сказал он, и его контролируют иностранцы. Китайцы могут жить здесь только как прислуга. Каждое посольство обнесено стеной и охраняется своим военным отрядом.

— Вот, видите,— он указал на палатку напротив,— это прежнее австрийское посольство. Когда Китай вслед за союзниками объявил войну Германии и Австрии, австрийцам пришлось освободить дворец. Знаете, кто живет там теперь? Генерал Хорват, быв-

ший управляющий КВЖД, объявивший себя после разгрома Колчака временным правителем России. Пустое пространство в несколько сот метров перед стенами дипломатического квартала — это так называемый «глясис», т. е. «ничья земля», которая насквозь простреливалась в случае нападения китайцев на посольский квартал.

Почему китайское правительство дало согласие на наш приезд

На коротком совещании в тот вечер мы решили ничего не предпринимать, пока не освоимся с обстановкой, иначе можно наделать ошибок. К счастью, в гостинице было все; в первые дни мы могли не выходить из наших комнат.

В первую очередь мы решили придеться, чтобы не привлекать слишком пристального внимания, и принять вид, более соответствующий дипломатической работе. Я узнал у Ходорова адрес портного, который мог быстро и хорошо сделать все необходимое. Это был портной дипломатического квартала. На следующее утро я направился к нему. Не без удивления, оглядывая мой необычайный спортивный костюм, из которого я к тому же порядком вырос, англичанин-портной, предчувствуя солидный заказ, выложил на прилавок дорогие материи и вызвал закройщика, чтобы снять с меня мерку. Закройщик и все мастера в этой крупной английской фирме «Хирзбраннер и К°» были китайцы. Надо было слышать, как высокий, лысый, длиннозубый, с холодными голубыми глазами Хирзбраннер, готовый каждую минуту ударить старичка закройщика, кричал на него, когда тот занимался своим делом. Впечатления первых дней особенно сильны, и я помню, как была противна эта сцена, как было обидно за старого китайца. То же самое проделывал со своим слугой итальянец парикмахер в отеле. Это была, очевидно, общая манера поведения, присущая всем иностранным дельцам.

Хирзбраннер принял у меня заказ на костюмы, и, когда все было записано в книге, я уплатил задаток, сказав, что заказ хочет дать и мой друг — пожилой джентльмен. Он нездоров, и потому лучше всего послать закройщика к нему в отель. У англичанина разгорелись глаза. Он еще раз накричал на китайца, велел ему приготовиться и сказал, что зайдет в отель через час. Я воспользовался этим временем, чтобы приобрести в соседнем магазине обувь, рубашки и белье для всех нас. Затем я направился в ювелирный магазин, где купил двое золотых часов и составил надпись, которую поручил граверу вырезать на внутренней стороне крышек. Это был подарок миссии шоферам за блестяще совершенный пробег через Монголию. Такие подарки были приняты в армии в гражданскую войну; шоферы поэтому очень гордились своими часами. Купив в киоске пачку местных газет, я вернулся в отель. В холле меня уже ждали Хирзбраннер и закройщик.

Мы прожили в этом отеле несколько месяцев и видели, как жили иностранцы в Китае.

«Отель де Пекин» — громадный пятиэтажный комбинат — был самой большой гостиницей на Дальнем Востоке, за исключением, быть может, гостиницы в Токио. Она принадлежала каким-то швейцарцам. Опираясь на богатый опыт своей страны, с ее громадной сетью гостиниц, санаториев и ресторанов, швейцарцы организуют их во многих странах мира. Высшие служащие отеля — директор, метрдотели, портье были французы и швейцарцы, низшие — повара, бои и кули, около четырехсот человек — китайцы. Постояльцев-китайцев в отеле не было, он предназначался только для иностранцев. Отель начинался великолепным холлом с легкой, но дорогой мебелью и тропическими растениями. За столиками здесь происходили мимолетные деловые и личные встречи и свидания. На нижнем этаже были расположены также парадные залы для танцев, ресторан, бар, киоски и другие непеременные части каждого большого отеля. Верхние этажи были заняты номерами, среди которых были двойные и тройные — целые квартиры.

Однажды, выглянув из окна гостиницы, я увидел

курьезную сцену. В стороне от главного подъезда стояла золоченая карета, какие можно увидеть только на иллюстрациях к сказкам Андерсена. Вокруг нее гарцевал целый взвод кавалеристов, одетых в почти маскарадные костюмы — красные мундиры с эполетами, измятые синие нанковые панталоны и белые плюмажи на некоем подобии касок. У некоторых в руках были трубы и рожки. Я протираю глаза — все это было так нелепо, аляповато и некрасиво, выглядело таким анахронизмом! Подойдя к портье, я кивнул в сторону кареты и спросил:

— Что это за балаган?

— А! Это какой-то посланник едет представляться во дворец президента. За ним присланы карета и эскорт.

Гм! Издеваться, собственно, не следовало. Церемония была несомненно смешной и дешевой, но ведь и нам предстояло то же — аудиенция у президента и вручение верительных грамот, а это было частью акта признания, которого мы добивались.

Немного оглядевшись, Юрин занял для себя и Павла тройной номер, состоявший из приемной, кабинета и спальни. Отдельные комнаты были и у остальных. Когда через несколько дней Хирзбраннер нас одел (а китайцы первоклассные мастера, и заказ был исполнен молниеносно), мы стали спускаться три раза в день в ресторан, чтобы не создавалось впечатления, что мы прячемся. Платить в ресторане не полагалось. Когда постоялец вставал из-за стола, бой подавал ему карандаш и счет (чит), который следовало подписать. В конце недели бой приносил общий счет и приколотую к нему пачку читов. Но и по счету можно было платить не сразу; это только радовало управляющего, так как свидетельствовало о том, что постоялец еще не уезжает.

Всюду в Китае, где останавливались или бывали более или менее состоятельные иностранцы, — в гостиницах, пансионах, в вагонах-ресторанах, на пароходах, — был принят чрезмерно обильный стол. Каждый чиновник или делец, приехав в Китай, в Индию, на Филиппины, в Сингапур, воображал себя белым сагибом и предавался тревоугодию. Утренний завтрак

состоял из восьми — десяти блюд. Трудно представить, как можно было съесть все это: фрукты, рыбу, яйца с ветчиной, холодную телятину, блинчики с вареньем, сыр и кофе. Обед был еще плотнее: бульоны, овощи, рыбу поддерживала тяжелая артиллерия — жаркие, дичь, пудинг, вино, десерт. Тот самый английский чиновник, который у себя на родине довольствовался одним яйцом на завтрак и прежде чем заказать лишнюю чашку кофе в ресторане быстро высчитывал ее стоимость, в колониях как будто переселялся в зачарованную страну. За его спиной стояло несколько слуг, стол заставлялся самыми изысканными блюдами, и он мог наесться до отвала. Когда он выходил из ресторана, к нему подбегала целая ватага полуголых голодных рикш, униженно просивших, чтобы он позволил кому-нибудь из них за горсточку медяков подвезти себя. Каждый мелкий клерк считал, что это не только хорошо, но и справедливо. На почве экономического паразитизма, незаслуженных привилегий и полной юридической безнаказанности у всех хирзбраннеров в Китае распускались пышным цветом худшие стороны человеческой природы — презрение к людям, преувеличенное представление о собственной персоне, хамство и всегдашняя готовность перейти от оскорблений к побоям.

Может возникнуть вопрос, встречали ли мы русских белогвардейцев и вообще русских эмигрантов?

Основная масса эмигрантов осела в Харбине и вдоль линии КВЖД. Большая русская эмигрантская колония была в Шанхае. В Пекин попадали сравнительно немногие, так как здесь почти не было шансов подработать. Чаше сюда приезжали разные воротилы в связи с политическими интригами или экономическими аферами. В холле отеля мне показали русского инженера, управлявшего угольными шахтами в Сучане, маньчжурского миллионера Скидельского, которому президент собирался вручить орден Спелого Колоса, и небольшого роста военного в белом казачьем бешмете с газырями и при оружии, злого, надменного, властного, оказавшегося генералом Хрещатицким — министром иностранных дел в «правительстве» атамана Семенова.

Чтобы информировать Юрина о событиях, происходивших в Китае, я читал все местные газеты. Однако разобраться в них было нелегко. В газетах упоминались десятки имен — китайских и иностранных, делались намеки на неизвестные мне события в прошлом, все это связывалось с внутренней и внешней политикой иностранных держав, мелькали имена Цао Куня, У Пэй-фу, Пенлеве, упоминался Индо-Китайский банк. Но как связать все это?

На помощь были призваны Ходоров и Ивин. Они многое рассказали нам и ответили на десятки вопросов. В конце концов мы получили более или менее связную информацию о том, что происходило в Китае на протяжении последних месяцев и почему китайское правительство после длительной задержки внезапно разрешило нашей миссии въезд в Китай.

Оказалось, что в дни нашего яхтинского сидения в Пекине происходили важные события. Пала распоряжавшаяся Китаем уже в течение нескольких лет ультрареакционная прояпонская группировка — аньхуэйцы (аньфуисты). Одним из военных лидеров этой группы был командовавший войсками в застенном Китае генерал Сюй Шу-чжэн.

Так вот почему его единомышленник и заместитель по гражданским делам в Монголии Ван Ин-тай оказался не у дел, струсил и даже делал перед нами реверансы!

Вот почему и полковник Ван застрелил Саломаху у себя в кабинете; тот, как и многие русские белогвардейцы, был ставленником японцев и местных аньхуэйских властей; Ван же принадлежал к противоположной группировке.

Кто же сверг эту прояпонскую клику, девять главарей которой бежали и спрятались в японской миссии?

Это сделала другая генеральская клика, хозяйничавшая в ряде северных провинций и ориентированная на США и отчасти на Англию. Самым видным в этой группе был Цао Кунь, самыми же сильными воинскими частями распорядился «идол англо-американской прессы» и, по выражению Ходорова, «типичный кондотьер эпохи первоначального накопления»

генерал У Пэй-фу. Произошло военное столкновение с анхуэйцами, и У Пэй-фу одержал верх. Надолго ли? Трудно сказать. С севера над ним навис маньчжурский сатрап Чжан Цзо-линь, который выжидал удобного момента, чтобы завладеть Пекином.

Как бы то ни было, победители образовали правительство. Одним из первых шагов нового министерства иностранных дел и было разрешение нашего въезда в Пекин. Не сделать этого оно не могло. Пресса только весной опубликовала обращение Советского правительства от 25 июля 1919 г., открывшее новую эру в международных отношениях Китая. Советское правительство, обращаясь к народу и правительствам Южного и Северного Китая, объявило, что отказывается от концессий, контрибуции, от права экстерриториальности, т. е. всего того, что обескровливало и унижало Китай, превращало его в полуколонию. Не сделать хоть каких-нибудь шагов к договорному оформлению новых принципов взаимоотношений, провозглашенных Советской Россией,— значило бы навлечь на себя негодование передовых и националистически настроенных элементов, а первое представление о том, что такое гнев народа, китайское правительство получило уже в мае 1919 г., когда ему приходилось прятаться от демонстрантов, которые врываются в дома продажных министров, вытаскивали их на улицу и избивали.

Проба сил

Медлить было невозможно. Мы приехали для переговоров с правительством, и нужно было, не откладывая, объявить о нашем приезде. Мы несколько ориентировались в обстановке, костюмы готовы, визитные карточки заказаны, ждать нечего.

Я лихорадочно готовился к первым визитам, изучал дипломатический церемониал и принятые формы дипломатических документов, жадно вылавливал из газет, англо-китайских учебников и хрестоматий нужные китайские дипломатические термины.

Однажды Гадзкий и Жданов подали наш прекрасный автомобиль (а машин такого высокого класса в Пекине было немного) и отвезли меня в Вайцзяобу. Въехав в ворота и описав полукруг, они остановили машину у подъезда громадного дворца. Ливрейные швейцары распахнули дверь, я отдал одному из них шляпу и свою визитную карточку; он провел меня в небольшую комнату для ожидания, а сам куда-то вышел. Через несколько минут открылась дверь и в комнату влетел невысокий толстенький китаец в пенсне, в европейском платье и даже с намеком на усы и бородку по французской моде. Держа в руках мою карточку, он по-французски отрекомендовался секретарем министерства. Я ответил по-английски; мы плохо понимали друг друга. Тогда я перешел на китайский язык, но это помогло мало. Я знал северный мандаринский язык, он с упорством истинного южанина говорил только на своем южном наречии. Наконец мы кое-как сговорились. Он поминутно вскакивал, бегал куда-то, потом возвращался, все так же любезно улыбаясь, с моей визитной карточкой в руках. Я встал, поблагодарил, откланялся, взял у швейцара шляпу, дал ему доллар и вышел. Свидание оставило чувство неудовлетворенности. Что-то получилось не так, где-то была допущена ошибка. Позже мы поняли, в чем она состояла.

Прождав безрезультатно несколько дней, я, скрепя сердце, вновь отправился в Вайцзяобу. Юрин дал мне только одну общую инструкцию — вы должны объявить, что я хочу видеть министра иностранных дел. Ну, а что и как, смотрите сами.

Доллар, который я оставил на чай, очевидно, возымел свое действие — швейцары уже знали меня и бросились навстречу. На этот раз один из них провел меня не в маленькую комнату внизу, а по ковровой лестнице наверх, в салоны. Эти парадные комнаты тянулись анфиладой по всему второму этажу. Каждая была меблирована и декорирована по-своему и отделялась от другой раздвижными дверями во всю стену. Когда устраивались большие приемы или банкеты, двери раздвигались и вся анфилада превращалась в один громадный, ярко освещенный зал.

Швейцар усадил меня в одном из этих салонов. На этот раз ко мне вышел очень толстый китаец в очках, одетый по-европейски. Он дружески улыбался и протягивал руку. Мы уселись, он предложил мне стоящие на столе сигареты. Был принесен чай. К моему глубокому разочарованию, Чжу Нао-сян тоже был южанином и не говорил ни слова по-английски. Но сговориться удалось и на этот раз; было заметно, что в министерстве подготовились к моему второму приезду.

Рассказав о поездке и о том, где мы поместились, я попросил Чжу Нао-сяна передать министру привет от Юрина и просьбу назначить день, когда министр сможет принять главу миссии. Чжу выслушал меня, и «на челе его высоком не отразилось ничего». Только впоследствии я понял, как хорошо он умел скрывать свое отношение к людям и событиям. Расстались мы весьма дружелюбно.

Приехав домой, я доложил о разговоре Юрину. Несомненно, на этот раз результат был более удовлетворительным. Меня приняли в салоне для дипломатов, а не в комнате для просителей. Со мною разговаривал советник министерства, лицо официальное. Попутно мы уяснили и ошибку, допущенную при первом визите,— не следовало приезжать без предварительного уведомления и так рано утром — меня как случайного посетителя принял первый попавшийся чиновник, так как в министерстве еще никого не было.

Прошло еще несколько дней, и я вновь направился в Вайцзяобу, чтобы узнать, назначен ли день приема Юрина министром. Мы решили бить в одну точку: каждый иностранный дипломат — глава миссии — по приезде представлялся министру иностранных дел; согласиться на меньшее — значило умалить значение миссии и свести ее на положение докучливого просителя; добиться свидания — значило в каком-то смысле добиться признания.

Я ездил в министерство через день, но мне давали уклончивые ответы: министра нет; министр занят; да, да, министру доложили; ответа пока нет.

Решено было сделать следующей серьезный шаг. Я по поручению Юрина заявил, что миссия приехала

с большими полномочиями и документами от правительства, которые она должна представить министру.

Это было встречено благожелательно. На следующий день я привез своего рода верительные грамоты — полномочия, подписанные от имени правительства ДВР Червоным.

Через несколько дней я явился, чтобы узнать, возымели ли эти документы желаемое действие.

Чжу Нао-сян объявил, что они переведены на китайский язык, министр с ними ознакомился, и министерство готово открыть переговоры, о дне которых нам сообщат.

Окрыленный успехом, я вернулся в отель.

Еще через несколько дней в министерстве сказали, что для переговоров все готово, но что они пойдут успешнее и быстрее, если мы представим полномочия на переговоры и от Советского правительства.

Юрин хворал, и привезенное мной сообщение обсуждалось у его постели с участием наших неофициальных советников — Ивина и Ходорова.

Здесь я позволю себе указать, каким зеленым юнцом и дурным советчиком я был и какие мог бы допустить ошибки, лежи на мне хоть какая-нибудь доля ответственности.

Помимо документов, подписанных в Верхнеудинске, Юрину дали с собой несколько чистых бланков с гербом и надписью «Правительство Дальневосточной Республики» для заполнения, если понадобится, любым нужным текстом. Они были заранее подписаны Червоным. Гонимый желанием как можно скорее добиться результата, я предложил заполнить эти бланки текстом, в котором Червоный якобы удостоверял, что миссия на основании полученной из Москвы ноты уполномочена вести переговоры и от имени Советского правительства. Это было очень соблазнительно, предложение обсуждалось с разных точек зрения, шеф долго колебался, но, наконец, покачал головой и отказался. Я поехал в министерство и объявил, что миссия ДВР может говорить только на основании представленных документов. Чжу быстро сказал: «Ну, что ж?» — и на этом дело кончилось.

Какое счастье, что мы не пошли на подсказ Вай-

цзяобу! Министр или его ближайшие помощники, несомненно, держали иностранных дипломатов в курсе переговоров с нами. Не исключено, что предложение представить полномочия от Советского правительства было грубейшей провокацией, подсказанной иностранными миссиями и рассчитанной на то, чтобы заставить нас самих признаться, что наша миссия — большевистская, а Дальневосточная Республика — только ширма.

Не думаю, впрочем, что Юрин был столь прозорлив и разгадал поставленную ему ловушку; более вероятно, что он боялся ответственности перед Москвой за не санкционированный ею шаг.

Однажды из Вайцзяобу пришла бумага, написанная в третьем лице и не подписанная. В ней открытие переговоров о торговом договоре ставилось в зависимость от выполнения нескольких условий: ДВР должна воздержаться от коммунистической пропаганды, компенсировать убытки китайских купцов в Сибири, в том числе и от аннулирования романовских денег и т. д. Ответить на это было чрезвычайно легко. Поскольку ДВР заявила, что она не является коммунистическим государством, не могло быть и речи о коммунистической пропаганде. Что же касается возмещения китайским купцам, то правительство ДВР, понятно, пойдет навстречу всяким справедливым требованиям.

Дни шли, а министерство по-прежнему изошрялось в выдумывании оттяжек. Я пользовался изысканным вниманием Чжу; министр отмалчивался и не изъявлял пока никакого желания принять Юрина, Юрин не хотел говорить ни с кем другим. Создался самый настоящий тупик.

Мы завязываем связи и обрастаем штатом

Прежде всего, конечно, мы должны были установить отношения с Китаем, добиться признания и заключить договор. Но этим наши задачи не ограничи-

вались. Нам было поручено наладить контакт со всеми силами, полезными в деле предотвращения войны с Японией. Пекин был для нас окном в мир. Отсюда мы могли оповестить Европу, Америку, Азию, что ДВР является реальностью, что она имеет строй, отличающийся от строя Советской России, что тем самым Япония теряет прежний предлог оставаться в Сибири и воевать против ДВР, как «оплота большевизма». Мы должны были доказать, что правительство ДВР готово к торговле, к дипломатическим контактам и переговорам со всеми странами, а мы, миссия ДВР в Китае, уполномочены их начать. С этой целью нам нужно было установить связи с местными иностранными миссиями, с влиятельными пекинскими кругами, с отдельными дипломатами и с прессой. Поскольку Китай был тогда зависимой полукOLONиальной страной, державы посылали туда миссии, возглавляемые посланниками, т. е. дипломатическими представителями второго ранга.

Характерной чертой иностранных миссий в Китае было наличие так называемого китайского секретаря (в русской миссии — старшего драгомана), т. е. дипломатического работника, имевшего востоковедное образование и знавшего китайский язык. Положение китайского секретаря в миссии определялось не столько его должностью, сколько объемом знаний, энергией, способностями, а главное — нуждой в нем. Востоковед при американской миссии Тенни, проживший десятки лет в Китае, имел ранг советника, т. е. стоял выше первого секретаря; русский старший драгоман Колесов не имел большого веса; соответствующий английский чиновник Бертон получил рыцарское звание и через некоторое время был переведен посланником в Абиссинию. Бывший царский, а впоследствии советский дипломат Ю. Я. Соловьев в своих мемуарах подробно рассказывает о конфликтах в посольском обиходе в Пекине в связи с неясностью вопроса о том, кто выше: дипломатический или драгоманский состав*. Он указывает также, что английский дипло-

* Ю. Я. Соловьев, *Воспоминания дипломата. 1893—1922*, М., 1959, стр. 99.

мат Джон Джордан был назначен посланником в Китае после исполнения им обязанностей китайского секретаря*.

Итак, нам следовало выйти из своей скорлупы и повидать возможно больше нужных и влиятельных людей. Случай скоро представился. В «Отеле де Пекин» давали большой благотворительный бал в пользу голодающих — в то время в Северном Китае был страшный голод. Вокзалы были оцеплены проволокой, чтобы стекавшаяся к железной дороге обезумевшая толпа не прорвалась к поездам в поисках куска хлеба или монетки. Кое-кто из иностранцев бросал за проволоку жалкие подачки — остатки завтрака или мелкие деньги, и там начиналась бешеная свалка голодных людей. Самое страшное заключалось в том, что кругом было сколько угодно хлеба и риса, но купить их было не на что; миллионы обездоленных людей были обречены на нищету, прозябание и голодную смерть.

Мы спустились в гостиные отеля. Первым нашим знакомым оказался министр финансов Чжоу Цзы-ци, имевший ближайшее отношение к благотворительному комитету помощи голодающим. Это был высокий, статный и очень красивый пожилой китаец-северянин, одетый без всяких претензий, в национальное платье. Но за представительной внешностью скрывался такой же продажный политик и реакционер, как и его предшественники. Из разговора с окружающими его людьми мы узнали, что на балу принимаются пожертвования в пользу голодающих. Мы поднялись наверх и коротко посоветовались: что следовало сделать, чтобы помочь голодающим? Я предложил заявить Чжоу Цзы-ци и благотворительному комитету, что ДВР пришлет специальный поезд с хлебом. Юрин долго думал, потом покачал головой и сказал, что это очень сложно — из Верхнеудинска хлеб послать нельзя, так как его присвоит Семенов; если же закупить хлеб в Маньчжурии, то при отсутствии связей это затянется надолго. В конце концов он подписал чек на 1500 китайских серебряных долларов. Мы

* Там же, стр. 62.

спустились вниз и вручили чек благотворительному комитету, о чем на следующий день было объявлено во всех газетах.

Не следует думать, что только мы искали связей. Очень скоро мы обнаружили, что люди из самых разнообразных политических кругов ищут контакта с нами. Победа Советского государства в гражданской войне и разгром интервенции произвели должное впечатление на Европу и Америку. Пусть японские империалисты еще храбрятся и не уводят войска из Сибири, уже ясно, что их дело в этом районе проиграно. Япония может еще пойти на какие-нибудь отчаянные шаги, но против нее все силы русского народа и мировая политическая обстановка.

Однажды в гостиную Юрина Ходоров привел Дональда, советника китайского президента. Это был крепкий, очень некрасивый, щербатый англичанин родом из Австралии.

Он пожал всем руки и сказал, что очень хотел повидать людей из новой России.

— Мистер Ходоров предупредил меня,— заявил Дональд,— что вы представители не большевистской России, а Дальневосточной Республики. Кто бы вы ни были, вы — новая и очень важная величина в политике, и я хочу услышать от вас все, что вы пожелаете мне сказать, и со своей стороны готов сделать для вас все, что в моих силах.

Звание советника президента было больше номинальным и служило скорее всего пропуском в высшие китайские и иностранные дипломатические сферы; советники играли роль посредников между теми и другими. Нередко таких советников навязывали китайскому правительству иностранные посольства или империалистические тресты. Дональд, по-видимому, был связан с влиятельными политическими и финансовыми кругами, а теснее всего — с прессой. Долгое время он являлся корреспондентом либеральной газеты «Манчестер гардиан». Нашей миссии он оказывал посильные услуги, и я думаю, что им руководил прежде всего интерес журналиста, желающего поближе познакомиться с каждым новым явлением на политическом горизонте. Мы знали, конечно, что все, что

говорится у нас, он немедленно разносит по всем миссиям и министерствам, но это нас не смущало. Мы старались использовать его и соответствующим образом информировали.

Вскоре мы познакомились с другим советником китайского президента — Роем Андерсоном. К нам его привел Дональд. Это был человек огромного роста, явно страдавший ожирением или водянкой. Сын миссионера, он родился в Китае и превосходно знал китайский язык. Андерсон открыто представлял интересы американских нефтяных монополий.

Из холла отеля знакомые приводили немало разных людей, чтобы представить их Юрину. Однажды вечером Дональд ввел в нашу гостиную даму в изысканном бальном туалете. Это была румынка — принцесса Гика. Делать нечего, надо знакомиться и улыбаться. Принцесса была настоящей космополиткой и возвращалась в Европу, чтобы в парижских салонах поделиться своими впечатлениями о поездке в Азию. Что ж, пусть расскажет там о Дальневосточной Республике, о бородатом главе ее миссии, о его безупречных манерах. Может быть, подобная информация окажется не менее важной, чем телеграммы и ноты, которые французские министры не всегда читают.

Мы не теряли времени и немало поездили в те дни по живописным окрестностям Пекина. Во время этих экскурсий в утренние часы я не раз встречал Дональда, который совершал свой моцион верхом, чаще всего в сопровождении какой-нибудь дамы из общества. Завидев нас, он обычно поднимал руку в знак приветствия, и мы долго еще видели его растопыренную пятерню.

Этот жест запомнился мне в особенности потому, что он связан с инцидентом, относившимся к бывшему царскому посольству в Пекине.

Как известно, Советское правительство еще в 1917 г. лишило все царские дипломатические представительства за границей их полномочий. Однако они продолжали именовать себя по-прежнему и, более того, пользовались признанием как правительств, при которых они в свое время были аккредитованы

и которые надеялись на реставрацию в России, так и дипломатического корпуса.

Русским посланником в Китае все еще считался князь Кудашев. Он и его штат — эти отставной козы барабанщики — занимали обширные здания миссии в посольском квартале и называли себя представителями Временного правительства и русского народа.

Следует заметить, что Ходоров в качестве старого пекинского жителя и журналиста не брезгал любым знакомством, лишь бы выловить что-нибудь новенькое. Не раз я видел его разговаривающим в холле отеля с первым секретарем царской миссии В. В. Граве. Красивый и стройный, с маленькой острой бородкой, безупречно одетый, с моноклем, Граве, по словам Ходорова, был самым умным из членов царской миссии. Кудашев, ее глава, был старый и надутый сановник и нигде не появлялся. На послеобеденных концертах и танцах в отеле я встречал и второго секретаря миссии Игоря Митрофанова, молодого, чисто выбритого блондина. Он помог англичанке Бредон написать очень хорошую книгу о Пекине и его древностях. Два сотрудника миссии Кудашева — драгоманы Бруннерт и Гагельстром — были хорошо известны среди ориенталистов. Зато старший драгоман, Колесов, был, по словам моего китайского учителя Туна, мерзавцем и ничтожеством.

В залах «Отеля де Пекин» в промежутке между обедом и ужином играл прекрасный оркестр, и посетители танцевали тустеп и бостон, входившие тогда в моду. Однажды на таком *thé dansant* я увидел Дональда, промелькнувшего с дамой. Он кивнул мне и, как всегда, показал пятерню. Через некоторое время Дональд опять прошел мимо нас, и еще раз я увидел его растопыренную пятерню на спине дамы. Странно! В это время ко мне подошел китаецбой, хотя я его и не звал, и стал передвигать стоявшие на моем столе стаканы и бутылки с минеральной водой, а затем, разжав ладонь, незаметно оставил среди них записку.

Записка была по-английски, без подписи: «Час тому назад президент подписал указ, лишающий Кудашева признания».

Я вскинул глаза. Снова мимо промелькнул Дональд и в третий раз показал пятерню. Теперь все было ясно. Я подозвал боя, подпсал чит и отправился с радостной новостью к Юрину. То, что произошло, было важным событием*.

Почему китайское правительство сделало это? На следующий день мы созвали совещание с участием доверенных людей, и постепенно многое стало ясным. Каким бы реакционным ни было правительство, сменившее у власти прояпонскую клику, оно все же не могло игнорировать общественное мнение, требовавшее установления дипломатических отношений с Советским государством и ДВР. Несомненно и то, что состав самого правительства и главным образом аппарата министерства иностранных дел был неоднороден; в него входили и патриотические элементы, мечтавшие о более самостоятельной внешней политике.

Лишение бывшей российской миссии признания явилось политической акцией правительства, стремившегося продемонстрировать свою независимость и смелость во внешней политике. Одним росчерком пера оно разделалось со старой и когда-то могущественной царской миссией, чем немало польстило национальному самолюбию китайцев. Правда, эта миссия уже несколько лет была гниющим политическим трупом, но уже и то хорошо, что правительство перестало перед ним унижаться. В акте правительства прогрессивные круги, несомненно, увидели проблеск надежды на то, что рано или поздно оно завяжет сношения с новой Россией. Во всяком случае наш престиж в Пекине должен был вырасти. Оставалось настолько терпеливо и искусно, насколько это было в наших силах, продолжать работу, чтобы добиться официального признания нашего правительства и нашей миссии.

И наконец самым важным было то, что Республика Советов помогла Китаю пробить первую брешь в системе неравноправных договоров, превративших

* Заявление китайского правительства об отказе признавать миссию Кудашева было сделано 23 сентября 1920 г.

Китай в полуколонию. После отказа признавать Кудашева китайское правительство лишило русских консулов права судебного разбирательства дел своих сограждан в Китае, восстановив тем самым свои суверенные права в отношении суда, взяло в свои руки бывшие русские концессии в Ханькоу и Тяньцзине. Okрепла надежда, что со временем может рухнуть вся система закабаления Китая, навязанная ему так называемыми «великими державами».

Когда мы обсуждали отрадную новость, нас, как обухом по голове, ударило известие, что администрация «Отеля де Пекин» предполагает нас выселить. Другая гостиница («Общества спальных вагонов»), поскольку она находилась в посольском квартале, была неприемлема для нас, как, возможно, и мы для нее. Найти пристанище в другом месте, конечно, можно было, но все равно мы прослыли бы гонимыми и отверженными. Это усложнило бы наше положение, нас стали бы избегать.

Вскоре выяснилось, что инициатива выселения исходила от французского посольства. Нашу миссию оно ненавидело всеми фибрами души; до конца нашего пребывания в Пекине с ним не установилось никаких отношений. Дирекция отеля, разумеется, не хотела лишиться выгодных постояльцев, занимавших целыми месяцами, и притом в тихий сезон, дорогие номера. Юрин это использовал. Он вызвал директора гостиницы и заявил, что нам нужен ряд соседних номеров.

Директор гостиницы тут же забыл о понуканиях французского посольства, расшаркался и скомбинировал так, что в последующие дни все соседние номера были освобождены и мы смогли в них разместиться.

Отказ китайского правительства признавать Кудашева ободрил нас, мы смогли развернуть работу. Нам нужен был штат, который работал бы тут же, поблизости.

Из кого же он состоял в тот момент? Главой миссии был Юрин; всеми внутренними делами (штатом, хозяйственными вопросами, секретным хранением) и перепиской с правительством ДВР ведали его лич-

ный секретарь Павел и шифровальщик Миша. Через несколько недель приехал задержавшийся в Урге Громов. Он знал английский язык и официально числился первым секретарем; на практике он был тем, кто в крупных дипломатических представительствах именуется советником. Без консультации с ним Юрин, как уже сказано выше, не принимал ни одного ответственного решения. Я числился секретарем, и в мои обязанности входили сношения с персоналом китайского министерства и представителями дипломатических кругов. В тех случаях, когда Юрин выезжал или принимал сам, я выступал в роли переводчика на китайский или английский язык. Как секретарь миссии я подписывал вместе с Юриным и все официальные бумаги.

Очень скоро мы обнаружили, что наличными силами мы не справимся. Прежде всего чувствовалось, что в составе миссии не было образованного экономиста, а ведь мы, по крайней мере официально, приехали как экономическая миссия, и нужно было подготовиться к переговорам с китайцами, к информационной работе и к ответам прессе.

Выбор у нас был большой. Узнав о приезде миссии ДВР, к нам собралось множество русских, в разные годы заброшенных судьбою в Пекин. Среди них было много белогвардейцев и немало людей, уверявших нас в преданности Октябрьской революции, а между тем, как выяснялось, являвшихся ее врагами и долгое время борющихся с Советской властью.

Приходилось быть очень осторожными и наводить всяческие справки, прежде чем брать кого-нибудь на работу.

На должность коммерческого атташе после нескольких свиданий мы взяли Бориса Павловича Торгашева. По образованию он был горным инженером и кончил курс в Париже, к 1917 году занимал уже крупный пост в Русско-Азиатском банке в Харбине. После Февральской революции Торгашев был избран первым председателем меньшевистского по составу Совета рабочих депутатов, но вскоре отошел от политической деятельности и переехал в Пекин. Человек он был малопривлекательный, но оказался работником са-

мого высокого класса и обеспечил миссию ответами на все возникавшие вопросы экономического характера*.

Я уже давно не имел времени составлять, переписывать на машинке и бесконечно обсуждать письма и приглашения. Вскоре у меня не осталось времени и на переводы. Понадобился хороший переводчик на английский язык.

Случайно я узнал, что в Шанхае живет Адольф Давыдович Миллер, которого я встречал в Харбине в 1917 г. Прожив много лет в Англии и США, он прекрасно знал английский язык и был очень образованным человеком. Его и взяли на работу в качестве переводчика на английский язык, а некоего Бурье, рекомендованного, по-видимому, Ивиным,— переводчиком на французский. Бурье во время войны был французским офицером при русской армии. Он отвратительно говорил по-русски, однако мог быть полезен не только как переводчик, но и при составлении бумаг, писем, приглашений и меню на французском языке.

Был привлечен к работе, хотя и без определенных обязанностей, Эспер Константинович Озарнин-Кистер, эстонец, офицер крепостной артиллерии и старый большевик. Он бежал с семьей из Владивостока после белогвардейского переворота. Были приглашены машинистки, хозяйственные и канцелярские работники. У нас образовался штат в добрых два десятка человек, и мы занимали в отеле тринадцать комнат.

Американская учительница

Я уже упоминал о своем китайском учителе Туне. Это одно из самых счастливых воспоминаний о Пекине.

* После окончания работы миссии Б. П. Торгашев остался в Китае, где выпустил в свет несколько книг о горных богатствах Китая. В 1936 г. он приехал в Москву и возглавил кафедру в Институте востоковедения. Скоропостижно скончался в мае 1937 г.

Каждый иностранец, приезжавший на Восток и интересовавшийся им — будь то в Китае, Японии или Индии, — брал местного учителя, с помощью которого он проникал в тайны языка, изучал историю и жизнь народа. Ивин сразу же рекомендовал мне своего учителя — старика Туна. У Туна учились поколения русских синологов, приезжавших в Пекин заниматься языком, а также чины царского посольства. Любимым и самым талантливым его учеником был «А-ли-кэ-се-е-фу» (академик В. М. Алексеев, живший в Пекине до мировой войны).

Тун — очень полный человек, уже старик с нависшими седыми усами и большими глазами, дьявольски умными и по-человечески теплыми, еще при Цинах стал «сюцаем» (т. е. получил первую ученую степень). Это дало ему право занять незначительную должность. По его словам, он был «весьма мелким чиновником» — сидел у городских ворот и вымогал ввозные пошлины у несчастных крестьян, привозивших продукты на городской рынок. Но интересы Туна были отданы литературе и истории Китая. Обладая громадным талантом и большой сердечной теплотой, он умел увлечь своих учеников тем, что так глубоко волновало его самого. Все услышанное от него ученики запоминали навсегда.

После нескольких предварительных занятий мы стали читать «Цзин-гу ци гуань» («Удивительные истории нашего времени и древности») и переводить танские стихи из сборника «Тан ши саньбай шоу» («300 стихотворений»). Нам встречались такие трогательные места, что мы оба стыдливо отворачивались, чтобы скрыть друг от друга слезы*.

Юрин знал французский язык, но говорил на нем не без труда. Убедившись, что в Пекине всевластен английский язык, он решил им заняться. Ходоров нашел учительницу-американку, миссис Уитерспун, которая приезжала для занятий в отель. Однако это продолжалось недолго. Однажды она написала Юрину, что крайне сожалеет, но вынуждена прекратить

* Конец Туна был горестным. В апреле 1927 г. его убили солдаты Чжан Цзо-линя во время налета на советское подпредство в Пекине.

уроки, так как уезжает обратно в Америку с мужем, морским офицером.

Шеф решил, что, поскольку он принимал свою учительницу как даму общества и у них сложились прекрасные отношения, следует письменно ответить ей и засвидетельствовать свое уважение. Ходорова попросили узнать, где она живет. Выяснилось, что, освободив свою квартиру, миссис Уитерспун поселилась у друзей мужа — в семье американского военного аташе полковника Драйздела.

Что ж, этим не следовало пренебрегать. Юрин написал, а я перевел короткую и теплую записку. В квартале пекинских антикваров Люличане мы купили ларчик и наполнили его китайскими сувенирами из серебра, а затем Ходоров и Юрин поехали к Драйздедам. Встретить их высыпали все: и миссис Уитерспун, и Драйздел, и его семья. Миссис Уитерспун была тронута до слез. Драйздел тут же познакомился с нашими и поблагодарил за визит. Юрин и Ходоров, не идя дальше холла, попрощались и уехали.

Как и следовало ожидать, через несколько дней Драйздел приехал с ответным визитом и привез прощальную телеграмму от миссис Уитерспун. С тех пор он стал нашим частым гостем.

В основе наладившегося с американским посольством контакта, который имел важные последствия, лежали, разумеется, не сентиментальные отношения между способным учеником и доброй учительницей, а глубочайший взаимный интерес миссии ДВР и американской миссии, желание быть как можно лучше информированным, чтобы в нужный момент сделать нужные шаги.

Политика США на Дальнем Востоке исходила не только из тезиса борьбы с большевизмом, но и из конкретных интересов американских монополий на Тихом океане. Именно поэтому в период колчаковщины США участвовали в интервенции в Сибири, а после разгрома белых и эвакуации с советского Дальнего Востока всех иностранных войск, кроме японских, стремились предотвратить чрезмерное усиление Японии за счет захвата Сибири и Дальнего Востока.

Они внимательно следили за событиями в ДВР и искали возможности вбить клин между нею и Советской Россией, а затем направить развитие буферного государства под своей эгидой по буржуазному пути.

Случайная встреча в доме Драйзделов показала американской миссии прекрасным предложением для установления полуофициальных отношений с нами. Мы это, разумеется, понимали, и это соответствовало нашим планам.

Обе миссии не скрывали завязавшегося знакомства. Увидев это, и другие иностранцы перестали скрывать свое общение с нами, хотя прежде встречались с нами с оглядкой.

Занятия английским языком следовало, однако, продолжить. Наши друзья, обжившиеся в Пекине, познакомили Юрина и меня с доктором Зукером, преподавателем китайско-американского университета Циньхуа. Зукер был длинноногим очкастым профессором, весьма культурным, добрым и воспитанным человеком. Он согласился давать уроки английского языка. С его помощью я изучал те тонкости фразеологии и лексики, которые могли быть полезны в ежедневном дипломатическом обиходе. Он помогал редактировать кое-какие письма и приглашения.

Зукер, впрочем, мало интересовался нашей деловой практикой. Переводы, ноты и другие документы следовало показывать тому, кто лучше его знал наиболее употребительные термины и обороты. Для этой цели мы нашли другого американца, преподавателя того же колледжа, Нортон — юриста и автора книги по истории Калифорнии. Это был совсем иной человек. В противоположность слишком серьезному Зукеру, происходившему из немцев, Генри Китредж Нортон выглядел типичным янки — высоким, худым, белолицым, тонкогубым, со смешинкой в глазах. Его острый адвокатский ум, чувство юмора, умение немедленно отличить важное, отсеять лишнее, устранить или примирить противоречивое превращали обсуждение любого документа в наслаждение. У него, как и у всех преподавателей, был отдельный очень удобный домик на территории колледжа, там хозяйничала его миниатюрная жена американка. Оба они, деловые,

практичные и в общем черствые люди, перекликаясь из одного конца дома в другой, неизменно называли друг друга «милый» и «милочка».

После занятий меня оставляли позавтракать; хозяйка подавала на стол салат собственного приготовления: овощи в нем были нарезаны кубиками и выдерживали определенную цветовую гамму. Все это соответствовало тогдашним американским кулинарным идеям и было убийственно невкусно.

Его превосходительство Лю Цзин-жэнь

Я уже сказал, что первые контакты с Вайцзяобу кончились ничем; создался своего рода тупик. Мы понимали, что ни в коем случае нельзя позволить низвести миссию до положения докучливого просителя или частного ходатая, тем самым поставив ее на одну доску с осаждавшими Вайцзяобу представителями разбитых белых правительств и групп. Мы хотели, чтобы миссия была принята, как полномочный представитель нового и законного преемника российского государства на Дальнем Востоке. Поэтому наша делегация настаивала на деловом свидании в первую очередь с главой ведомства иностранных дел. Но Вайцзяобу именно на это и не решалось. Оно боялось иностранных держав, боялось возбудить недовольство реакционного лагеря в самом Китае. Такой шаг могли объявить большевизацией Китая, а это дискредитировало бы руководящую группу Вайцзяобу в глазах реакции и лишило бы поддержки не только ее, но и самое правительство. Вероятно также, что ведомство решило сделать свидание с министром своим козырем в игре, рассчитывая обменять его только на уступки в предстоящих переговорах.

Все же сказавши «а», китайское правительство должно было сказать и «б». Россия продолжала существовать как великая страна, соседствовавшая с Китаем на много тысяч верст. Наша миссия, приехавшая из России, заявила во всеуслышание о своем су-

ществовании — деться было некуда, надо было сделать следующий шаг для сближения с ней.

В одно из моих посещений Вайцзяобу Чжу сообщил важную новость. Для начала он спросил, знаю ли я о решении относительно миссии Кудашева. Я ответил, что знаю.

— Откуда? — поинтересовался он.

Я улыбнулся — мы оба все время приятно улыбались — и ничего не сказал.

— Ну как, вы рады? — снова поинтересовался Чжу.

Я не имел полномочий вставать и произносить речи, не собиравшись я и поучать китайское правительство. Предположим, я сказал бы: «Да, конечно, но вы должны были сделать это три года тому назад». Чжу мог бы резонно ответить: «И кого же при этом признать? Советское правительство?» Любой ответ таил ловушку. Скажи я «да», он спросил бы меня: «Ах так, значит, вы уполномочены защищать его интересы?» — и мне пришлось бы бить отбой. Кроме того, мой ответ на следующий день мог появиться в газетах и повредить делу нашей миссии.

Я ответил только стереотипной улыбкой и односложным, но исчерпывающим «да».

— Прошу вас передать мосье Юрину, — продолжал Чжу, — что министерство готово открыть переговоры с ним.

Следовало бы спросить, когда начнутся переговоры, но на это я не имел полномочий: я должен был настаивать на свидании с министром.

— Очень рад, я передам это мосье Юрину. Нельзя ли узнать, когда министр согласен встретиться с ним?

— О! В этой встрече нет необходимости, — поспешно ответил Чжу, — для переговоров с вами в министерстве сформирована специальная комиссия по русским делам. Она имеет все полномочия на любые переговоры.

Я принял это к сведению.

Чжу, видя, что я не раздавлен этой новостью, прибавил:

— Председателем комиссии назначен бывший китайский посол в России, его превосходительство чрез-

вычайный посланник и полномочный министр Лю Цзин-жэнь.

Я постарался придать своему лицу выражение среднее между равнодушием и вежливым интересом.

— Мосье Лю Цзин-жэнь просит передать мосье Юрину, что был бы рад познакомиться с ним в понедельник.

Наше дипломатическое совещание решило: «Нет!». Конечно, после устранения Кудашева это новый шаг вперед. Но в каком качестве появиться в министерстве? Как государственные представители? Тогда прежде всего — свидание с министром.

Настаивая на этом свидании, мы все время ссылались на международное право, обычные нормы, на уважение к представителю соседней державы и т. д. На самом деле все это формально к нам не относилось. Если нового посланника любой признанной державы должен принять министр, то общепринятых правил приема дипломатического представителя государства, еще не признанного, не существует. В каждом случае это является результатом взаимоотношений, интересов, обстановки.

— Все остается по-старому, — подытожил Юрин, — поблагодарите от всей души и скажите, что я болею. И настаивайте на свидании с министром.

Чжу был искренне разочарован, увидев меня в одиночестве. Я передал то, что мне было поручено, — Юрин болеет.

— Очень жаль, — посочувствовал Чжу, — надеюсь, что это не опасно. Когда же он сможет повидать мосье Лю Цзин-жэня? И когда мы начнем переговоры?

— О, очень скоро, — ответил я чрезвычайно благожелательно, — мосье Юрин просил передать, что после первого же свидания с министром он целиком в вашем распоряжении.

Чжу был озадачен.

— Но зачем же откладывать? В свое время вы увидите министра, и, может быть, не раз. А теперь надо начать переговоры. Возникшие вопросы можно постепенно переносить выше.

Не помню, что я отвечал, но упорно не отступал от основного тезиса.

Несколько раз входил служитель в форме, склонялся к Чжу и что-то ему говорил. Тот отрицательно качал головой. Но вот Чжу кивнул утвердительно.

Через минуту двери нашего салона раздвинулись, и в сопровождении секретарей вошел старый седой китаец, в европейском платье, с надменным лицом.

Я уже догадался, кто это. Мы встали, и Чжу провозгласил:

— Председатель комиссии его превосходительство Лю Цзин-жэнь.

Поздоровавшись, мы уселись в кресла и некоторое время молча смотрели один на другого.

Итак, передо мной бывший посланник Китая при царском дворе.

Я чувствовал примерно то же, что чувствует боксер веса пера, когда на ринг против него выходит чемпион тяжелого веса. Но если я внутренне сжался и подтянулся, то боязни поражения у меня не было. Странное дело — на Слюдянке, хотя я был учителем, у меня не хватило смелости зайти к известному забайкальскому краеведу Польшину, у которого дома был настоящий музей. Но Польшин был законченный ученый (по крайней мере так думал я), много сделавший для науки, а я был неоперившимся птенцом. Здесь же передо мной стоял враг, и я скорее умер бы, чем уступил ему.

Он начал разговор по-французски. Я ответил, что предпочитаю вести переговоры по-английски. Он настойчиво заметил, что общепринятым языком дипломатии является французский. Тогда я с величайшей готовностью согласился и добавил давно подготовленные слова — «кроме Дальнего Востока». Отрицать это в Китае, где почти столетие хозяйничала Англия, было невозможно.

— Впрочем, — сказал я по-китайски, — зачем нам чужие языки? Можно говорить по-русски или по-китайски. В России вы, конечно, очень хорошо научились говорить по-русски.

Таким предложением я заранее выигрывал полочка, так как был совершенно уверен, что сановник,

подобный Лю Цзин-жэню, ни слова не говорит по-русски.

— Ах, вы говорите по-китайски,— со смесью облегчения и досады подхватил Лю,— ну, что же, это лучше всего.

Я уже видел, что он кое-что утратил в глазах Чжу и своих секретарей, молчаливо признав незнание русского языка. Я решил поэтому, что не стоит дальше без особенной нужды злить его.

Разговор продолжался по-китайски. Лю оказался южанином и говорил на провинциальном южном диалекте.

Я отвечал ему на северном, стараясь придать своему выговору самый щеголеватый столичный оттенок. Этой возможностью я всецело был обязан Туну, который с первых же уроков объяснил мне, что есть особая сладкая пекинская певучесть — «Бэйцзин дяоцзы», составляющая самую душу языка.

Это был мой второй козырь в разговоре. Надо заметить, что хотя северный и южный диалекты совершенно равноценны, в те годы южанин в Пекине все еще стеснялся провинциального говора, а пекинец, попадая в Шанхай или Гуанчжоу, неминуемо чувствовал себя чужаком и северным варваром. И Чжу и Лю оказались в этом смысле в невыгодном положении, чем я немало наслаждался и что не преминул использовать.

Конечно, я знал китайский язык недостаточно; им ничего не стоило бы употребить трудные и изысканные выражения, чтобы запутать меня и пристыдить моим незнанием. Но они не рискнули это сделать, так как на пути стояло все то же южное произношение — как можно доказать, что собеседник плохо понимает, если сам неправильно произносишь?

После бесполезной попытки подавить меня в словесной рукопашной Лю Цзин-жэнь попросил передать Юрину, что рад приезду миссии, кланяется ее председателю и хотел бы знать, когда они встретятся.

Началась та же жвачка, которая пережевывалась уже десять раз с Чжу; повторялись и аргументы обеих сторон. Я уверял Лю, что Юрин от души благодарен за приглашение и считает его за большую

честь. Он не приехал только потому, что ему помешала болезнь; однако переговоры будут плодотворными только в том случае, если Юрин сначала поведается с министром.

Я встал и начал откланиваться.

Внезапно в полузакрытых глазах Лю Цзин-жэня мелькнула какая-то искорка. Он поднялся, подошел ко мне и сказал:

— Ну, а если я устрою мосье Юрину свидание с министром сегодня же?

Неужели победа? К такому быстрому развитию событий я не был подготовлен и поэтому секунду помедлил; взглянув на лица присутствующих, я заметил нечто, спасшее меня от провала. Чжу и один из вошедших с Лю Цзин-жэнем секретарей, сузив глаза, переглядывались.

«Ага, это какая-то ловушка,— мелькнуло у меня в голове.— Почему они переглядываются? Он хочет меня поймать. Конечно, я должен согласиться на свидание, но тогда где же таится эта ловушка? Что я сейчас говорю?»

Я повернулся к окну, у которого стоял, и сделал вид, что оглядываю сад.

Все это отняло секунду, и за это время я мысленно пробежал весь разговор. Помню, как это было трудно. Ага, поймал!

— Передайте, пожалуйста, министру,— сказал я,— что мосье Юрин болен, но если господин министр хочет его видеть, то мосье Юрин придет и больным.

Губы Лю Цзин-жэня разжались. Он осклабился и стал пожимать мне руку, говоря: «Нет, не надо. Подождем».

Итак, я избежал ловушки, которую ставил старый дипломат. Скажи я немедленно «да», он, конечно, ответил бы: «Очень хорошо, но это, по-видимому, невозможно — ведь он болен» или «значит он не болен, раз сможет приехать?» — и они все посмеялись бы надо мной, а я уехал бы в дураках.

Само по себе все это неважно, но у дипломатических работников есть своя гордость. Быть пойманным на вранье, потерять честь, унижить себя и тех, кого представляешь,— недопустимо.

«Гардинг или Кокс?» — вместе со всем миром гадали мы во время президентских выборов в США осенью 1920 г. Мы не очень хорошо разбирались в американской политике, но знали, однако, что приход к власти Гардинга и республиканской партии похоронит статьи Версальского мирного договора, отдававшие Шаньдун японцам, и что республиканцы, по всей вероятности, возьмут другой тон в своих отношениях с Японией.

Однажды в нашей гостиной сидел английский публицист Путнам Уил. Это был краснощекий сангвиник с массивной фигурой и закрученными вверх черными усами. Он прославился нашумевшей книгой об обороне посольского квартала во время восстания ихэтуаней. Впоследствии он издал несколько книг, посвященных дальневосточным проблемам и, в частности, Китаю. В те дни, когда мы познакомились с ним, он был советником китайского правительства и по уши погряз в интригах, сплетнях и политических комбинациях. Выуживая у нас интересовавшие его сведения и изучая Юрина и членов миссии, он вместе с тем охотно рассказывал нам о политических новостях и давал характеристики тем или иным политическим деятелям. По его словам, американскому народу в целом ни тепло, ни холодно от того, кто будет президентом, но масса избирателей в последний момент проголосует за Гардинга. Конечно, оба кандидата — ничтожества, но «у Гардинга красивая голова и серебристые волосы». Путнам Уил считал, что с приходом республиканцев к власти неизбежен перелом во внешней политике.

Однажды в послеобеденный час бой принес на подносе письмо. Прочитав его, я сжал губы и прочел еще раз. Сомнений не было — оно из Вайцзяобу. В левом верхнем углу обыкновенного листа почтовой бумаги было напечатано: «Министерство иностранных дел, Пекин, резиденция министра». Письмо гласило приблизительно следующее: «Дорогой м-р Юрин! я был бы очень рад, если бы вы оказали мне честь и посетили меня для беседы в моей квартире на тер-

ритории Вайцзяобу». Я до сих пор помню, что оно заканчивалось старомодной формулой «Believe me, faithfully yours» и подписью W. W. Yen.

«В. В. Янь» — так подписывался министр иностранных дел Китая Янь Хуэй-цин. Как и большинство китайских дипломатов, он был южанином, родом из провинции Цзяньсу; учился в Шанхае и позже в США.

Став дипломатом еще до китайской революции, Янь Хуэй-цин в 1913 г. был назначен посланником в Германию. Он придерживался умеренного либерального направления и не входил ни в какие клики (хотя и зависел от них).

Не таковы были остальные чины министерства и весь состав китайской дипломатической службы. Более старая группировка говорила по-французски, более молодая и напористая — по-английски. Первые (например, вице-министр Лю Ши-шунь и первый встреченный мной секретарь Вайцзяобу — Чжоу Вэй) сами по себе, а иногда через француженок-женототели к католическим кругам, к их пекинскому органу «Политик де Пекин» и в конечном счете к французскому посольству. Бывший министр иностранных дел Лу Чжэн-сян даже принял монашеский сан во французском ордене лазаристов.

Если представители говорившей по-французски группы являлись в значительной мере выкорышками католических колледжей или монастырей, нередко иезуитских, то говорившие по-английски были тесно связаны с протестантскими миссионерами и явно тяготели к Англии и США. Эта вторая группа была даже хуже первой, так как презирала все китайское, низкопоклонничала перед всем английским и американским, считавшимся верхом совершенства и чем-то навеки незыблемым. Крупнейшие дипломаты не стыдились присваивать себе английские имена. Посол в США именовал себя Веллингтон Ку, посол в Англии — Альфред Ши, а министр иностранных дел — В. В. Янь.

Сохранилась и старая группа дипломатов, доставшаяся республике в наследство еще от Цинской династии. Были разные провинциальные клики, были ставленники крупных политических деятелей, были

старые рутинеры — бюрократы, были осведомители иностранных держав. В этой пестрой и сложной среде Янь Хуэй-цингу приходилось соблюдать немалую осторожность. Именно поэтому он, согласившись на встречу с Юриным, придал ей полуофициальный характер. Приглашение было написано хотя и на бланке министра, но без его полной титулатуры, свидание было предложено не в министерстве, а в квартире министра.

Итак, упорство, выдержка и настойчивость миссии ДВР принесли первые плоды. Не начиная переговоров с Лю Цзин-жэнем, мы сумели добиться необходимой нам встречи с министром, пусть и полуофициальной.

В назначенный час наша машина обогнула Вайцзяобу и остановилась у подъезда квартиры министра.

Слуга провел нас в довольно скромную гостиную, обитую серым штофом. Через минуту к нам вышел Янь Хуэй-цин.

Мне показалось, что я встречался с ним когда-то. Ведь это — негр, жаривший рыбу в одной из сказок «Тысячи и одной ночи», такой же крупный, широкоплечий, черный, толстогубый, с большими руками. Вот-вот он начнет подбрасывать рыбу на раскаленной сковороде и рыба заговорит человеческим голосом.

Он усадил Юрина рядом с собой на диван, я сел напротив, как переводчик. Начался разговор. Янь был очень любезен, но сразу стало ясно, что далеко он не пойдет — не хочет или не может. Пламенной любви к ДВР или жгучего интереса к ее делам он не проявил: вежливо спросил, как мы доехали, как наше здоровье, познакомились ли мы с Пекином. Без всякого энтузиазма он делал, однако, бесспорно нужное Китаю дело: вскользь спросил, слышали ли мы о том, что правительство более не признает миссии Кудашева, а затем сообщил, что назначил комиссию для переговоров с нами.

Говорить, собственно, было не о чем, — Юрин добивался свидания с министром и получил его; политическое значение самого факта было ясно обоим. Но закончить свидание через четверть часа и Юрин

да, вероятно, и Янь считали бы бестактным. Юрин рассказал о ДВР, об ее организации, о желании установить нормальные дипломатические и торговые отношения с великой соседней страной — Китаем. На этом разговор закончился. Мы поднялись, хозяин вышел с нами в переднюю и проводил до двери в сад*.

— Вот теперь,— сказал Ивин, когда мы вернулись домой,— вы уже больше не частные лица. Теперь вас расценивают как государственных представителей.

Наше положение в Пекине коренным образом изменилось. Может быть, важнее всего была психологическая сторона — лучший барометр для определения обстановки: мы настояли, Вайцзябу согласилось. Раз так, оно пойдет и дальше.

Мы переезжаем

Время шло, но дело в русской комиссии Вайцзябу не двигалось. Я ездил к Чжу, и внимательные служители провожали меня каждый раз в новую гостиную, чтобы я мог познакомиться с убранством каждой. Приносили чай, Чжу пододвигал мне ящик с египетскими сигаретами, мы разговаривали. Но затишье продолжалось.

Мы воспользовались этим, чтобы разрешить кое-какие бытовые дела. С появлением и расширением штата миссии «Отель де Пекин» стал для нас и неудобен и дорог. Мы решили искать подходящий для жилья и работы особняк.

При помощи наших друзей мы приступили к поискам. Однажды к нам приехал Дональд и сказал:

— Продается прекрасный дом покойного доктора Моррисона. Вдова его уезжает, поэтому можно купить и всю обстановку.

Я, не теряя времени, отправился по указанному адресу. Дом Моррисона находился в стороне от боль-

* Свидание состоялось 7 декабря 1920 г. (см. «Millard's review», vol. 15, 1920, N 2, p. 99).

ших улиц и, как жилища китайских сановников и богачей, был огорожен высокой кирпичной стеной со скромным въездом.

Внутри все было гораздо богаче. Я прошел через парк с клумбами, гротами, китайскими статуями; в высоких фарфоровых чашах росли декоративные деревья. В глубине парка находился большой дом китайской архитектуры. Внутри он был обставлен по-европейски. В просторном холле, устланном коврами, стояли кресла и вазы с декоративными растениями.

Навстречу мне поднялась миловидная женщина с черными волосами и синими глазами (верный признак ирландского происхождения), поздоровалась и сказала:

— Я уже слышала от мистера Дональда, что вы хотите купить мой дом и обстановку. Пойдемте, я покажу вам все. Я продаю дом, и сад, и мебель, и посуду; у вас сразу же будет полное хозяйство. Впрочем, я вчера составила список всего, что у меня есть, и вы можете с ним ознакомиться.

Я сел в предложенное кресло и погрузился в чтение списка. Миссис Моррисон была весьма деловой и трезвой женщиной. Смерть мужа не помешала ей составить и собственноручно напечатать список в несколько десятков страниц. Там было перечислено все имущество — от фонтанов до вилок и от ковров до зубочисток. Внизу была четко проставлена цена — 118 тысяч долларов.

На минуту я оторвался от описи и огляделся. На стенах в серебряных рамках висели семейные фотографии, чаще всего — двух мальчиков. Миссис Моррисон проследила за моим взглядом, улыбнулась и кивнула:

— Это мои сыновья, они учатся в Англии.

О своем муже миссис Моррисон даже не упомянула. Между тем умерший в мае Джордж Моррисон был одним из влиятельнейших людей в Китае и человеком с довольно яркой биографией. Он родился в Австралии и получил медицинское образование. Прославился он тем, что в 1906 г. пешком пересек Китай с юга на север. Много лет Моррисон был советником китайского правительства и корреспондентом англий-

ской газеты «Таймс». Судя по дому и по списку вещей, д-р Моррисон стал в Китае богачом.

Миссис Моррисон следила за тем, как я читаю список. Видя, что я задумался, она подошла и спросила:

— Вы, наверное, думаете о библиотеке? Я продаю ее Токийскому императорскому университету. Они предлагают мне триста тысяч иен.

Разговаривая с хозяйкой дома, я заметил, что в комнате был еще один человек, с которым она беседовала до моего прихода. Это был щупленький старый китаец в скромном платье.

Миссис Моррисон подвела меня к нему.

— Знакомьтесь, это землевладелец, хозяин участка,— сказала она.

Старик поднял глаза, и мы оба пробормотали что-то неясное, заменившее нам приветствие.

— Мой гость,— объяснила миссис Моррисон,— маньчжур, маркиз — по-китайски «хоу». Он совершенно выжил из ума, с ним очень трудно договориться. Маркиз ни слова не знает по-английски, так что мы можем разговаривать спокойно.

Она взяла из рук старика маленькую книжечку, листы которой разворачивались гармошкой.

— Вот наш договор,— продолжала миссис Моррисон.— Я хочу объяснить маркизу, что продаю этот дом и следует поэтому переписать контракт. Но он не понимает или, может быть, хочет сорвать что-нибудь дополнительно.

Я посмотрел на маркиза. Маленькая, наклоненная вперед голова, реденькая седая борода и остекленевшие слезящиеся глазки делали его совершенным подобием тупого упрямого козла. Как я могу что-нибудь объяснить ему, если такая деловая женщина, как миссис Моррисон, не может?

Я перечитал договор, так называемый «фанчжэ-ца» — земельный контракт, образцы которого мы анализировали и переводили в средней школе в Харбине.

Но обсуждение его так и не состоялось. Вошел слуга и доложил:

— Адмирал Цай Дин-кань.

Вслед за ним в холл вошел пожилой, но очень статный и красивый китаец в гражданском платье. Он поздоровался с хозяйкой, как старый друг дома; познакомился со мной и что-то невнятное пробормотал в адрес маркиза. Адмирал приехал со светским визитом. Он, как на родном языке, с прекрасным произношением говорил по-английски и обладал аристократическими манерами.

Минут через десять зазвонил телефон. Мы поднялись и стали прощаться. Хозяйка сунула мне в руки все тот же объемистый список.

— Вы дадите ответ очень скоро, не правда ли? Я хотела бы знать завтра.

Мы прошли через парк. У калитки адмирала ждала закрытая одноконная карета со спущенными жалюзи, удобная для езды по узким городским улицам.

О, тени старого Пекина! Мне запомнились и величайшие комфорт и богатство в доме английского «советника» в полуколониальной стране, и крепкая теплая дружба, связывавшая семью англичанина с адмиралом китайского флота, занимавшегося главным образом безнаказанной перевозкой опиума, и покойная карета со спущенными жалюзи, увозившая сановника по тенистым аллеям, и выживший из ума маркиз, паразитировавший на китайской земле.

Дом Моррисона мы, конечно, не купили, так как не имели ни права, ни возможности бросать на ветер сотню тысяч долларов; кроме того, мы надеялись получить помещение и весь инвентарь бывшего посольства России, законной преемницей которого являлась наша миссия.

Нам нужно было нечто менее дорогое, но вместе с тем не следовало и скупиться; это было бы истолковано как признак бедности ДВР или обнищания всей России.

К счастью, подходящий особняк нашелся. Это был небольшой новый трехэтажный дом в километре или полутора от посольского квартала *. В нем было три-

* Этот дом существует и теперь. Он стоит в переулке, отходящем от Наньчанцзе — Чжиниюцзяо, 6. Этому сообщению я обязан любезности своего старого знакомого (недавно скончавшегося) проф. Тао Мэн-хэ.

надцать небольших комнат. Внизу — кухня, довольно темная приемная, наша общая столовая и комната шоферов. На втором этаже анфиладой тянулись приемные комнаты — три гостинные и столовая. Комнаты разделялись раздвижными дверями и при желании превращались в один большой салон. Это были самые большие и красивые комнаты в доме. Сбоку к ним примыкала полукруглая закрытая терраса, которую мы превратили в зимний сад. В маленьких комнатах на третьем этаже расположились Юрин, его секретарь, шифровальщик и я. Наконец, на вышке имелась еще одна комната, которую занял Громов.

Мебель мы достали легко. Труднее всего было обставить парадные комнаты, но Юрин объездил всех мебельщиков и драпировщиков, достал нужные гарнитур, портьеры, декоративные растения, кое-какую бронзу и мрамор.

Сам я мечтал о чем-то другом. Мне казалось, что нужно выработать полупуриганский стиль, который подчеркнул бы наше принципиальное отличие от буржуазных посольств и вместе с тем был бы настолько разумен, чтобы его нельзя было истолковать как проявление бедности.

Вскоре мы обнаружили, что не обойдемся и одной машиной: кадиллак был нужен для поездок Юрина, для визитов в Вайцзяобу и в посольства. Для обычных разъездов мы купили две машины — популярные в то время доджи. Гадзкий и Жданов отлично справлялись со всеми тремя, периодически ремонтируя их и не допуская ни малейших погрешностей в работе. Наш внешний вид должен был служить осязательным свидетельством того, что ДВР — государство не коммунистическое. Отсюда — наше равенство на внешнюю форму, на международный этикет дипломатических представительств. Мы писали приглашения и устраивали вечера и приемы по общепринятому стандарту.

Сначала нас мучил вопрос — облачаться ли нам во фраки, смокинги и визитки, которые в нашей же прессе были непременным атрибутом капиталистов на карикатурах. Конечно, полезно было бы выслушать совет Чичерина или находившегося тогда за границей Литвинова. Но они были далеко, и, кроме того, мы

не могли им слепо подражать. Ведь для дипломатов и для всего мира наша миссия не была советской и следовало не смазывать, а подчеркивать это обстоятельство. Вот почему и мы облачились в принятый дипломатами костюм.

Был установлен твердый распорядок дня. В 9 часов все завтракали, а затем расходились по своим делам. Я получал у Юрина задания на день: съездить в Вайцзяобу, разобрать почту, перевести уже составленную ноту, набросать черновик новой, разослать приглашения, развезти ноты по посольствам. К полудню приезжал Ходоров, приходил Ивин, и до обеда читались и комментировались газеты и полученные из ДВР сообщения. Юрин принимал русских сотрудников с докладами и вопросами, отдавал распоряжения по хозяйству.

Я докладывал ему о выполнении поручений.

Особняк на Чжинюйцзяо заняли только те, кто приехал из Верхнеудинска. Для всех остальных сотрудников мы сняли квартиры и служебное помещение в двух или трех километрах от нас, поближе к центральной, торговой части Пекина.

В час дня обычно подавался второй завтрак — «тиффин», как его называют на Дальнем Востоке. К завтраку почти всегда были гости, китайские или иностранные, главным образом газетчики или дипломаты. Иногда бывали званые тиффины — мы приглашали десять — пятнадцать человек, и тогда за столом сидели дольше. После ленча двери столовой раздвигались и гости переходили в одну из гостиных курить и пить кофе. К четырехчасовому чаю Юрин часто уезжал с визитами, я корпел над нотами, пресой или китайскими книгами, ездил к Нортону или к другим деловым или полуделовым знакомым или осматривал Пекин. Гурьянов и Павел занимались шифровкой. К 7 часам вечера — к обеду — опять, как правило, были приглашенные или мы сами выезжали с визитами.

К полуночи в миссии все успевало утомиться, так как самый распорядок жизни не позволял выходить из расписания. Мы приучились никого не задерживать, никогда не спешить и не опаздывать.

Я пишу «наша» русская колония потому, что в Пекине была и «не наша» колония — эмигрантская и белогвардейская.

Вокруг нашего служебного филиала в деловой части города образовалось нечто вроде русского клуба, куда стекались все люди, сочувствовавшие революции и новой России.

Ивин, Ходоров и Торгашев редко ходили туда, так как были очень заняты. Ходоров работал в большом телеграфном агентстве и поэтому жил в доходном доме в посольском квартале. Русские и китайцы, работавшие под его руководством, изучали и обрабатывали материалы китайской и иностранной прессы, по которым составлялись затем информационные сводки и телеграфные сообщения. Из его китайских сотрудников выделялись глубоко порядочный Сюэ и несколько американизированный и довольно заносчивый студент Хуан Пин.

Ивин жил в заброшенном китайском храме, расположенном в глухом переулке. За его хозяйством следил китайский слуга. Ивин был так занят ночной работой во французской газете, чтением китайской прессы и встречами с небольшим кругом своих избранных друзей, что очень мало внимания уделял русской колонии. В его обиталище не всегда можно было найти еду, но всегда — вино и интересное общество.

Наш коммерческий атташе Торгашев, суровый и малообщительный человек, не появлялся среди других сотрудников. Своей квартиры он почему-то не имел и жил с женой у молодого, но уже известного китайского дипломата Дяо Цзо-цяня, известного под англоязычным именем Филиппа Тяо.

Я бы сказал, что душой русской колонии в то время были два хороших человека, работавших прессе-переводчиками у Ходорова — Харнский и Ильяшенко. Оба — бывшие офицеры, кристально честные люди, полностью пересмотревшие свои взгляды и безоговорочно связавшие свою судьбу с революционной Россией. О Миллере — высокообразованном, много путе-

шествовавшем, большом знатоке английской и американской культуры — я уже говорил. Он и его жена Ольга Николаевна Гарднер* были видными членами русской колонии.

Очень хорошее впечатление производил Тужилин — бывший царский вице-консул в Цицикаре. Как только царская миссия была лишена признания китайцев, Кудашев перестал выплачивать содержание консулам и часть из них обратилась к нам. Некоторые просто бессовестно вымогали и попрошайничали. Не таким оказался Тужилин. Скромный и одинокий человек, он был образованным китаеведом, и первого же разговора с ним и дошедших до нас отзывов было достаточно, чтобы принять его на работу.

Факт перехода нескольких чиновников бывшего царского консульского аппарата к нам произвел большое впечатление и на Вайцзяобу и на эмиграцию, которую мы считали необходимым расколоть. Тужилин занял столовую в квартире, где жили Миллеры с сыном, и уже через несколько недель в его маленькую комнату нельзя было войти — на натянутых веревках висели тысячи согнутых в середине бумажных полосок с иероглифами для составлявшегося Тужилиным большого китайского словаря.

От времени до времени к колонии присоединялись прибывавшие из ДВР дипкурьеры и другие доверенные люди. За труд и опасности путешествия они вознаграждали себя знакомством с Китаем. Событием для русской интеллигенции был приезд из Тяньцзина поэта Сергея Третьякова. Он читал стихи — свои и Маяковского, сделал несколько блестящих, остроумных докладов о новой русской поэзии.

По экономическим делам в Пекин приезжал очень красивый и всем полюбившийся сибирский революционер-большевик, бывший лимокат Пригарин. Из Владивостока пожаловал Александр Васильевич Гребенщиков — профессор маньчжурского языка в том самом Восточном институте, где я учился. И он был

* Ольга Николаевна Гарднер — поэтесса и переводчица, потомок английской семьи Гарднеров, основавших в XVIII веке знаменитые фарфоровые заводы в России и учредивших Английский клуб в Москве.

вовлечен в водоворот политики — в 1920 г. стал товарищем управляющего иностранными делами во временном правительстве Приморской областной земской управы, стоявшей на антияпонских позициях. У него было очень красивое лицо, светлые волосы; я немало гордился им.

Однажды произошло весьма примечательное событие. К нам в миссию явился Васьков — простой крестьянин из Приморья, светловолосый и голубоглазый, одетый в ситцевую рубашку и разбитую обувь. Он попросил приюта и работы. Гость рассказал нам, что раньше жил в северной части Приморья по соседству с китайскими огородниками, пристрастился к их образу жизни и больше всего — к их языку, который выучил, разговаривая с соседями через плетень, сидя у них, работая вместе с ними. Но ему хотелось изучить язык в совершенстве, а главное, научиться китайской грамоте. Он давно мечтал побывать в Китае. Господство белогвардейцев, организованные ими карательные экспедиции в Приморье были ему ненавистны. Собрав последние деньги, он рискнул поехать в Пекин — попытаться счастья и поискать работу. Услышав о нас, он немедленно к нам явился. Мы без всякого колебания взяли его на работу помощником завхоза. Миссии он был очень полезен своим знанием китайского простонародного языка, умением превосходно ладить с грузчиками и вообще с рабочим людом, своей смекалкой и честностью. Вскоре он перевез в Пекин жену и кучу ребятишек и прочно обосновался при нашем представительстве*.

Пекин сорок лет назад

Я знаю Пекин только таким, каким он был сорок лет назад.

Первое, что поражало в этом городе и оставляло,

* Васьков проработал в Пекине много лет. Дети его получили образование сначала в Пекине, а потом в Советском Союзе. Старший его сын (ныне покойный) был в 40-х годах советским поверенным в делах посольства СССР в Китае, другой — в настоящее время работает в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами.

быть может, самое сильное впечатление,—это мощные городские стены и сторожевые башни — ключ и вступление к тому великолепному архитектурному целому, каким был Пекин. Множество монастырей, дворцов и парков окружали город или были по нему разбросаны.

Через весь Пекин проходила огромная магистраль, прямая, как полет стрелы. Она вела к Храму Неба и Храму Земледелия. Некогда по этой дороге раз в год проезжал богдыхан, чтобы в полном одиночестве провести в храме ночь. Дорога пустела, боковые улицы отделялись от нее синими покрывалами, а если кто-нибудь попадался на пути богдыханской процессии, он должен был пасть на землю и не шевельнуться вокруг, иначе, по поверью, мог ослепнуть.

На следующее утро богдыхан приносил жертву на открытом алтаре Храма Неба или проводил перую борозду в Храме Земледелия.

Храм Неба — три огромные, суживающиеся кверху мраморные террасы и открытый небу жертвенник — никогда не исчезнет из памяти. Он прост по замыслу и строг по архитектуре.

Подлинным чудом Пекина являлся, конечно, так называемый императорский город — стройное скопление дворцов, озер и парков. В мое время маньчжуры уже давно были изгнаны оттуда, а их дворцы превращены в музеи, где хранились императорские сокровища.

Не раз искусствоведы писали о том, как много Европа переняла у Китая в области ландшафтной архитектуры — гармоничного объединения зданий, рельефа, растительности и воды. Но европейцы так и не научились управлять большими пространствами, не овладели эстетикой простора.

Пекин расположен у подножья гор, которые прикрывают его от холодных ветров, дующих из Монголии. Но бывают месяцы, когда даже горы не могут его защитить. Пекин приобретает тогда совершенно фантастический вид.

С северо-запада на город налетают знаменитые пыльные бури, они несут с собою миллионы тонн лесовой пыли. Воздух делается желтым; над Пекином

нависает духота, желтая пыль пробивается через закрытые двери и окна, наполняя легкие. Из дома в такие дни лучше не выходить.

С этими пыльными бурями у меня связано одно воспоминание. Как-то А. А. Ивин, большой поклонник Омара Хайяма, оставил у нас в гостинной томик его стихов в английском переводе Фицджеральда. На следующий день к ленчу у нас были гости — журналисты. Они приехали в закрытых машинах и пыльную бурю наблюдали только через плотно прикрытые окна. Один из них увидел томик Омара Хайяма и прочел вслух четверостишие, которое переводится примерно так:

Вверху, внизу, кругом, перед тобой
Весь мир, как ящик, в нем — спектакль теневой,
Светильник жалкий — солнце, а вокруг
Бессмысленных фантомов ходит рой.

— Не кажется ли вам, — обратился он к нам с непринужденностью денди, — что таков весь мир? — и, показав на желтые смерчи за окном, добавил, — во всяком случае, Пекин.

Мы с нескрываемой холодностью отнеслись к его словам. Умом мы понимали и скептицизм Хайяма и его эпикурейство, но сердце наше их отвергало. А слова о том, что и сам Пекин, и все, что творится за нашими окнами в его необозримом людском море, — это только случайный спектакль, вызвали у нас лишь плохо скрытую враждебность. Разве страдание, нищета, умирающие от голода дети — это спектакль?

Зимой Монголия дышит на Пекин ледяными ветрами: полуголых рикш и бедноту подстерегает смерть, великолепные же дворцы и башни, хотя и немного обшарпанные, незубчато и безучастно высются свидетелями человеческих страданий.

Самое незабываемое зрелище — весна в Пекине, розовые стены «запретного города» и пробивающаяся нежная зелень на деревьях вокруг.

Я помню, как А. А. Ивин принес однажды только что вышедшую книгу образованного путешественника-француза. Я разыскал ее недавно в одной из московских библиотек.

Этот француз писал: «Все, что видишь в Китае, создает одно совокупное впечатление — страны, оцепеневшей во сне. В Китае я видел вчера и вижу сегодня одни фантомы, которые не поддаются заклинанию; куртизанок в „цветочных лодках“, восседающих в зачарованной неподвижности, как идолы в кумирнях; заснувших курильщиков опиума; воинов и савонников, окаменевших в своих гробницах; унылые стены, окружающие опустевшие города; галлюцинирующие караваны; сады и храмы, полные видений. Все одинаково испытывают гнет того же колдовства; и им всем снится и всех давит один и тот же тысячелетний сон. Нигде в мире не найти более абсолютной социальной неподвижности, такой неизменности нравов, привычек, обрядов, учреждений, подобного тождества жизни в таких огромных масштабах и в течение стольких веков...» *.

Мы читали и пожимали плечами. Пекин совсем не был и не казался нам сонным царством. Наоборот, каждый день дарил нам новые впечатления. Сегодня это — посещение лавок и магазинов, где я собирал каталоги и рекламные листки; завтра — посещение ночлежек с их ужасающей, неслыханной нищетой; сегодня вечером — спектакль в «Синьшицзе» («Новом мире») — в огромном зрелищном предприятии, где играл народный театр на разговорном языке (надо было идти за кулисы, знакомиться с авторами, покупать для перевода либретто), а завтра — классическая опера с Мэй Лань-фанем. В свободное время — изучение картин в Национальном музее или поездка через весь город на велосипеде в католическую миссию, где в библиотеке или у ученого епископа можно навести справки о средневековых художниках; посещение Центрального парка с его немислимыми по причудливости золотыми рыбками в огромных фарфоровых вазах; экскурсия в Сишань — Западные горы, когда вырываешься из многомиллионного города к природе и сельской тишине; шумный университет, где всякое, хотя бы мимолетное знакомство со студентами превращалось в обмен мнениями, спор, поиски путей —

* E. Hovelague, *La Chine*, Paris, 1920, p. 95.

остроумные и беспощадные схватки, какие бывали, вероятно, в Московском университете в дни Огарева и Герцена. И всегда Пекин предстал в движении.

Разве можно было говорить о неподвижности и оцепенении Китая в те годы? В стране было уже более двух миллионов промышленных и транспортных рабочих, боровшихся за свои права. Шанхай стал громадным промышленным центром, выросли Гуанчжоу, Ухань, Тяньцзинь. В стране возникали политические партии, появились марксистские кружки, на базе которых вскоре была образована Коммунистическая партия Китая. Издавались газеты, журналы, листовки. Многие из них критиковали правительство, требовали политических перемен. Происходили демонстрации, выступления студентов, рабочих, городской бедноты. Страна уже не хотела мириться с иностранным засильем, с нищетой масс, с безгласностью, с произволом генералов-бандитов.

Слышались глухие подземные толчки того массового движения, которое через несколько лет вылилось в гражданскую войну.

Возникла абсолютная уверенность, что то бесправие, голод, нищета, от которых страдало девять десятых населения,—временны, что началась борьба за другую жизнь, что в недалеком будущем, уже через несколько лет, народ восстанет, оставив неизбежными только сокровища труда и искусства, духа и гения народа.

Мы становимся «федеральной» миссией

Как и следовало ожидать, Лю Цзинь-жэнь не торопился начать переговоры. Нам было совершенно ясно, что он по своим взглядам принадлежит к более правой группировке дипломатов в министерстве иностранных дел, чем д-р Янь.

Сразу же после свидания с министром Юрин, уже без дальнейших возражений, впервые приехал в Вайцзяюбу и познакомился с Лю Цзинь-жэнем. Во время

первого свидания или одного из последовавших за ним Лю, видимо, желая оттянуть переговоры, задал вопрос:

— Является ли миссия представительницей всей Дальневосточной Республики или только ее части?

— Разумеется, всей Дальневосточной Республики,— ответил Юрин,— это явствует из наших верительных грамот.

— Но ваши верительные грамоты подписаны министром в Верхнеудинске,— возразил Лю,— а ведь есть еще правительства в Приморье и в других областях Дальнего Востока.

— Да,— последовал ответ,— но это местные власти; центральным и единственным правительством является верхнеудинское.

— Я понимаю это,— согласился Лю,— но, как видно, ваше правительство и местные власти разобщены, а между ними находится территория белых. Что же получится, если мы будем вести с вами переговоры, а областные правительства их не признают?

Мы заверили его, что признают; но ему одного заверения было мало.

Мы обещали, что местные правительства пришлют телеграммы, подтверждающие наши полномочия.

Лю Цзин-жэнь немедленно возразил — телеграфные полномочия противоречат дипломатической практике.

Итак, мы снова наткнулись на стену. Хотел ли Лю Цзин-жэнь скомпрометировать нашу делегацию как местную, стремился ли он еще раз оттянуть деловые переговоры и признание миссии, или он действительно имел право не признавать полномочий, заверенных по телеграфу,— гадать было бесполезно; следовало во что бы то ни стало преодолеть новый барьер.

Не могу сказать, кто подал эту мысль — Юрин или китайцы, но было решено предложить властям ДВР в Приморье и на Амуре прислать своих уполномоченных, которые вошли бы в миссию на правах ее членов. Образовалась бы своего рода федеральная миссия из представителей главных и пока еще разрозненных властей ДВР.

Мы снеслись с Верхнеудинском по телеграфу и

через дипкурьеров. Спустя несколько недель в Пекин приехали новые люди.

От Приморья в состав миссии вошел Алексей Федорович Агарев. В студенческие годы он руководил рабочими революционными кружками, несколько лет провел в эмиграции в Австралии, а в 1917 г. вернулся (кажется, через Америку) во Владивосток. В мае 1920 г. он возглавлял делегацию временного правительства Приморской области, которая вела переговоры с Янь Хуэй-цином. Инженер по образованию, Агарев свободно владел английским языком, был человеком основательным и принципиальным. Это было ценное пополнение миссии.

В качестве посланца от Амурской территории приехал старый партийный работник Яковлев, маленький, пожилой, болезненный человек, в очках, похожий на нотариуса. Он хорошо понимал, что послан только для соблюдения требуемой китайцами формальности и ни разу не усложнил работу миссии. Если Агарев сразу же был объявлен заместителем Юрина, то Яковлев довольствовался положением скромного члена миссии. От полосы отчуждения КВЖД был прислан Н. И. Горчаковский.

Приезжали на несколько дней и другие люди. Одним из них был коммунист Яковенко — очень образованный человек, который рассказал мне, что в эмиграции он закончил Гейдельбергский университет по философскому отделению.

Особенно большое впечатление произвела другая встреча.

Посланцы с Амура и с тихоокеанского побережья приехали еще до нашего переселения в новый дом. Юрин целыми днями сидел в гостиной своего тройного номера в «Отеле де Пекин», совещался и беседовал с ними. Я заходил к нему только в экстренных случаях, и однажды, когда в разговоре наступила пауза, все подняли на меня глаза, и Юрин сказал: «Знакомьтесь. Это наш секретарь, а это (навстречу мне поднялся большой, темнолицый, красивый человек) товарищ Шилов».

Так это был Шилов! Тот самый Дмитрий Шилов, глава амурских партизан и герой Дальнего Востока!

Он и выглядел героем. Чем были рядом с ним министры и дипломаты, которых я встречал в Пекине!

Собрав все необходимые полномочия от местных правительств, мы представили их в министерство иностранных дел, приобретя этим бесспорный статус «федеральной» миссии.

Отношения с другими миссиями

С первых дней нашего пребывания в Пекине мы уяснили, что у нас две основные задачи и их следует решать параллельно.

Нужно вступить в переговоры с Китайской Республикой, добиться признания и заключить договор по экономическим и политическим вопросам. Это значительно укрепит международное положение ДВР. Мне кажется, что ни мы, ни китайцы не знали твердо, можем ли мы претендовать на то, чтобы быть правопреемниками бывшей Российской империи полностью или только частично, так как наша делегация в конце концов представляла только часть территории и населения России.

Но признание со стороны Китая — еще не все. Мы нуждались в признании и всех других держав, поэтому следовало оповестить весь мир, все державы, что на территории Восточной Сибири возникла Дальневосточная Республика — самостоятельное государство, не имеющее советского или коммунистического строя, желающее войти в кочтакт и дружественные отношения со всем миром и добивающееся международно-го признания. В соответствии с этим мы развернули пропаганду в прессе, посылали ноты и декларации в другие столицы мира и завязывали личные отношения с дипломатическими представительствами других держав в Пекине.

Ноты и декларации, касающиеся ДВР (в особенности после переезда правительства в Читу), переводились нами на английский язык и посылались по телеграфу иностранным правительствам в Вашингтон, Лондон и другие столицы. Некоторые документы бы-

ли очень длинными, и передача их стоила громадных денег (если не ошибаюсь, счет телеграфа за одну партию телеграмм составил четырнадцать тысяч долларов).

Эти же документы я развозил по миссиям; Юрин выезжал только в том случае, если известно было, что его примет посланник.

В каждой миссии принимали по-разному, и это о многом говорило.

Самые плохие отношения сложились у нас с дипломатическими представительствами Франции и Англии. Позиции французов в Китае не были сильны, недавнее же банкротство Индо-Китайского банка, ранее считавшегося незыблемым, нанесло тяжелый удар по престижу Франции. Все это, однако, возмещалось кичливостью и наступательной тактикой французской миссии. Все же избегать контакта с нею не следовало. Я приезжал на машине в миссию, никому не представлялся, не называл себя и ждал, когда выйдет кто-нибудь из чинов. Обычно в приемной появлялся или хрупкий брюнет — второй секретарь Леже*, или Лепис с толстым загривком. Я передавал им большой запечатанный пакет на имя посланника и уезжал. Никто не осмеливался возвратить мне эти документы.

До самого конца пребывания нашей миссии в Пекине мы иначе с французами не общались. Они же давали знать о себе только периодическими низостями и интригами.

Мы могли бы, вероятно, использовать для контактов работавшего у нас капитана Бурье или мадемуазель Дюбуа, дававшую мне уроки французского языка, но, не желая унижить себя, не делали этого. О настроениях и делах французского посольства мы узнавали через Ивина, работавшего во французской газете.

Неслыханное чванство английской дипломатии и английской колонии в Китае общеизвестно. Вероятно, передача нот в английскую миссию происходила бы

* Алексис Леже — впоследствии генеральный секретарь французского министерства иностранных дел и посол. В 1961 г. получил Нобелевскую премию по литературе.

так же, как и передача во французскую, если бы не один случай, придавший этому более уместные формы.

Однажды меня вызвали в нашу приемную в «Отеле де Пекин». Я нашел там сидевшего в кресле европейца в очках и китайца-боя. Бой выходил, и я на пороге сказал ему несколько слов по-китайски, увы, необдуманных: «Когда эта четырехглазая физиономия уберется отсюда, принесите снизу почту». Бой вышел. Гость поднялся навстречу мне — он оказался плотным широкоплечим мужчиной — и на очень хорошем китайском языке сделал самый изысканный комплимент по поводу моего произношения. Оставалось только учтиво его благодарить. Посетитель вынул из бумажника визитную карточку. Это был Гардинг, помощник китайского секретаря английской миссии. Его чисто колониальная дипломатическая должность соответствовала должности драгомана в старой русской миссии или второго секретаря.

Что же, пренебрегать этим знакомством не следовало. Мы уселись в кресла, и он рассказал, что давно интересуется Россией и хочет знать, можно ли во время предстоящего ему длительного отпуска вернуться в Европу через Сибирь? Нельзя ли поговорить по этому поводу с мистером Юриным? Я обещал узнать.

С тех пор Гардинг изредка навещался к нам, никогда ничего официально от имени миссии не передавая и ничего не пытаясь разузнать. Каждый раз он просил о свидании с мистером Юриным, но Юрин всегда оказывался «занятым», так как не имел ни малейшего желания начинать неофициальные переговоры через второго секретаря. Конечно, Гардинг навещал нас с ведома посольства и скорее всего по его поручению. Англичане — народ торговый и практичный; посланник, вероятно, считал, что никакого вреда от протянувшейся ниточки не будет, а канал для деловых связей на случай надобности уже подготовлен.

Почти в то же время с английской миссией нас связала и вторая ниточка. Однажды Холоров привез Юрину приглашение на завтрак к великобританскому коммерческому атташе Ровзу. Юрин вернулся совершенно очарованным. Это был уже не работяга и эру-

дит Гардинг; Роуз — красивый джентльмен с обаятельными манерами и долголетней практикой обработки людей, держал себя просто и открыто, как с лучшими друзьями. Впрочем, можно не сомневаться, что и это свидание являлось только частью общей политики английской миссии по отношению к нам.

Но особенно далеко заходить она не собиралась; когда Юрин решил дать Роузу ответный завтрак, тот прислал предельно откровенное письмо на четырех страницах, в котором спрашивал: не лучше ли на этом остановиться и воздержаться от дальнейших свиданий? Могут возникнуть кривотолки и неуместные предположения, что коммерческий атташе хочет войти в какие-то сделки с нами. Это поведет к ненужным догадкам и неправильным выводам, вредным, конечно, обеим сторонам.

Я помню, как больно было Юрину получить подобное письмо. Впрочем, это было полезным уроком: нельзя форсировать темп и попадать поэтому впросак*.

Как бы то ни было, знакомство с Гардингом и Роузом позволило нам без инцидентов вручать ноты и английской миссии.

Почти каждая иностранная миссия в Пекине — это обширная территория с разбросанными по ней домами, охраняемая своей посольской стражей. Я приезжал в резиденцию англичан, и китайский секретарь Бертон, высокий худой старик, куда-то исчезал при моем появлении. Гардинг принимал меня как знакомого, я оставлял ноту и через несколько минут выходил, ловя любопытные взгляды встречавшихся или подглядывавших чинов миссии.

Наряду с миссиями Англии и Франции в Пекине были дипломатические представительства и других великих держав: Италии, Японии и США.

Наше знакомство с военным атташе США, как известно, не было результатом только счастливого случая или только наших желаний: американская миссия, вероятно, не меньше нас была заинтересована

* Вскоре Роуз ушел с дипломатической службы на пост директора одного из мировых табачных трестов.

в контакте *. После своего ухода из Сибири американцы меньше всего хотели, чтобы в ней, чего доброго, закрепились японцы. Полковник Драйздел интересовался ходом военных действий в Сибири и пользовался всяким случаем, чтобы расспросить нас.

В начале мая 1921 г. Драйздел привел к нам молодого американца Сокобина, назначенного вице-консулом в Чжанцзякоу и проездом задержавшегося в Пекине. Драйздел не раз приводил и двух помощников военного атташе — майоров Маградер и Файлун.

Всю эту компанию американских военных больше всего интересовал ход военных действий в Забайкалье и Приморье. Но они даже не старались что-либо выпытать у нас о вооруженных силах, их оснащении и прочем — вероятно потому, что такой грубой работой они сразу выдали бы себя и ничего не узнали.

Однажды Драйздел или кто-то другой привел к нам некоего Престона (если я правильно запомнил фамилию) и представил его как главного инженера одного из портов на Филиппинских островах. Это был ничем не примечательный человек среднего роста. Он приятно улыбался, охотно сидел с нами за столом, мало говорил и уходил с приемов последним. Раза два бои докладывали мне, что американец, не дожидаясь приглашения, сам прошел в гостиную. Я принимал его, болтал, а потом под каким-нибудь предлогом выпроваживал. Не знаю, была ли у американцев в то время сколько-нибудь серьезная разведывательная агентура в Китае, но если была, то Престон, разу-

* О том, как внимательно американская дипломатия следила за деятельностью миссии ДВР в Пекине, свидетельствует переписка госдепартамента и американского посланника в Китае, опубликованная много лет спустя. В Вашингтон отправлялись сообщения о всех деталях отношений и переговоров миссии ДВР с Вайцзябу. Посланник США узнавал об этом не только из неофициальных источников, но и от самого Яня. Из госдепартамента приходили предписания добиваться от китайского правительства желательных для Вашингтона действий — дальнейшей оттяжки переговоров под любыми и разнообразными предлогами, неуступчивости и т. д. (см. «The Department of State, Papers relating to the foreign relations of the United States», 1920, vol. I, Washington, 1935, pp. 494—495, 762, 766, 775, 778, 779, 786, 787; vol. II, Washington, 1936, pp. 732—744. Далее — «Papers»).

меется, был разведчиком и, пользуясь своей незаметностью, лез во все щели.

В американской миссии меня по всем правилам этикета принимал первый секретарь Раддок, среднего роста, с правильными чертами розового лица и голубыми глазами, аккуратно одетый и поразительно похожий на бездарного банковского клерка. Он усаживал меня на диван в своем маленьком кабинете, мы болтали, затем он прятал в сейф привезенную ноту и заверял меня, что сегодня же, за послеобеденным чаем, передаст ее посланнику. Мы прощались. Он не проявлял никакого любопытства, никакого интереса к нашим нотам; с тем же выражением лица он мог бы своими чистыми и аккуратными руками заворачивать пилюли в аптеке.

Частым гостем стал у нас американский коммерческий атташе Джулиан Арнольд, весьма авторитетный специалист по китайской экономике. В его лице мы познакомились с концентрированной американской деловой пошлостью, с ее деланным благожелательством и неподдельным самодовольством, сдобренным штампованными анекдотами. Арнольд был уже пожилым человеком. У нас он наедался до отвала, брюшко его все росло; он охотно расписывал перспективы торговли, мира и богатства, открывавшиеся якобы перед Дальним Востоком под эгидой Соединенных Штатов.

Японским посланником в Пекине в это время был Обата, тот самый, который в мае 1915 г. предъявил Юань Ши-каю известные «21 требование» и, когда тот замедлил с ответом, порекомендовал посмотреть ультиматум на свет; водяные знаки на бумаге изображали броненосцы. Только несколько месяцев назад он приютил у себя в посольстве и девять министров разгромленного анхуэйского правительства, отказавшись затем их выдать.

Как ни странно, но в японской миссии не было сделано ни малейшей попытки игнорировать или унижить миссию ДВР. Японцы очень быстро запомнили наш автомобиль; меня встречали с отменной вежливостью и провожали в кабинет первого секретаря. Это был Токугава, представитель самой аристокра-

тической семьи в Японии (его отец был принцем и председателем Верхней палаты).

Токугава вставал мне навстречу и усаживал в кресло, спокойно и вежливо готовясь меня выслушать. Я произносил несколько стереотипных фраз, объяснявших цель моего визита, и во избежание лишних разговоров оставлял на столе привезенную ноту. Не успевал я дойти до двери, как Токугава легко и неслышно опережал меня и с поклоном открывал дверь кабинета.

С итальянской миссией мы познакомились вскоре после нашего приезда.

Сначала к нам зачастил один итальянец, синьор Пелаготти, который как будто находился (или был послан и не доехал) в итальянском отряде, помогавшем Колчаку. Пелаготти, костлявый и некрасивый человек, с бледным, вечно потным лицом, на котором красовались большие черепаховые очки, познакомил нас с другими итальянцами. Директор Сино-Итальянского банка д-р Куньо часто бывал с семьей на наших приемах; председатель Всеитальянской торговой палаты, путешествовавший по Востоку со своей красивой и умной женой, был нашим гостем за обедом. Синьор Пелаготти познакомил нас с молодым сотрудником итальянской миссии Феруччо Рамондино и с итальянским офицером, имевшим к этой миссии какое-то отношение. Все это подготовило личное знакомство Юрина с итальянским посланником маркизом Дураццо. Нас приняли с отменной любезностью, и сам посланник, прихрамывая, хлопотал вокруг нас, подавал папиросы и разливал чай. Конечно, серьезной почвы для разговора не было, однако не было сомнения и в том, что Дураццо сообщит об этом свидании в Рим. Ноты принимали и передавали, хотя делалось это не очень быстро.

В Пекине была еще одна миссия, как и мы, находившаяся в невыгодном положении, — германская. Нас еще не признали, германская же миссия представляла недавнего военного противника, и поэтому в пекинских официальных кругах к ней относились прохладно. Устроить встречу с немцами не представляло никакой трудности; Юрин и я (как его секретарь

и переводчик) вскоре уже сидели в кабинете германского поверенного в делах фон Борха. Впрочем, сколько-нибудь серьезной общей почвой для обмена мнениями или, тем более, для какой-либо совместной акции не было, и наши переговоры далеко не зашли. Не следует забывать, что немцы были такими же спесивыми привилегированными дипломатами, как французы и англичане, только временно попавшими в трудное положение. Но германская миссия не хотела терять с нами связи, почему и навязала нам в качестве частого гостя немецкого путешественника и писателя Эриха фон Зальцмана. Дальше нашей первой гостиной его обычно не пускали. Он рассказывал о путешествиях, о своих взглядах на Китай и на его вероятное будущее, намекал, что у него крупные связи, поскольку через жену он состоял в свойстве с германским архимиллионером тех лет Гуго Стиннесом. Этим наше знакомство и ограничилось.

Нагло встретил меня голландский посланник Удендайк, за заслуги перед англичанами получивший британский орден и рыцарское звание. Он даже не поднялся мне навстречу, а продолжал сидеть, уткнувшись, как свинья, в какую-то расчетную книгу. Недружелюбно спросив, зачем я приехал, он буркнул, что не знает никакой Дальневосточной Республики. На это я ответил, что привез ноту именно для того, чтобы он узнал о существовании ДВР. Удендайк помял ноту в руках, положил ее на стол и опять хрюкнул что-то неразборчивое. Выйдя, я сказал Юрину, что ездить сюда не стоит, с чем он, узнав подробности визита, согласился. Мы решили, что политика ДВР, по крайней мере на настоящем этапе, может проводиться и без контакта с голландцами*.

* Конечно, ничего другого от Удендайка и нельзя было ждать. Он был голландским поверенным в делах в Петрограде в первые годы революции и защищал там французские и английские интересы. В Пекине Удендайк после лишения назначения Кудашева хранил имущество и архивы бывшей царской миссии, а в 1927 г. в качестве дуайена дипломатического корпуса санкционировал налет чжанцзолиневской полиции на советское полпредство в Пекине (см. W. J. Oudendyk, *Ways and by-ways in diplomacy*, London, 1939).

У бразильского посланника, очень жизнерадостного темнолицего мужчины, нас встретили радушно. В высоком двухсветном зале, уставленном роскошными экзотическими растениями и оборудованном разными качелями и турниками, на которых, визжа, кувыркались мартышки, нас усадили, как хороших знакомых, появились сигары, напитки, содовая вода.

Мы объяснили цель визита, а посланник внимательно нас выслушал. Осталось неясным, все ли он понял? Внезапно он прервал нас — счастливая мысль пришла ему в голову:

— Подождите, а что пьет ваш народ, чай или кофе?

— Чай, — не колеблясь, ответили мы.

— Раз вы пьете чай, нам не о чем толковать, потому что мы торгуем кофе, — и он залился счастливым смехом.

— Но китайцы тоже пьют только чай, — нашелся Юрин, — однако вы поддерживаете с ними дипломатические отношения.

— О, у нас представительства во всех странах, — заверил посланник.

— Ну, вот вам для первого контакта с нами, — мы вручили ему ноту и, провожаемые улыбками и любезностями, распрощались.

Конечно, в то время мы не особенно нуждались в установлении отношений с голландцами и бразильцами, но не хотели и обойти их. Дипломатический корпус занимался не только вопросами протокола. Это было административное учреждение, почти правительство, с громадным объемом прав. Оно могло причинить немало зла не только Китаю, но и нашей миссии. Обойти или обидеть кого-нибудь — значило создать своими же руками еще одного врага.

С мексиканским представительством у нас установились почти сердечные отношения. Во главе его стоял весьма достойный старый гидальго — сеньор Херреро де Хуэрта. За возникшей симпатией стояла, конечно, какая-то общность судьбы — их, более старая, и наша, совсем молодая, республика — обе боролись за независимость. Возможно, нас объединяло чувство изоляции от дипломатической колонии в Пекине, где

тон задавали англичане и французы. Херреро де Хуэрта был постоянным гостем на всех наших приемах, приглашал нас к себе, хвалил водку и угощал пухлякой.

Знакомство с мексиканским поверенным в делах не давало каких-либо преимуществ — почтенный сеньор стоял довольно далеко от политики, но присутствие одного из старых членов дипломатического корпуса помогало сломать лед и привлекало на наши приемы других дипломатов.

Мы и пресса

Мы, конечно, хорошо понимали, что каждая иностранная миссия — это только узкий канал, по которому наши сообщения, декларации и другие документы переправлялись за много тысяч километров в министерства иностранных дел — министрам, а то и просто старшим делопроизводителям, нередко преспокойно о них забывавшим. Весьма важным в передаче ноты является, разумеется, самый факт принятия ее, возлагающий известную ответственность на сторону, получившую документ; однако во враждебном или полувраждебном мире никак нельзя полагаться и на это. Все наши действия нужно было довести до сведения народов, сделать известными нашим политическим друзьям, и это удешевило бы наши силы. Общаться с народами через головы правительств и канцелярий можно было на страницах газет. Каждый нужный документ, который мы вручали китайскому правительству и посольствам, одновременно передавался и журналистам.

В Пекине, как и в соседнем Тяньцзине, издавалось немало европейских газет. Первой (не по ее важности, а потому что в ней работал А. А. Ивин) я назыву французскую газету «Журналь де Пекин». Мы всегда были своевременно обеспечены ее передовицей, которую накануне ночью писал Ивин. Зато с французским еженедельником «Политик де Пекин» мы не имели ничего общего: это был орган католических миссионеров.

Местная пресса на английском языке по существу возглавлялась газетой «Пекин Дейли Ньюс» — официальным китайского министерства иностранных дел. Редактором ее был давно прижившийся в Китае профессор Ридж. Серьезных научных трудов у почтенного Риджа не было; в Китае иностранцы становились профессорами чаще всего в соответствии с полученной по протекции должностью, а не по научным заслугам. Ридж, однако, был весьма горд своим званием и явно считал ту праздную и обеспеченную жизнь, которую он и его коллеги вели в Китае, вполне заслуженной. У нас он был частым гостем, как шотландец говорил мало и скупно, но публиковал все наши документы, так как мы хорошо за это платили.

Освежающей чертой характера Риджа было, конечно, чувство юмора, хотя и редко прорывавшееся. Он прекрасно знал, что могущество англичан в Азии уже поколеблено. У него не было никаких иллюзий и насчет превосходства английских буржуа в культурном отношении. На одном из наших званных обедов оркестр заиграл какую-то простенькую мелодию. Внезапно сидевший рядом со мной Ридж воодушевился и — вещь неслыханная для официального банкета — стал размахивать руками и подпевать. Так как мне следовало поддерживать какой-то разговор с ним, я вежливо осведомился, что это за музыка. Он свирепо оглянулся на меня и быстро ответил:

— Британская, конечно, хотя черт ее знает, музыка ли это.

За «Пекин Дейли Ньюс» следовали «Пекин Лидер» и «Норс Чайна Стар», редакторы которых — Гровер Кларк и Фокс с отменным удовольствием обещали у нас и печатали наши сообщения, передаваемые им через Ходорова. С самой большой и солидной английской газетой, издаваемой в Северном Китае, — с «Пекин энд Тяньцзинь Таймс» — связей не возникло: ее издавал твердолобый Вудхед, с которым невозможно было сблизиться.

Во всех странах корреспонденты «Таймса» и агентства Рейтер в то время были китаи журналистского мира. Мы не раз принимали у себя этих породистых джентльменов, находившихся в самом тесном контак-

те с высшими дипломатическими кругами. За обедом они больше говорили сами, чем спрашивали или выслушивали, и это было особенно важно. Внешняя политика капиталистических стран — это, кроме всего прочего, мир интриг, скрытых ходов, специально распускаемых ложных слухов. Болтовня наших гостей иногда позволяла понять подоплеку надвигавшихся событий и подлинные цели окружавших нас людей. Англичане были особенно беспощадны к своим бывшим союзникам — японцам — настолько, что не останавливались даже перед разоблачением своих соотечественников, работавших на японцев и пытавшихся подобраться к нам.

Несколько раз мы встречались с американским журналистом Пеффером, пользовавшимся репутацией самого серьезного и умного публициста в Китае; к нам приходил и самый влиятельный из журналистов — Миллард, издатель большого шанхайского политического еженедельника «Миллардз Ревью» (впоследствии переименованного в «Чайна Уикли Ревью»). От него интересно было услышать оценку политики держав в Шанхае и Южном Китае.

Забавно, что даже такие серьезные люди, как Миллард или американский коммерческий атташе Арнольд, по-видимому, заучивали или специально приберегали для застольной беседы штампованные остроты, рассчитанные на то, чтобы вызывать общий смех и, очевидно, облегчить пищеварение. Я переводил их для Юрина и поэтому хорошо помню. Когда обед уже шел к концу и гости были сыты по горло, но хозяева предлагали еще какое-нибудь блюдо, Миллард неизменно повторял такую шутку: «Знаете, я чувствую себя, как мальчик, объевшийся за рождественским столом. Его спрашивают, не хочет ли он еще порцию, а он отвечает, что будет только жевать, а глотать уже не может».

Китайская пресса в те годы находилась в тяжелом положении. Относительно свободны от произвола военщины были шанхайские газеты, издававшиеся на территории международного селтльмента. На крупнейшие газеты Пекина и Тяньцзиня наложили свою лапу японцы и французские католики. И все же, не-

смотря на засилье иностранцев, существовало много китайских газет, которые проявляли острый интерес к нашим делам, публиковали и наши сообщения и всякие материалы о миссии. Каналом, через который мы снабжали китайскую прессу регулярной информацией, было все то же агентство ДальТА Ходорова. Периодически мы устраивали большие приемы для китайских журналистов. На одном из этих приемов я обнаружил японца, сотрудника японской миссии, который проник к нам под видом журналиста.

Наши связи в пекинском обществе: китайские...

Самой реальной опасностью для Китая был в те годы раздел — «гуа фынь», «разрезание арбуза», как определило его крылатое выражение. После первой мировой войны раздел страны ускорился. Китайцы не забыли преступления Вильсона, отдавшего Шаньдун Японии. Многие политические деятели стремились поэтому установить контакт с Дальневосточной Республикой, уважавшей суверенитет Китая и проводившей антиколониалистскую политику.

Весьма положительную роль в сближении Китайской Республики с ДВР сыграл вице-президент государственного банка Китая Чжан Цзя-ао, маленький очкастый человек, родом из Шанхая. Он делал все возможное, чтобы познакомить нас с выдающимися политическими и культурными деятелями своей страны.

Особенно памятны наши встречи с Лян Ци-чао. Мы знали важнейшие события его жизни — участие вместе с Кан Ю-взем в создании плана реформ, которые попытался провести император Цзай Тянь, трагический конец этого предприятия, дальнейшую карьеру Ляна как министра и главы так называемой прогрессивной партии. По мнению образованных китайцев (и, что для меня было особенно важно, моего старого Туна), Лян Ци-чао был одним из самых блестящих писателей и стилистов Китая. Он интере-

совался историей России и особенно деятельностью Петра Первого. Лян Ци-чао считал, что Петр — светоч, указавший императору Цзай Тяню путь, по которому следовало идти к европеизации Китая и проведению коренных реформ.

После Октябрьской революции Лян Ци-чао и его друзья, при всей их враждебности к марксизму, пытались, однако, понять, что помогло великому соседу Китая противостоять натиску объединенных держав.

Я помню вечера у Лян Ци-чао. После разговоров в гостиной, где Юрин рассказывал о мировой войне, революции, о Советской России и Дальневосточной Республике, мы переходили в сад. В одной из беседок нас ждал ужин, какой старокитайская традиция предписывает ученым, поэтам и философам. На столе стояла жаровня, на ней — высокий металлический сосуд. Лян Ци-чао палочками брал из одной плоской чаши лепестки хризантем, из другой — кусочки сырой курицы и бросал в кипящую в сосуде воду. Потом все это вынималось и раскладывалось в чашечки, стоявшие перед каждым гостем. В заключение мы пили горьковатый и терпкий зеленый чай, разливавшийся из чайника в маленькие чашечки без блюдца. Беседа продолжалась. Внимание приковывало лицо Лян Ци-чао — высокий лоб, громадные глаза, беспокойные, внимательные и ищущие, большой улыбающийся рот. Ему было около пятидесяти лет, и, как ни странно, он разительно напоминал известный портрет Лермонтова.

У нас бывала и пекинская профессура; по какой-то причине (скорее всего потому, что преподававший в университете Ивин не имел с ними личных связей) мы ни разу не встретились с главными деятелями Пекинского университета — Цай Юань-пэем и Цзян Мэн-лином. Зато несколько раз приходил Ху Ши.

Ху Ши стоял на крайнем правом фланге «культурной революции». Он сводил задачи этой революции главным образом к демократизации китайского литературного языка.

Знакомство с ним оставляло противоречивое впечатление. У него была довольно приятная внешность, он свободно излагал свои мысли, смотрел собеседни-

ку в глаза. Но никакой близости, никакой симпатии не возникало — и глаза, и лицо, и душу, казалось, закрывала какая-то непрозрачная пленка. Ху Ши был полной противоположностью Лян Ци-чао, который всем интересовался, хотел все узнать и готов был обсуждать чужие мнения. Лежали ли в основе этого шэньшиская спесивость Ху, его чванство своей двойной образованностью (китайской и европейской или, вернее, американской) или разновидность эгоцентризма — не берусь судить.

Любопытно, что уже тогда старый Тун считал, что Ху Ши — человек очень способный и образованный, больше всего хочет «сделаться сановником». Действительно, впоследствии Ху Ши стал крупным го-миньдановским дипломатом.

Весьма расположен к нам был профессор Тао Мэн-хэ, социолог по образованию, неизменно сдержанный и тактичный человек. Он поддерживал с миссией регулярные отношения, не афишируя, но и не скрывая их.

Однажды в нашу гостиную явился Цзян Кан-ху — толстый, жизнерадостный китаец в очках. Он представился, как «основатель китайской социалистической партии». Цзян Кан-ху пришел и раз, и другой, принес свои писания, представил нам свою жену, тоже китаянку, родившуюся в Америке. Из расспросов выяснилось, что так называемая социалистическая партия была лишь интеллигентской группкой и никаким влиянием в Китае не пользовалась. Цзян служил в Америке (он заведовал китайскими фондами библиотеки Конгресса) и приехал в Китай в отпуск на год.

Со временем на приемах и обедах в миссии появилась и светская китайская публика, которая еще полгода назад чуралась нас, как дьяволов. Частым гостем стал крупный чиновник, советник Вайцзяобу, Дяо Цзо-цян, или Филипп Тяо, как его именовали в газетах и как он сам себя называл. Это был тот самый Дяо, в доме которого жили Торгашевы. Он был совершенно англоязычен, стяжал в Кембридже лавры чемпиона тенниса, а в Китае одерживал на кортах новые победы. Его гостиная была заставлена

трофейными кубками. Как-то за столом я спросил его, видел ли он короля, когда был первым секретарем китайского посольства в Лондоне? Надо было слышать, как этот свободно и шутливо разговаривавший человек понизил голос до благоговейного шепота:

— Это очень трудно и редко удается. Да, я видел его — один раз, на приеме в саду.

В китайском теле у него была душа верноподданного англичанина. Разве мог он защищать национальные интересы Китая? Недаром его назначили впоследствии генеральным секретарем китайской делегации на Вашингтонской конференции.

Как-то на завтрак мы по чьей-то рекомендации пригласили китайского адмирала с женой. Он был занят, но жена пришла, и я был поражен изысканностью ее парижского туалета, грацией манер, крайней степенью косметической вылощенности. На этом же завтраке присутствовал и некий Хуан — молодой китаец, окончивший Колумбийский университет и занявший место личного секретаря «цай-шэня» («бога богатства») — самого крупного миллионера Китая, бывшего министра финансов Лян Ши-и. Вероятно от безделья, Хуан часто заезжал за мною, чтобы погулять вместе в Центральном парке. Я терпел его общество, рассчитывая при его содействии повидать Лян Ши-и. Наконец меня привели в резиденцию миллионера, и я увидел десяток его хорошеньких жен, быстро попрятавшихся при нашем появлении. Познакомился я и с самим Лян Ши-и. Он оказался плюгавеньким толстопузым человечком, как две капли воды похожим на нашего старого знакомого — Чжу из Урги.

Кстати, узнав, что Чжу в Пекине, я его навестил. Нам нужно было держать его в поле зрения в связи с событиями в Монголии. Из предосторожности он и в Пекине расквартировал свою часть далеко за городом. Чжу вкрадчиво выведывал цель моего визита, очевидно, ломая себе голову, не приехал ли я его купить?

С китайскими сотрудниками Ходорова — студентами Сюэ и Хуан Пином общался, как с ровесниками, один я. Много раз Сюэ и его друзья приглашали

меня в какой-нибудь китайский ресторан. Там, в задней комнате, за ужином, разгорались ожесточенные политические и философские споры. Студенты блестяще формулировали свои мысли, они не боялись ставить и анализировать самые сложные вопросы. В то время в рядах интеллигенции было сильно влияние идей толстовства. Мне не раз приходилось выступать против тезиса «не противься злу», что я и делал со всем увлечением и категоричностью молодости, подкрепляя свои слова примерами из истории русской революции.

Не таково было общество Хуан Пина. Однажды он позвал меня на пекинский каток, о существовании которого я до того и не подозревал. Принадлежал он, вероятно, щедро финансируемому из Америки Христианскому союзу молодых людей. С Хуаном пришли две хорошенькие студентки — его сестры, бойко щебетавшие по-английски. Картина меня изумила — огромный залитый светом сотен ламп ночной каток, блестящая толпа нарядных китайских юношей и девушек, веселье, изысканные европейские манеры и английская речь. Совсем другой мир открылся передо мной — это были уже не студенты, собиравшие вскладчину несколько юаней, чтобы угостить друга из России, это была толпа европеизированных китайцев-буржуа, веселящихся, наряжающихся и швыряющих деньги посреди того моря голода и нищеты, что звалось Пекином.

1921 год был важным годом в жизни китайских коммунистов — годом первого партийного съезда и образования КПК. Чтобы не возбуждать толков, будто мы приехали из коммунистической России с целью вести большевистскую пропаганду, мы не встречались ни с кем из китайских коммунистов. Единственным исключением был Ли Да-чжао, раз или два побывавший у нас, но всегда в сопровождении других лиц. Ли Да-чжао производил прекрасное впечатление как своей внешностью, так и своею образованностью (он был одним из ведущих профессоров Пекинского университета), соединенной с мягкостью манер и непоколебимой стойкостью убеждений. Могли ли мы предположить, что всего лишь

несколько лет спустя он будет арестован и казнен по приказу Чжан Цзо-линя?

Около этого времени состоялась поездка Ходорова на юг. Он был в Шанхае и, кажется, в Кантоне. В одном из этих городов он виделся с Сунь Ят-сенем и беседовал с ним о России, революции и ДВР. Вернувшись, Ходоров рассказал нам об этой встрече.

... и иностранные

Я уже говорил о некоторых наших связях с чинами посольств, с советниками китайского президента и с представителями прессы. Постепенно возникли связи и вне официального круга.

Чтобы знать, чем дышит посольский квартал, я не раз посещал одного из наших первых друзей в Пекине — мексиканского поверенного в делах, бывал у Путнам Уила или у норвежца — генерала Мунте. Мунте был стар, прожил много лет в Китае и занимал последовательно ряд должностей: генерал-лейтенанта китайской армии и личного адъютанта Юань Ши-кая, а затем иностранного советника столичной полиции и одновременно коменданта посольского квартала. Женой Мунте была английская романистка, писавшая под фамилией своего первого мужа, Грантхема. Не удивительно, что супруги Мунте попали в список тех, с кем я должен был поддерживать светские отношения; пекинскую полицию нельзя было сбрасывать со счетов: от нее могла исходить не одна провокация. Посольский квартал был важен для нас потому, что там находились здания бывшей царской миссии, которые рано или поздно должны были перейти в наши руки, там работало агентство Ходорова и могли найти убежище не только наши враги, но и, в других обстоятельствах, наши друзья.

У профессора Зукера бывало много американцев. Там мы познакомились с Роджером Грином, директором рокфеллеровских благотворительных учреждений в Китае. Грин одно время был генеральным консулом США в России и хорошо говорил по-русски.

У Зукера я познакомился и с экономистом Оверлаком, автором интересного исследования «Иностраный финансовый контроль в Китае». Однажды Оверлак при мне поспорил с каким-то американцем; оба решили, что проигравший должен впрячься в коляску рикши и возить выигравшего в течение часа по всему дипломатическому кварталу. В обществе этих американцев оживало представление о той Америке, полной эксцентричности, юмора и простоты, которую мы ассоциируем с духом рассказов Марка Твэна.

Вскоре состоялось и наше знакомство с американским философом Дьюи. Как я понял впоследствии, разные люди знали Дьюи по-разному. Для одних он был самым крупным американским философом своего времени, главой школы прагматистов. Для других он был видным педагогом, идеи которого оставили заметный след в практике буржуазной школы XX в. Уже в Москве, когда мне пришлось делать кое-какую работу в Государственном Ученом совете, я случайно упомянул, что встречал в Китае Джона Дьюи. Тогдашний виднейший педагог Станислав Теофилович Шацкий, имя которого ряд лет носила московская оперная студия, ухватился за меня и расспрашивал целый час, надеясь узнать что-нибудь новое о педагогических идеях Дьюи. Увы, я почти ничего не мог сообщить Шацкому, потому что знал Дьюи совсем с другой стороны. В то время Дьюи остро интересовался судьбами мира и писал из Китая статьи в один из либеральных еженедельников Америки — «Нью Рипаблик». На этой почве мы и познакомились. Его привел кто-то из американцев, и он регулярно встречался с нами в померах или в холле «Отеля де Пекин», где мы старались начинить его нужным материалом. В разговоре он был неярк, больше слушал, чем говорил; это был сухой старик с длинным морщинистым лицом, со свисающими усами и в очках; однако, несмотря на свои шестьдесят четыре года, он охотно сражался в теннис со мною и с другими игроками на площадках колледжа Циньхуа.

Философия прагматизма или инструментализма Дьюи была идейным освящением американского ка-

питализма и безграничного буржуазного предпринимательства. Дьюи дважды побывал в Китае и встретил горячих сторонников в лице Ху Ши и других реакционных мыслителей. Взгляды его на пути развития Китая с восторгом приветствовал не кто иной, как руководитель моргановской группы в международном банковском консорциуме для финансирования Китая Томас Ламонт.

Много шума наделал приезд в Пекин английского философа Бертрана Рассела. Когда в газете появилось сообщение об этом, пекинский высший свет, да и некоторые круги китайской интеллигенции всполошились. Его приезда, как события, ждали англичане; снобы, жаждавшие общения со знатью, мечтали, что они расскажут потом, как разговаривали или обедали с всемирно-известным ученым, представителем одной из самых знатных фамилий Англии. Но Рассел преподнес им весьма нежелательный сюрприз: он прибыл в Китай не с женой (с ней он уже разошелся, но еще не был разведен), а с молодой секретаршей Дорой Блэк, преподавателем Кембриджского университета. Все англичане, да и другие иностранцы стали в тупик. Им очень хотелось, и это нужно было для поднятия престижа Англии, принять, показать и чествовать Рассела. Но он никуда не выходил без Доры Блэк, и к тому же требовал, чтобы ее принимали как его жену. Компромисс был невозможен. У Рассела все это вызывало только смех. Он радовался, что судьба избавила его от общения с официальными и мещанскими кругами; такая изоляция сближала его с теми китайцами, для которых эти предрассудки не имели значения.

Очень скоро Рассела познакомили и с нами. За время его пребывания в Китае мы часто встречались и у нас и в его доме. В 1921 году ему было около пятидесяти, он был выше среднего роста, худощав, с острым лицом, напоминавшим профиль Рамзеса на египетских барельефах. Он был всегда готов к добродушной шутке и острому слову. Ни малейшего следа кичливости или стремления показать свое аристократическое происхождение, ни малейшего желания продемонстрировать свою ученость у него не бы-

ле и в помине. Здравовался он по-старомодному — очень высоко поднимая вашу и свою руку, говорил короткими точными фразами и неожиданно высоким голосом.

Часто бывала у нас Дора Блэк, вскоре официально вышедшая за него замуж и родившая ему двух детей. При близком знакомстве оказалось, что, несмотря на смелость, с которой Дора бросила вызов обществу, открыто сойдясь с Расселом, она была битком набита предрассудками. Однажды кто-то сказал, что в период, когда рабочий класс и крестьяне решают свою судьбу, старая интеллигенция должна отойти в сторону. Дора возмутилась и в качестве аргумента привела античную теорию, гласившую, что общество подобно человеческому телу: руки — это рабочие; голова — ученые и т. д. Я помню, как она растерялась, когда в ответ раздался единодушный смех. Кто-то ответил ей, что рабочие, конечно, руки, но у этих рук есть и голова. Дора очень гордилась Расселом, при этом его происхождением не меньше, чем его талантами. Когда я спросил, почему в газетах перед фамилией Рассела обычно стоит приставка «Nonpareil», она была потрясена моим невежеством. Неужели я не знаю, что приставка «Non» означает, что он принадлежит к одной из самых аристократических семей Англии и наследует титул лорда, когда умрет носящий этот титул старший брат? Неужели я не слышал о его деде — лорде Джоне Расселе, знаменитом премьер-министре Англии? Я не только узнал генеалогию Расселов, но и понял, сколько предрассудков Дора тащила по жизни, считая себя при этом «провозвестницей социализма».

Рассел только недавно вернулся из России. Он побывал там в 1920 году почти одновременно с Уэллсом, а затем написал книгу «Теория и практика большевизма», которые он, как и Уэллс, не понял. Более или менее примыкая к фабианцам, Рассел отнюдь не был сторонником революции и коммунизма, и в одной из коротких статей, опубликованных в «Пекин Лидер», расценивал коммунизм не как социально-политическое учение, а как веру наподобие ислама. Так как мы не были официальными представителями

социалистического государства, то ни в какие споры по этим вопросам не вступали. Надо признаться, что, помимо личного интереса, который он возбуждал в нас, мы считали эту чету украшением наших гостиных, привлекавшим других гостей и расширявшим круг наших связей. Но главное было не в этом. Во время первой мировой войны Рассел за свои антивоенные выступления был, несмотря на знатность и мировое имя, присужден к тюремному заключению. Его ненавидели все реакционные элементы. Это создавало общность, и мы ее поддерживали.

Рассел пришелся по душе умеренно-радикальным кругам китайской интеллигенции. Расплывчатые социалистические и антивоенные убеждения, заключение в английской тюрьме — все это влекло к нему таких людей: для них это было последнее дозволенное слово Европы, тогда как мы были первым недозволенным.

Курьезно, что двое крупных, одновременно живших в Пекине философов англо-американского мира — Рассел и Дьюи, — видимо, не встречались и не интересовались друг другом. У Расселов прагматизм Дьюи вызывал только насмешку.

Однажды Гардинг пригласил меня на обед. В его комфортабельном доме я нашел большое общество. Здесь были жена Гардинга — крупная, статная светловолосая женщина, сам Гардинг, Дональд, американский поэт Уитер Биннер, Рассел и несколько дам. Биннер сидел на ковре и что-то декламировал. Внезапно внимание всех сосредоточилось на мне. Кто-то задал вопрос о Сибири, потом о Дальневосточной Республике; я отвечал. Ни малейшего подвоха во всем этом не было. Но вот разговор перешел на Советскую Россию. Кто-то спросил: «А может быть вы когда-нибудь поссоритесь? Ведь вы же можете существовать бок о бок только в том случае, если вы, как и они, — коммунисты. Вы коммунист? И мистер Юрин — тоже?»

Вот это был вопрос — не в бровь, а в глаз. Я не мог сказать ни да, ни нет: кругом сидели политики, и, хотя вопрос, по-видимому, был продиктован чистым любопытством, мой ответ, несомненно, проком-

ментировали бы с пристрастием, и это могло причинить нам немалый вред. Я лихорадочно соображал, как лучше всего сказать по-английски что-нибудь неопределенное. Все это продолжалось доли секунды. Взгляд мой невольно остановился на жене Гардинга. Как хозяйка, она внимательно следила за разговором, и теперь ее брови были нахмурены. Ей не нравилось, что все напали на молодого гостя, сидевшего в углу. Это было «не комильфо». Миссис Гардинг так напоминала сейчас Элеонору Чарльзовну, с которой я в детстве занимался английским языком, что в памяти воскрес давний инцидент. Как-то я спросил свою учительницу, сколько ей лет? Она улыбнулась и сказала, что в Англии в таких случаях отвечают: «Никогда не задавайте вопросов личного характера». И это воспоминание меня спасло. Сидя в углу лицом ко всем замолкшим собеседникам, которым в самом деле было любопытно получить ответ на свой вопрос, я улыбнулся и ответил именно этой фразой: «You must not ask personal questions». Ее сочли за шедевр уклончивого ответа. Раздался хохот.

После обеда дамы вернулись в большую гостиную, мужчины же остались на полчаса за столом, передавая друг другу портвейн и сигары.

— Есть ли у вас такой обычай? — спросил меня Дональд.

— Не слышал, — ответил я.

— Между тем это очень резонно. После долгого сидения в гостиной и за столом дамам нужно привести себя и свои туалеты в порядок; для мужчин же в былое время в специальном шкафчике за ширмой ставилось несколько горшков.

Однажды, обедая у Рассела, я увидел за столом молодую женщину с умными глазами, некрасивым ртом и маленьким упрямым подбородком. Ее звали Эйлин Пауэр.

— Знаете ли вы, — обратилась ко мне Дора, — что имеете удовольствие обедать с тремя профессорами? Все мы — преподаватели Кембриджского университета.

Вскоре выяснилось, что Расселы уезжают на родину (Дора ждала ребенка). Я приехал на вокзал

проводить их. Прощаясь, я вынул из кармана крошечные эмалевые значки, изображавшие флаг ДВР, и прикрепил их к костюмам Рассела и Доры. Дора схватила меня за руку и расплакалась. С ними уезжала и Эйлин Пауэр. Когда я протянул ей наш значок, она отрицательно покачала головой и отвела мою руку. Позже я узнал, что Эйлин Пауэр, известный историк средневековья, была дочерью крупного биржевого маклера. Так вот почему она не захотела принять подарок!

Вернувшись в Англию, Рассел выпустил в следующем году книгу «Проблема Китая»*. Анализируя отношения между Японией и революционной Россией, он написал: «Должен признаться, что я предубежден в пользу Дальневосточной Республики. Причиной этого является моя дружба с находившейся одновременно со мной в Пекине ее дипломатической миссией. Я никогда не встречал более благородной группы людей. И хотя они были коммунистами, они сделали мне много добра»**.

Дьюи я больше никогда не видел, Рассела же встречал и позже. То впечатление, которое сложилось при нашем знакомстве, впоследствии ни в чем существенном не изменилось. Рассел никогда не старался блеснуть ученостью, но знал много. Возможно, он не был достаточно серьезно подготовлен для глубокого анализа проблемы Китая. Прожив в этой стране целый год, он, например, ухитрился не услышать хоть краем уха об аграрной проблеме. Однако крупные научные заслуги в других областях знания, литературное дарование и широкий гуманизм Рассела отрицать невозможно. И лично, и в научных, и общественных взглядах он неподкупен, проза его кристально чиста, иногда блестяща. В 1950 г. ему была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Философ, общественный деятель, талантливый публицист, Рассел в течение многих лет привлекает внимание и симпатии широких кругов во всем мире,

* «The Problem of China», London, 1922.

** Ibid., p. 157.

в том числе и в нашей стране, своими антифашистскими убеждениями, своей борьбой за мир, против ядерного оружия, за всеобщее и полное разоружение.

Наши официальные отношения развиваются

К лету 1921 г. уже можно было констатировать известные успехи в отношениях с Вайцзяобу. Нельзя, конечно, приписывать эти успехи одной дипломатической работе миссии. Истинной причиной, подоплекой и основой их была победа русской революции как в масштабе всей страны, так и в особенности на дальневосточном театре. Семенов был разбит, у японцев уже не было сколько-нибудь крупных ставленников, на которых стоило бы тратить сотни миллионов иен, отдельные территории ДВР воссоединились, правительство переехало из Верхнеудинска в Читу, ставшую общим центром республики, продолжало действовать учредительное собрание, была принята конституция ДВР, организована власть в новых районах. Мы перестали быть единственным каналом и органом для сообщения с внешним миром. Поскольку ДВР вышла на маньчжурскую границу с Китаем, Министерство иностранных дел республики назначило своего генерального консула в Харбине. Им оказался наш сотрудник Озарнин, о котором я уже писал.

Озарнин развернул обширную работу на территории Маньчжурии, главным образом по приему бывших подданных Российской империи в гражданство ДВР и по выявлению тех эмигрантов, которые сочувствовали новому строю и желали вернуться в Россию. Нам передавали, что паспортное бюро генерального консула в Харбине осаждали толпы людей.

Другой задачей ДВР была борьба за изъятие КВЖД из рук незаконно заправлявшей ею белой эмиграции.

Белые постепенно теряли свое прежнее значение в глазах китайской реакции, политически и морально разлагались. Многие уезжали из Китая. Одним из

первых уехал во Францию бывший царский посланник князь Кудашев.

Если раньше нам приходилось искать встреч, то теперь многие влиятельные китайцы сами старались встретиться с нами. Крупные сановники ходили к нам на приемы. Мы продолжали наши дружественные встречи с вице-президентом государственного банка Чжан Цзя-ао и с Лян Ци-чао. Появились новые лица. Не следует думать, что у них были какие-либо совершенно конкретные предложения или дела. Это была скорее разведка, поиски контактов. Мы становились силой, будущее было за нами. Вот они и стремились опередить других в установлении связей с нами. Однажды пожаловал вице-президент КВЖД Ван Цзин-чунь, более известный под именем С. С. Ванга. Он получил инженерное образование в Англии, однако к нам пришел в китайском платье. Был он высокий, моложавый и быстрый в движениях. Исполненный сдержанного достоинства, он произвел очень выгодное впечатление. Часто бывал у нас и другой деятель КВЖД — китайский инженер Чэнь Хан, окончивший, если не ошибаюсь, путейский институт в России и отлично говоривший по-русски.

О свидании попросил и Ван Чжэн-тин — одна из крупнейших фигур на тогдашнем политическом горизонте Китая — бывший председатель сената и член китайской делегации на мирной конференции в Париже. Он был одет по-европейски, образован по-американски и до циничности деловит. Наконец, в миссию явился один из старейших дипломатов Китая, бывший посол в Лондоне Ван Да-се. Его с почетом ввели под руки двое. Этот визит был почти равносильен признанию.

Мне доставляло особенное удовольствие, когда появлялись представители старокитайского мира, исчезающей эпохи. В этих случаях я всегда встречал их в китайском платье, которое, впрочем, неизменно носил и на прогулках и на всех менее официальных приемах.

Однажды из Тяньцзиня пришла весть, что бывший президент Китая Ли Юань-хун, никуда не выезжавший из дому, был бы рад, если бы Юрин его по-

сстил. На обед к Ли Юань-хуэу Юрип приехал с Ходоровым. По своим личным качествам Ли был мало привлекателен. Когда в Ухане вспыхнула революция 1911 г., он, будучи подполковником местного гарнизона, залез под кровать и спрятался там, пока революционеры не вытащили его и под дулом револьвера не заставили возглавить переворот. Но это была заметная политическая фигура, и встреча Юрина с ним получила соответствующий резонанс.

Вместе с нашим авторитетом рос и наш дипломатический опыт. Долгие месяцы приглядывания, изучения, выискивания образцов, проверки и отбора своих методов не прошли даром. Наша миссия постепенно превращалась в профессиональную. Появились новые молодые сотрудники: Вагнер, Кукс и другие, готовившиеся к выполнению дипломатических обязанностей. Появился прекрасный переводчик — китаец Ся, окончивший среднюю школу во Владивостоке и одинаково хорошо владевший русским и китайским языками. Как переводчик он был очень полезен, но по духу остался совершенно чужим. Громов часто и подолгу отлучался в Читу, и, чтобы я мог вместо него принимать более высоких лиц, на китайских визитных карточках меня стали именовать «мишучжаном» — первым секретарем.

Вайцзяобу и многие дипломаты стали называть главу миссии «ваше превосходительство».

В связи с успешным развитием отношений Вайцзяобу устроило нам официальный обед в помещении министерства. Банкетный зал располагался на втором этаже и замыкал собой анфиладу салонов. Обед подавали на сервизе из драгоценного цзиньдэжэньского фарфора эпохи императора Хун Ли (XVIII в.).

Однажды пришло приглашение и на устроенный Вайцзяобу прием в здании Морского клуба. Клуб помещался в бывшем дворце маньчжурского принца Натуна, поражавшем своими гигантскими размерами и великолепием.

Наконец наступил день, когда нас принял премьер-министр (он же военный министр) Китая генерал Цзинь Юнь-пэн.

Мы не особенно добивались этого свидания.

Цзинь Юнь-пэн продавался то одной, то другой военной клике и не пользовался никакой популярностью в народе. Как военный министр он контролировал пекинский гарнизон и полицию в интересах той военной группы, с которой в данный момент блокировался. Для нас был важен только сам факт свидания с премьером, говорить с ним, по существу, было не о чем. Цзинь Юнь-пэн принял нас в своей штаб-квартире. Это было не Вайцзяобу — никаких завитушек в стиле Людовика XV. Служебный кабинет премьер-министра был бы под стать любому полицейскому приставу царской России. Во время разговора премьер-министр, грубый, вульгарный, явно полуграмотный выскочка, оглушительно отхаркивал в стоявшую рядом плевательницу. Под стать ему был переводчик Фан, высокий старый китаец с жабым лицом и громадными сгнившими желтыми зубами. Он научился русскому языку, вероятно, еще в 80-х годах во время переговоров в Или или Чугучаке. Беседа продолжалась положенные сорок минут, затем Цзинь Юнь-пэн встал и, имитируя китайскую вежливость, столь привлекательную, когда она настоящая, проводил нас до ворот. Я подозревал, что он затеял это свидание либо для поднятия собственного престижа в глазах общества, либо по поручению очередного кондотьера, которому собирался продаться.

Тем временем продвигались и переговоры о торговом соглашении. Темп был форсирован известием о том, что Л. Б. Красин и Ллойд-Джордж весной подписали в Лондоне экономическое соглашение. Торгашев и его аппарат аккуратно встречались с экономическими экспертами Вайцзяобу, составляли текст соглашения, обсуждали и видоизменяли отдельные статьи. В один прекрасный день летом 1921 г. Торгашев заявил, что предварительные труды закончены, статьи согласованы и китайцы на днях официально пришлют полный проект договора. Работа эта не была сложна, но потребовала больших экономических знаний и хорошей юридической подготовки.

Какого-либо официального вручения окончательно согласованного проекта договора не произошло.

Его прислали из Вайцзяобу в запечатанном пакете с сопроводительным отношением. Мы вскрыли пакет и переглянулись. Это было нечто реальное. Прошел только год с того дня, когда мы остановились на границе Китая, не зная даже, получим ли разрешение на въезд, — и вот мы стояли на пороге заключения международного экономического договора.

К концу лета 1921 г. значительно развились и наши отношения с иностранцами, в частности с американцами. Уже много раз мы слышали от Драйздела об американском посланнике Крейне. Как-то за столом я спросил Путнам Уила, что он знает о Крейне? Желая вызвать публициста на откровенный разговор, я добавил, что Крейн как будто «безвредный старичок». Путнам Уил посмотрел на меня с укоризной. С лица его сбежала улыбка, оно стало почти вдохновенным, как всегда, когда он говорил о больших деньгах. «Не шутите с Крейном, — выдохнул он, — у него сорок миллионов долларов. Он самый крупный водопроводчик в Соединенных Штатах».

Действительно, Крейн был главой крупной чикагской фирмы, снабжавшей всю Америку канализационным и водопроводным оборудованием и вдобавок экспортировавшей свою продукцию. Он был участником миссии США в России в 1917 году, а в Китае считался «человеком Вильсона».

Однажды от него пришло приглашение, и мы направились в американскую миссию. Чарльз Крейн оказался очень аккуратным и подобранным стариком небольшого роста, с маленькой седой бородкой. Когда мы уселись, он попросил меня объяснить Юрину (называя его «друг», как обычно делают квакеры), что в Соединенных Штатах произошла смена лиц у власти, в связи с чем происходит и смена представителей за границей. Он поэтому вскоре покидает свой пост и уезжает.

— Не мог бы наш друг, мистер Юрин, оказать содействие в проезде на родину через Россию?

Юрин заверил, что сделает все, от него зависящее, и запросит об этом свое правительство.

— Куда же мистер Крейн собирается ехать, —

спросил Юрин, — что он хочет посмотреть, Москву, Петроград? Это очень интересные города. Если мистер Крейн получит разрешение, он увидит много красивого и нового.

— Красивого — да, — спокойно согласился Крейн, — нового — вряд ли. Видите ли, я восемнадцать раз был в России.

Мы раскрыли от удивления глаза.

— Должен вам сказать, — объяснил Крейн, — что я большой любитель церковного пения и ездил в Россию, чтобы его послушать. Кроме того, у меня был завод в Нижнем Новгороде.

— Оттуда вы поедете в Германию или Англию, чтобы сесть на пароход? — снова спросил Юрин.

— Нет, — так же неторопливо возразил Крейн, — у меня несколько другой план. Я хотел бы заглянуть в новую Чехословацкую Республику.

Мы снова озадаченно посмотрели на него.

— А это уже по семейному делу, — добавил он, — моя дочь Наталия замужем за сыном чехословацкого президента Масарика.

Распрощались мы дружески. У нас создалось впечатление, что Крейн может представлять интерес и для Москвы. В этом смысле мы телеграфировали в Читу.

Через некоторое время пришло разрешение; Крейну был обеспечен со станции Маньчжурия отдельный вагон для проезда по Сибири. Он приехал к нам поблагодарить и распрощаться.

Крейн возвращался в США не один, а в сопровождении нескольких официальных лиц; самым значительным из них был советник американской миссии профессор Стэнли Хорнбек. Как раз в это время Юрин отсутствовал — его вызвали в Читу; вместо него остался А. Ф. Агарев. Гости сидели у нас в гостиной, время для тиффина было слишком раннее, поэтому я велел принести сэндвичи и шато икем.

И вот такой пустяк, как хорошее французское вино, растрогал Крейна, быть может, так же сильно, как любимое им церковное пение. Когда он уехал, я отправился в тот магазин, где накануне покупал шато икем, написал записку и отправил ее с ящиком

вина американскому посланнику. В ответ пришло восторженное благодарственное письмо от его личного секретаря Дональда Броди, а когда два часа спустя я с толпой провожающих стоял у вагона уезжавших американцев, Крейн первым попрощался со мной, долго жал руку и благодарил к великому возмущению и унижению стоявшего рядом английского посланника сэра Билби Олстона.

Пустяки? Без сомнения. Но ведь и голова краснолицего, прыщавого Олстона, похожего на гнилую грушу под белым тропическим шлемом, вероятно, тоже была набита пустяками и предрассудками. С его точки зрения, то, что американский посланник (и вдобавок миллионер) обошел его — английского посланника, чтобы попрощаться с представителем какой-то «самозванной» русской сибирской республики, свидетельствовало о факте существования ДВР и ее значении лучше и убедительнее, чем вороха бумаг, которые я возил в английскую миссию и которые, по всей вероятности, там оставляли непрочитанными. В конце концов политика делается людьми, и в дипломатии, как и в военном деле, нет пустяков; ими часто, как и в науке, называют важные, но непонятные другим явления — внешнее выражение иногда важнейших по содержанию отношений*.

Крейна заменил новый посланник — Шерман, назначенец Гардинга и победившей на выборах республиканской партии. От встречи с ним я ждал многого, ведь он был президентом Корнельского университета. Но он произвел отвратительное впечатление. В противоположность Крейну, с его тихим голосом и спокойными манерами, профессор Шерман, с его крикливостью, цинизмом, угодливостью, сразу же разоблачил себя как продажную шкуру на службе еще больших толстосумов, чем он сам. Он казался вариантом мажновского «политика» в американском нефтяном обозе.

Но дело, как это часто бывает, делается и при наличии односторонней или взаимной антипатии. Крейн,

* Крейн уехал, должно быть, в конце июня, так как 2 июля уже проехал Читу.

не вызывавший у нас чувства личной неприязни (хотя мы, конечно, не знали, как он нажил свои миллионы), исчез с шахматной доски китайской политики и дипломатии, а при весьма отталкивающем Шермане у нас наметились большие дела с американцами.

Фоном и предпосылкой был новый зигзаг японской политики на Дальнем Востоке. В мае 1921 г. японцы произвели переворот во Владивостоке, и в городе установилась диктатура белогвардейцев. Теперь, спустя 40 лет, мы знаем, что это были последние судороги интервенции и белогвардейщины на территории революционной России. Но тогда мы не знали, когда кончится эта новая попытка Японии укрепиться в Сибири. В. И. Ленин, зорко следивший за ходом событий на Дальнем Востоке, говорил в своей речи 16 июня 1921 г. о начинающейся интервенции японцев в Дальневосточной Республике*. Пришло известие, что части разбитой врангелевской армии переправляются морем из Крыма во Владивосток. Владивосток мог снова стать опасным очагом белогвардейско-японской интервенции.

Произведя переворот, империалистические и шовинистические элементы в Японии возобновили требования аннексии или постоянной оккупации устья Амура, Камчатки и Северного Сахалина. Борьба даже со значительными силами японцев в Уссурийском крае и сбросить их в океан было посильной задачей, но борьба на таком отдаленном театре, как крайний северо-восток Азии — на Сахалине или Камчатке при громадном превосходстве Японии в океанском транспорте, была бы в тогдашних условиях крайне трудна. Соединенные Штаты боялись, что Япония укрепится где бы то ни было в Сибири; нам оставалось только использовать это обстоятельство.

Вот тогда-то на нашем горизонте и появился Юджин Темплтон — образованный молодой американец, не дурак выпить и с самыми лучшими рекомендациями из миссии Соединенных Штатов. Он привозил к нам и других гостей, иногда очень сановных, вклю-

* В. И. Ленин, *Речь на III Всероссийском продовольственном совещании*, — Сочинения, т. 32, изд. 4, стр. 419.

чая путешествующих сенаторов. Темплтон был каким-то образом связан с нефтяными интересами. При его участии и в результате деятельности других лиц у нас начались переговоры о сдаче концессии на разведку и эксплуатацию нефти. Речь шла как раз о тех районах, которые хотели прибрать к рукам японцы. Наличие такой американской концессии могло бы остановить японцев в осуществлении захватнических планов, а если не остановило бы — им могли бы воспрепятствовать американцы, ссылаясь на свои экономические интересы *. Мы правильно учли, что Япония ссориться с Соединенными Штатами в то время не могла — слишком велико было превосходство сил последних (что вскоре и подтвердилось решениями Вашингтонской конференции).

Конечно, все переговоры шли с ведома Читы. За столом у нас сиживало уже по несколько американских дельцов. Бесперывно сносясь с Нью-Йорком, они форсировали заключение договора. Особенно хорошо я помню один момент. С нами за столом сидело четверо пожилых американских дельцов — все, как на подбор, в очках и с толстыми красными затылками. Юрин спросил: «Ну, хорошо, мы подпишем договор, но подтвердит ли его американское правительство?» Глава дельцов уставил свои очки на остальных, и по их лицам пробежала насмешливая улыбка. «Вашингтон сделает то, что из Нью-Йорка ему скажут по телефону», — ответил он. В этом не было ни хвастовства, ни преувеличения. Предварительное соглашение между нами и «Синклер Ойл Корпорейшн» о нефтяных концессиях на Северном Сахалине было наконец подписано или, вернее, парафировано.

Имела ли та или другая сторона в виду что-либо

* В речи 21 декабря 1920 г. В. И. Ленин сказал: «Мы даем сейчас Америке Камчатку, которая по существу все равно не наша, ибо там находятся японские войска. Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии... И, давая это, мы привлекаем американский империализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную Республику» (В. И. Ленин, *Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря*, — Сочинения, т. 31, изд. 4, стр. 437).

совершенно реальное? Мы рассчитывали на временный политический эффект, а об экономическом содержании договора вряд ли даже серьезно задумывались. Не берусь судить, что думали при этом американцы. Не исключено, что их подстегивало давление заинтересованных кругов государственного департамента, а может быть, конъюнктурные биржевые или спекулятивные соображения. Возможно также, что сама компания, как и мы, не заглядывала особенно далеко вперед. Пока же было достигнуто важное для нас международное соглашение.

Поскольку с Читой существовало прямое сообщение через Маньчжурию, восстановленное в марте 1921 года, американцы направляли туда официальных и полуофициальных лиц, чтобы поглядеть на ДВР и получить информацию на месте. Эти поездки шли помимо нас. Один из таких официальных представителей побывал в Чите, познакомился с государственным устройством, экономикой и людьми и перед отъездом, суммируя свои впечатления, сказал Краснощекову:

— Знаете, все здесь мне очень понравилось, но можете ли вы гарантировать, что у вас не будет советской власти?

Краснощеков молниеносно парировал: — А можете ли вы гарантировать, что не будет советской власти в США?

Мой учитель и консультант профессор Нортон отправился в ДВР из Пекина при нашем содействии. Мы достали ему разрешение, и он выехал туда со своей маленькой худенькой женой. Не было сомнения, что его направила в ДВР американская миссия

У Чжан Цзо-линя

Если в первые месяцы после нашего приезда у нас было сколько угодно свободного времени и очень мало контактов, то к концу нашего пребывания в Пекине события сгрудились, теснили друг друга и, более того, требовали дальних поездок.

Я уже писал о том, что Юрина вызвали в Читу

для совещаний с правительством. Через несколько недель он вернулся в Пекин в звании министра иностранных дел и чрезвычайного уполномоченного ДВР *. Вскоре выяснилось, что в связи с маньчжурскими делами необходимо покончить с господством белогвардейцев, управлявших КВЖД, и взять под защиту интересы тысяч граждан ДВР в Харбине и других пунктах.

Юрин считал, что обо всем этом бесполезно говорить в Пекине, поскольку власть правительства не распространяется дальше его стен, и необходимо поэтому начать переговоры с фактическим хозяином Маньчжурии — Чжан Цзо-линем.

Кроме того, вскоре должна была открыться конференция в Даляне (Дайрене) по весьма широкому кругу вопросов, объем которых предстояло определить самой конференции.

Об этой конференции между ДВР и Японией, о месте встречи (Далянь) и дате ее начала мы узнали, по-видимому, из самой Читы, которая имела свои контакты с руководящими японскими военными и консульскими чинами. Я говорю «из Читы», потому что у нашей миссии ни контакта, ни тем более переговоров с японцами по этому вопросу не было.

Шэньян (Мукден) — тогдашняя резиденция Чжан Цзо-линя — лежит по дороге на Далянь, и Юрин решил объединить эти поездки.

С Чжан Цзо-линем Юрин хотел встретиться потому, что правитель Маньчжурии был частичным и мог стать полным хозяином и Пекина и правительства. Такая была логика политической грызни в лагере продажных генералов в то время. Чжан Цзо-линю дозарезу нужен был контроль над Пекином,

* В «Правде» от 14 августа 1921 г. была опубликована следующая телеграмма: «Представитель ДВР в Китае. Ново-Николаевск 7 августа. Представитель ДВР Юрин прибыл в Пекин и был приветствован правительством, дипломатическими сановниками и журналистами. В беседе с сотрудниками газет он указал, что целью его прибытия в Китай является обсуждение с китайским правительством торгового договора и монгольского вопроса, а также ознакомление с положением в Китае. Китайские газеты посвящают прибытию Юрина статьи, подробно обсуждая цель его приезда».

ибо он протягивал лапу даже к президентскому креслу. Без этого его контроль над Маньчжурией, как бы он ни угождал Японии, ничего не стоил. Те же японцы могли заключить через его голову общее соглашение с пекинским правительством и ущемить любые его интересы. Контроль над Пекином означал бы не только контроль над финансами Китая, но и возможность получать международные займы. Юрин, к сожалению, не понимал, что его самовольные переговоры с Чжан Цзо-линем повредили делу миссии: они вызвали недовольство пекинского правительства, обострили отношения и задержали успешное развитие переговоров.

В один прекрасный день мы вчетвером выехали в Шэньян. На вокзале в Шэньяне мы встретили Абрамсона, того самого, которого вызволили прошлой осенью на монгольской границе в Кяхте вместе с Виленским-Сибиряковым (Гусевым). Он прекрасно владел китайским языком и ехал в Пекин, чтобы подменить меня.

В Шэньяне, после короткой остановки в японском «Ямато-отеле» (при вокзале), мы заняли специально снятый для нас дом в городе. Нас уже дожидался молодой, атлетически сложенный человек, Гарри Кларк, приехавший дипломатическим курьером из Читы и оставшийся работать в нашей миссии. Несмотря на свое экзотическое имя, он был чистейшим русаком, но выросшим в Австралии, куда отец его — старый большевик — эмигрировал задолго до революции.

Ждать пришлось недолго. Через несколько дней нам сообщили, что Чжан Цзо-линь готов принять членов миссии.

Две цепочки солдат у ворот взяли на караул, мы вышли из машины и вошли во внутренний двор генеральской резиденции. Молодые женщины из гарема Чжан Цзо-линя, не успевшие (или не торопившиеся) спрятаться, с любопытством разглядывали нас сквозь резные перегородки и полуоткрытые двери.

Наконец, мы вошли в дворцового типа павильон, где нас ожидал Чжан Цзо-линь. Судя по его прошло-

му, мы приготовились увидеть здорового бандита с громадными ручищами и пастью. На поверку он оказался щупленьким человечком с маленькой бритой головой, злыми и недоверчивыми глазками и с так называемой заячьей губой. Переводчиком был его приближенный — полковник Янь Чжо, блестяще знавший русский язык. Говорили, что Янь Чжо служил когда-то боем у русских в Харбине, а позже стал преподавателем китайского языка. Как бы то ни было, он с толком участвовал в разговоре и немало способствовал тому, что беседа протекала живо. Чжан Цзо-линь тихим голосом давал осторожные ответы, но по всему было видно, что мы представляем для него значительный интерес.

Уезжали мы с тяжелым чувством. Стало ясно, что договориться с Чжан Цзо-линем по интересовавшим ДВР вопросам было нелегко. Маленькие злые глаза на темном лице и упрямая полусогнутая шея долго еще вспоминались нам. Мне он напомнил того маленького, тупого козла, маркиза, которого я видел у миссис Моррисон, с той однако разницей, что маньчжурский маркиз был безвредной карикатурой, этот же генерал — достаточно страшной реальностью.

Начальник караула гаркнул, солдаты взяли на караул, мы распрощались и уехали.

Очень тяжелое впечатление произвела и другая шэньянская встреча. Однажды вечером я сидел с Гурьяновым на террасе «Ямато-отеля». К столику подошел пожилой, вульгарного вида японец в европейском платье, сунул нам руку, сел и завел разговор о Шэньяне и наших впечатлениях. Держался он грубо и развязно, показался нам к тому же пьяным, и, чтобы поскорее от него отвязаться, мы встали. Он обиделся и назвал себя. Я не расслышал его имени и на всякий случай переспросил. Тогда он вынул из кармана визитную карточку. Это был Акацука, японский генеральный консул в Шэньяне. Он бил себя в грудь, возбужденно кричал, что он императорский генеральный консул и «самурай, самурай». С трудом мы от него избавились.

Из Шэньяна мы уехали через несколько дней. Юрин с Павлом готовили дипломатическую почту,

снаряжали Гарри Кларка в Пекин. Мне представился случай осмотреть гробницы маньчжурских императоров.

Последние часы нашего пребывания в Шэньяне омрачило известие, что на пекинском вокзале Кларк был задержан китайскими жандармами, которые обыскали его и отобрали два чемодана с почтой.

— Ну, ничего, — заключил Юрин, — они не посмеют ее вскрыть.

Мы гадали, что же за этим крылось? Может быть, это продиктовано чжанцзолиневцами? Может быть, кто-нибудь рассчитался с Кларком по личным мотивам? Или же за этим стоял донос белогвардейцев или японцев, принятый к сведению пекинской полицией и использованный реакционными кругами с целью спровоцировать разрыв?

Мы написали протест против нарушения международных обычаев и направили его в Пекин, а сами, по решению Юрина, уехали в Далянь*.

Начало конференции в Даляне

В Даляне мы остановились в местном «Ямато-отеле», одном из цепочки отелей европейского стиля, которые принадлежали Южно-Маньчжурской железной дороге и были разбросаны вдоль ее линии. Отель выходил на площадь, которая вместе с прилегавшими улицами была хорошо видна с балкона. В день приезда или в один из последующих дней отмечался какой-то национальный праздник. С наступлением темноты весь город был иллюминирован и население устраивало шествия. Многие бродили по улицам и площадям с бумажными фонариками на палках.

* Поездка на конференцию в японскую зону Маньчжурии требовала соблюдения всех международных правил. Юрин велел своему секретарю и шифровальщику отстучать на машинке заграничные дипломатические паспорта для каждого из нас, подписал их и перед поездкой 22 августа дал завизировать в японском генеральном консульстве в Шэньяне. Мой паспорт чудесным образом сохранился и позволяет точно установить дату нашего выезда в Далянь.

В городе было много японских лавок, парикмахерских, театров и ресторанов. К нам пришли японские чиновники, стремившиеся во что бы то ни стало затасить нас в театры и рестораны. Мы смотрели японские представления, отсиживали свое время на банкетах, японцы напивались, распоясывались, а мы наскоро протерлись и уходили.

Еще до открытия конференции нас осаждали репортеры японских газет. Они стояли густой толпой в коридорах, врываются в комнаты, неотступно ходили по пятам. Среди них появился и немало надоедавший нам длиннющий поджарый человек с маленькой головой стервятника. Это был русский офицер-эмигрант по фамилии Серый-Сырык. Я смутно помнил его по Восточному институту во Владивостоке, где он учился на японском отделении и имел какое-то отношение к Христианскому союзу молодых людей.

В эти же дни Юрин дал интервью японскому журналисту Фусе, побывавшему в РСФСР*.

Бежавшие к нам посредники сообщили о прибытии японской делегации и передали приглашение встретиться с ней на следующий день**. Встреча со-

* К. Фусе, корреспондент газет «Осака-Майници» и «Токио Ниши-Гиши», по его словам, был в Советской России с 1917 по 1920 г. 4 июня 1920 г. В. И. Ленин дал интервью Фусе, в котором сказал: «Советское правительство признало независимость буферного государства, и это, я надеюсь, в ближайшее время поможет восстановлению мира на Дальнем Востоке» («Ленин и Восток», изд. 2, доп., М., 1925, стр. 62; K. Fuse, *Soviet policy in the Orient East*, Peking, 1927).

** В ряде книг, посвященных этому вопросу, указывается, что Даляньская конференция открылась 26 августа 1921 г. и что делегацию ДВР возглавлял Ф. Н. Петров. (См. Е. М. Жуков, *Дальний Восток после первой мировой войны. Вашингтонская конференция 1921—1922*, М., 1951, стр. 9; Л. М. Папин, *Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики*, М., 1957, стр. 219; Н. В. Мостовец, *Дайренская конференция*, — «Ученые записки Академии общественных наук», 1948, вып. 2, стр. 291.) Это ошибочное мнение. Первое заседание 26 августа 1921 г., так же как и следующее, были проведены И. Л. Юриным до приезда Ф. Н. Петрова. Ф. Н. Петров и другие члены делегации прибыли в Дайрен только 3 сентября. (См. «Годовой отчет Народного комиссариата иностранных дел к IX съезду Советов 1920—1921», М., 1921, стр. 148, а также «Раpers», vol. II, p. 7, 13).

стоялась в угловой комнате отеля; в глубине комнаты между окнами был приготовлен круглый стол. Мы вошли и церемонно поздоровались.

Главой японской делегации являлся Мацусима — сухощавый, небольшого роста, очень спокойный и воспитанный человек. Японцы послали на конференцию далеко не мелкую сошку. Мацусима был довольно крупным чиновником министерства иностранных дел, в ранге примерно посланника. У нас отлегло от сердца: это был полноценный дипломат.

После короткого знакомства японцы предложили встретиться на следующий день для открытия переговоров.

Неожиданно Юрин замялся и сказал, что это было бы, пожалуй, рано, что после столь важной встречи он считал бы необходимым продумать ее значение. Японцы с удивлением выслушали своего переводчика и с некоторой неохотой согласились отложить встречу еще на пару дней.

Я не понимал, зачем Юрину нужна была эта оттяжка, но расспрашивать его не стал.

Через несколько дней мы встретились с японцами в другой, большей комнате. В углу у стены был приготовлен уже не круглый, а довольно большой квадратный стол, за которым мы все и уселись. Я вспоминаю эти детали, так как они характеризуют атмосферу конференции в тот момент. Не было длинного стола в центре комнаты — она не напоминала зала заседаний. Японцы все еще не хотели превращать конференцию в широкую, открытую межгосударственную встречу.

После того как мы разместились — нас было вместе с японцами человек восемь и по случаю торжественного открытия заседаний все были в визитках, — Юрин встал и сказал, что он должен сделать важное заявление и поэтому хочет, чтобы я переводил его на английский язык. Секретари наострили карандаши, Мацусима приготовился слушать. Заявление Юрина вместе с моим переводом и пересказом японцев друг другу растянулось на три с половиной часа; Юрин успел за это время рассказать и о гражданской войне, и об интервенции, и об образовании ДВР, и о

разгроме семеновщины, и об объединении ДВР, и о многом другом.

Когда длиннейшая декларация была закончена, Юрин посмотрел на часы и заявил, что господину Мацусиме и другим членам японской делегации, вероятно, нужно время, чтобы изучить его заявление, кроме того, уже поздно, и поэтому лучше всего закончить заседание, назначив время следующей встречи.

Японцы были, по-видимому, ошеломлены и декларацией, и тем, что Юрин так решительно взял инициативу в свои руки. Но заседание действительно затянулось; и японцы согласились, хотя и довольно вяло, на то, чтобы следующая встреча была отложена еще на несколько дней.

— Вы понимаете в чем дело? — со смехом спросил Юрин, как только мы вернулись в его номер и тщательно заперли за собой дверь. — У меня все еще нет инструкций из Читы. Что же мне делать, как не говорить и говорить? Я телеграфировал из Шэньяня, что жду, а их все нет. Вот я и тяну.

Сколько нам пришлось бы тянуть — не знаю, но вечером ко мне в номер пришел шифровальщик и сказал, что приехали трое наших из ДВР, остановились в этом же отеле и сейчас разговаривают с Юриным. В тот вечер я их не видел, но утром следующего дня мы взяли два экипажа и выехали с новыми гостями в близлежащий курорт Хосигауру. Сделали мы это потому, что по дороге можно было где угодно остановиться и разговаривать гуляя, не боясь быть подслушанными. Нашими гостями оказались Федор Николаевич Петров, И. С. Кожевников — заместитель министра иностранных дел ДВР и Василий Константинович Блюхер.

Юрин, гости и я разместились в первом экипаже, Павел и шифровальщик вместе с чемоданами, которые мы не хотели оставлять в отеле, — во втором. Остановившись в пути, а затем в Хосигауре, мы передали им все, что знали, и услышали их планы.

Они приехали сменить нас, привезли полномочия и инструкции. Дальнейшие заседания с японцами проведут они, а нам следует возвратиться в Пекин, что мы через несколько дней и сделали.

Теперь я должен вернуться несколько назад.

В один из периодов относительного затишья перед поездкой в Шэньян и Далянь я получил разрешение съездить на пару недель в Харбин, чтобы повидаться с родными и выполнить некоторые поручения.

До Шэньяна поезд шел по территории, находившейся под китайской юрисдикцией. От Шэньяна же до Чаньчуня поезд следовал по японской Южно-Маньчжурской железной дороге. Это сравнительно небольшой отрезок пути, но здесь и железнодорожные, и военные, и гражданские власти были японскими. Утром в вагон вошло двое русских для проверки документов. Это были белогвардейские шпики, служившие в японской полиции, и охотились они, вероятно, за мной.

Уже выезжая из Пекина, я твердо решил игнорировать белый контроль, тем более, что предъявление белогвардейцам дипломатического паспорта ДВР было бы недопустимым унижением. Кроме того, они могли отобрать и унести документ, а потом заявить, что его не было. Я сказал, что бумаги предъявлю только японскому контролю. Их лица исказились злобой, зубы сжались. Видно, они хотели отпустить по моему адресу самую отборную брань, но побоялись.

Оба шпики — по виду и манерам офицеры колчаковской полиции или разведки — начали кричать, что все предъявляют документы и я обязан это сделать. Передо мной стоял призрак пустого вагона, куда меня могли увести по следам Парфенова *, но уступить я не мог. Внезапно они круто повернулись и, бросив на меня злобный взгляд, вышли.

Через несколько минут они снова вошли вслед за молодым и серьезным японским офицером в очках.

* За несколько недель до моей поездки к нам прибыл из Читы П. С. Парфенов-Алтайский, работавший одно время в штабе у Лазо. Японский контроль на ЮМЖД и русские белогвардейцы задержали его, отвели в отдельный вагон, подвергли долгим допросам. Мы боялись за его жизнь и собирались заявить протест китайскому правительству, но Парфенова все-таки выпустили через несколько дней.

Тот поздоровался, я встал, вынул свой паспорт и подал его. Он просмотрел его, вернул, поклонился, и все трое вышли.

Родные мои, после того как разлетелись из гнезда птенцы, жили совершенно одни. С открытием в Харбине консульства ДВР они немедленно оптировались гражданами ДВР и получили паспорта. Уже на следующий день я отправился в наше консульство. Генеральным консулом, как я уже писал, был Э. К. Озарнин. Мы встретились, как старые товарищи, и затем я много раз бывал у него в доме, где за обедом собиравались некоторые из тех, кто составлял демократическую и передовую часть харбинского общества.

У него я встретил людей, которых знал в детстве и юности: Альфонса Пржемыславовича Козловского, старого присяжного поверенного, а теперь юрисконсульта нашего представительства в Харбине, его жену Анну Васильевну Лепешинскую, Михаила Эммануиловича Негрескула — внука П. Л. Лаврова. Отец Анны Васильевны — В. П. Лепешинский, будучи правителем дел КВЖД, во время революции 1905 г. образовал при участии своего помощника Козловского временное революционное правительство Харбинской республики, за что впоследствии оба были приговорены судом к заключению в крепости.

Я должен был сообщить в Пекин и Читу об исполнении поручений. Кроме того, следовало получить новые указания на случай, если понадобится немедленно выехать.

У Озарнина подходящего шифра не было, и он провел меня в приемную консульства, где познакомил с Филиппом Ивановичем Локоцковым — знаменитым на Урале старым большевиком, приехавшим в Харбин, если не ошибаюсь, по каким-то торговым делам. Локоцков вынул из бумажника шифр, который был прост, как коробка спичек: А = 1, Б = 2 и т. д. Я тут же сел за стол, зашифровал свою телеграмму и просил Озарнина ее отправить. Радиостанция была в руках белогвардейцев, но один из радистов работал на нас и передавал в Читу все, что нам было нужно.

Озарнин как нельзя более подходил к своей роли. Он был энтузиаст, общественник и мог работать

24 часа в сутки. Своим воспитанием и прошлым он достаточно импонировал русским эмигрантским кругам. Это было важно потому, что эмиграция состояла в большинстве из запутавшейся и дезориентированной в годы гражданской войны интеллигенции и военных.

Было интересно после нескольких лет разлуки вновь пройти по Харбину. Он остался прежним. Как и раньше, был велик контраст между бурлящей торговой частью города — «Пристанью» и тихим административным, военным и железнодорожным «Новым городом». Харбин, насчитывавший уже тогда несколько сот тысяч жителей, чем-то напоминал до-революционные Ростов-на-Дону и Новочеркасск, слитые вместе. Сунгари похожа на Дон, кругом необозримые пшеничные поля, на «Пристани» огромные паровые мельницы, как в южной России, тысячи магазинов, что-то скороспелое, беспокойное, бесконечно спекулятивное. «Новый город» с его тенистыми бульварами, гарнизоном, военным и чиновничьим людом напоминал Новочеркасск.

Теперь здесь пролег и политический водораздел: на одной стороне было сточное болото колчаковщины, овладевшей железной дорогой, пооткрывавшей свои учебные заведения и даже вузы, ориентировавшейся в конечном счете на Японию или потихоньку эмигрировавшей в Америку, а на другой — тяготевшая к железнодорожным мастерским молодая, ищущая передовая часть молодежи, знавшая, что совсем рядом жила и дышала огромная Советская страна с ее 150-миллионным народом и большой судьбой.

По-прежнему шли занятия в коммерческом училище, которое я окончил, любимом детище царского министерства финансов, очень богатом и лучше оборудованном, чем любое среднее учебное заведение в России. В химической лаборатории каждый ученик имел свои аналитические весы, а в зоологическом кабинете — микроскоп и получал для препарирования зайца, курицу или сазана. В училище были специальные географические и рисовальные кабинеты. Языки преподавали китайцы, немцы, англичане. Чешские спортсмены руководили гимнастикой и фехтова-

нием. Училище получило первый всероссийский приз по спорту. При всем том оно было насквозь казенным, насквозь казарменным, насквозь бездушным. Все учителя имели звания, ходили в длинных мундирах со множеством золотых пуговиц и заедали нас дисциплиной. Лучше всего мы чувствовали себя в тех случаях, когда за какую-либо провинность нас выгоняли из класса. Изгнанный оставался один в огромном пустом коридоре, но зато он был свободен.

Две задачи русская школа в Маньчжурии того времени решала по-своему удачно: затушевывала социальный момент и подчеркивала патриотический. Несмотря на пестрый национальный состав маньчжурской окраины, молодые люди были полны восхищения родиной, ее прошлым, ее культурой, характером ее народа и верой в ее великое будущее. Я помню, как один из умнейших и благороднейших наших учителей Георгий Иванович Петровский внушал нам, что мы, может быть, не все русские, но зато все россияне, и что это понятие «россияне» играло большую политическую роль в прошлые века русской истории. Школа пыталась внушить нам мысль, что народ — это не столько сумма одинаковых людей, сколько сумма общих для них идей.

Когда я был во втором или третьем классе, в училище приняли несколько десятков китайских мальчиков и девочек. Сначала они занимались отдельно, когда же подучились немного русскому языку, их распределили по обычным классам. Завтракали мы в середине дня в общей столовой. Однажды недосчитались старшеклассника-китайца. Мы узнали, что он срочно уехал в Сычуань к дяде — в Китае вспыхнула революция. Те, кто не жил в России при царском режиме, не поймут, как прозвучало для нас слово «революция», какое волнение охватило нас, двенадцати-тринадцатилетних ребят, услышавших, что один из их товарищей стал ее солдатом.

В Харбине даже в то время меньше ощущалось давление крепостнических пережитков; кругом не было ни одного помещичьего имения. Меньше чувствовался и полицейский произвол; была возможность

уехать в Китай или за океан. Громадное значение имело общение с бывшими ссыльными и революционерами. Не удивительно, что Харбин так бурно отозвался на русскую революцию, стихийно голосовал за большевиков и дал большое количество подлинных революционеров.

В Харбине я услышал и о своих старых товарищах. Только немногие остались в городе; некоторых не было в живых; часть ушла в революцию, часть — к белым, иные эмигрировали.

Особенно интересны судьбы двоих.

В детстве я дружил с Игорем Буниным, сыном офицера. Игорь стал героем моего воображения: он был очень красив, пропорционально сложен и смел. В 1909 году (мы жили тогда в небольшом железнодорожном поселке Имяньпо) праздновалось столетие со дня рождения Гоголя. В местном железнодорожном клубе было устроено гоголевское чтение — решено было прочесть рабочим и служащим «Тараса Бульбу». Главы были распределены между учениками. Когда пришла моя очередь, я поднялся на сцену, но читал так невнятно, что слышно было только чиханье, сморканье и кашель собравшихся. И я сам и учителя явно переоценили мои способности к выразительному чтению. Тогда на сцену поднялся Бунин и прочел порядком уже уставшей и разочарованной аудитории последнюю главу. Чистый, звонкий голос, прекрасная дикция, энтузиазм — все это захватило слушателей, и, когда он выкрикивал последние слова Тараса, аудитория словно замерла. Он закончил под искреннюю и бурную овацию и спас этим все чтение. В школе Игорь шел первым учеником. Блестящая память помогала ему без усилия запоминать целые страницы.

Наступила революция и гражданская война; Игорь стал белым офицером, затем был привлечен в колчаковскую разведку. К моменту моего приезда в Харбин это был уже подурневший, истасканный подонок, занимавшийся контрабандной торговлей опиумом и организацией бандитских налетов на своих конкурентов.

Совершенно иной была судьба товарища юно-

сти — Шуры Усова. Он был сыном старого железнодорожного специалиста, который издавал в Харбине профессионально-технический и притом несколько оппозиционный еженедельный журнал. Страстью Шуры Усова была философия. Помню, как он пришел ко мне и, сияя, сообщил: «Я загнал букинисту все свои учебники и атлас Петри, а взамен, знаете ли, получил четырнадцать томов Куно Фишера!» Дома у него в строжайшем порядке были собраны десятки папок с выписками и заметками. В соответствии с тогдашней модой он увлекался Бердяевым, Петражицким, Шестовым и всей душой примыкал к лагерю идеалистов.

Шура был старше меня на два года, поэтому раньше уехал во Владивосток и поступил в Восточный институт. Этот институт, готовивший дипломатов, чиновников, миссионеров и ученых-ориенталистов, обладал прекрасной профессурой и первоклассной академической библиотекой. На четырех отделениях: китайском, японском, маньчжурском и корейском — учились всего двести студентов. Каждого студента отправляли летом на три месяца в ту страну, язык которой он изучал: китаеведов, в частности, посылали в Пекин или Шанхай. Когда я в 1917 г. поступил в институт, Усов ушел уже далеко вперед в изучении китайского языка. Книги Ницше, Шестова и Лосского лежали у него на столе только для маскировки. Он пересмотрел и отверг свои прежние идеалистические взгляды и вел подпольную большевистскую работу. Впоследствии по заданию партии он переехал в Омск, где стал членом подпольного большевистского комитета. В 1919 г. все члены комитета были схвачены, их пытали в колчаковской разведке и приговорили к смерти. В то время министром труда у Колчака был прежний преподаватель статистики в нашем коммерческом училище Николай Иннокентьевич Петров, очень образованный и порядочный человек, но политически запутавшийся. Он поехал к Колчаку, валялся у него в ногах и умолял пощадить жизнь одаренного человека. Колчак остался непреклонным. Усова вместе с другими членами большевистского комитета расстреляли.

Мое пребывание в Харбине уже подходило к концу, когда во дворе нашего дома появились двое — порядочно потрепанный и заросший бородой мужчина и маленькая худенькая женщина. Это были уже знакомые читателям Нортон с женой. Они возвращались из ДВР, где много поездили и порядком устали*. Я пригласил их поужинать, а затем проводил к поезду. Они уехали в Пекин. Попрощавшись с родными, в Пекин вернулся и я. На этот раз ни белый, ни японский контроль меня не тревожил.

Харбин — наполовину белый, наполовину красный — всколыхнул воспоминания о господстве белогвардейщины: о диких расправах семеновцев в Даурии, о пытках, расстрелах и садизме вместе с безудержным эгоизмом, пьяным развратом, стяжательством и продажностью, прикрывавшихся крикливыми лозунгами «спасения родины и правопорядка».

В памяти всплыло лето 1919 г. На станции Слюдянка останавливается поезд, весь состоящий из бурых товарных теплушек. Двери теплушек приоткрыты, но забраны железными решетками; за ними — толпа измученных, оборванных, голодных людей: юношей, девушек, стариков. Они протягивают руки — умоляют бросить хлеба или табаку. Вдоль вагонов ходят вооруженные казаки в фуражках набекрень и с нагайками в руках. Как только из вагонов слышатся крики, казаки выхватывают револьверы из кобур, а один из них вскакивает в теплушку и безжалостно бьет нагайкой по плечам и лицам. Слышатся крики, протесты, казаки звереют, лезут в вагон, и избивание голодных, умирающих людей становится еще более страшным. Это — один из поездов смерти, которые терроризировали население. У белых существовали и специальные карательные бронепоезда. Прибыв на какую-нибудь станцию, белогвардейцы хватили нескольких рабочих депо или мастерских, уводили их в вагон пыток, мучили и расстреливали. Но запугать народ они не смогли. Молодые и способные носить оружие уходили в партизанские отряды, насчитывав-

* В 1923 г. Нортон выпустил в США книгу о ДВР (*The Far Eastern Republic of Siberia*).

шие много десятков тысяч людей. Даже на маленьких станциях похороны замученных и расстрелянных превращались в настоящие демонстрации. Сколько человек, видевших поезда смерти и дикие расправы бронепоездов, стали стойкими партийцами!

На пороге Вашингтонской конференции

Уже с лета 1921 г. вся международная политика на Дальнем Востоке кипела ключом вокруг предстоявшей Вашингтонской конференции, созывавшейся по инициативе Соединенных Штатов. Общее впечатление было таково, что Америка, выйдя победительницей из мировой войны и очень мало при этом пострадав, сильно разбогатев и неизмеримо повысив свой военный потенциал, решила закрепить за счет прежних союзников свой новый статус не только как великой державы, но и как первой державы на Тихом океане. Не было сомнения, что на этой конференции Японии не поздоровится. Как мы поняли позже, Япония так охотно предложила нам сепаратные переговоры в Даляне, чтобы иметь возможность заявить потом в Вашингтоне, что она улаживает свои сибирские дела в прямых двусторонних переговорах с русскими. Тем самым она надеялась отвести вмешательство Америки и Вашингтонской конференции.

Было бы нечестным заявить сейчас, что мы уже тогда предвидели ход и результаты Вашингтонской конференции. Они явились в значительной мере сюрпризом для всего мира. Разве можно было предугадать, что конференция превратится, по выражению Путнам Уила, в «Каноссу для Англии и Седан для Японии»*, что в результате ее Англия потеряет свое бывшее положение владычицы морей, что англо-японский союз будет сломан, а Японии будет навязан статус второстепенной морской державы и ее заставят

* Putnam Weale, *An indiscreet chronicle from the pacific*, New York, 1922, p. 133.

отказаться от притязаний на Шаньдун и от большинства статей «21 требования».

Мы, конечно, вместе со всеми чувствовали, что близятся важные решения в дальневосточных делах, что и нам надо бросить на чашу весов свои знания и умение.

Политическая и историческая сцена раздвинулась: за тесным пяточком дипломатического квартала в Пекине, за стенами древнего города показались просторы Тихого океана, за японскими островами вставал огромный континент Нового Света, в столице которого предстояло с прежним упорством отбивать атаки захватчиков и отстаивать права своего народа. Перед ДВР вырастали более трудные задачи, на нее ложилась более серьезная ответственность; ей предстояла встреча лицом к лицу с главными приказчиками мирового империализма.

Американцы в Пекине, по-видимому, не сомневались, что пекинская миссия будет представлять правительство ДВР на конференции. Чем меньше оставалось до открытия конференции, тем с большей уверенностью китайские и иностранные дипломатические круги в Пекине считали, что и мы выедем в Вашингтон. Мы беседовали об этом с американским посланником Шерманом, соответствующие шаги предпринимало министерство иностранных дел в Чите, но дело не двигалось, так как не было официального приглашения. Между тем вопрос этот имел громадное значение: приглашение означало фактическое признание буфера и тем самым заставляло США определить свою позицию в нашем конфликте с Японией. Даже неофициальное участие в конференции означало бы вероятное исключение войны с Японией, что, собственно, и являлось главной целью и главным смыслом создания буфера.

Никто из нас к поездке в Вашингтон не стремился. Для меня это означало катастрофу: снова отодвигалось возвращение в Россию, снова год, а то и больше, визитов, встреч, конференций, переговоров, телеграмм, т. е. той дипломатической работы, которую я всегда рассматривал как долг, а не как призвание. Чтобы любить одну ее внешность, надо быть

очень пустым человеком; чтобы слить все свое существо с ее внутренним содержанием, надо быть в какой-то мере государственным деятелем (чем я — увы! — не был).

По возвращении в Пекин нам предстояло одно неприятное дело. Как я уже писал, наша дипломатическая почта была незаконно задержана, и мы требовали удовлетворения по этому вопросу.

Картина была ясна: задержание совершили с одной целью — скомпрометировать миссию. От кого исходила инициатива провокации, кто подбил стационарных жандармов на этот незаконный акт — мы не знали, но предполагали, что здесь замешан Чжан Цзо-линь. Он стремился захватить Пекин, неминуемо должен был столкнуться с чилийскими генералами, и ему было бы выгодно дискредитировать и нас и тогдашнее китайское правительство. Впрочем, провокацию могли организовать и японцы. Это мог сделать и хозяин Пекина премьер Цзинь Юнь-пэн, чтобы выслужиться перед Чжан Цзо-линем или японцами или любой другой реакционной кликой.

На протест миссии Вайцзябу ответило приглашением посетить министра иностранных дел. Наше значение настолько выросло, что Янь Хуэй-цин уже не прятался за полуофициальными письмами или приемами на дому. Юрин и я зашли в его небольшой служебный кабинет в министерстве. После рукопожатий Янь пригласил нас сесть рядом с ним на диван и заявил, что задержанные документы якобы целиком компрометируют ДВР и что это очень серьезное дело.

— Как компрометируют? — удивленно спросил Юрин.

— Из них выясняется настоящий характер ДВР. Оказывается, правительство ваше подчинено Москве!

— Из чего же вы это видите? — настаивал Юрин.

И внешний вид и манеры Яня были совсем не те, что во время первого свидания. Тогда он был хотя и суховат, но прост и прям. Теперь же все его поведение выдавало, что ему не хочется грязнить руки в этом отвратительном деле, но что он, однако, смертельно боится своих военных хозяев. Присутствием

никчемного чиновника, сидевшего тут же, в кабинете. Янь хотел, по-видимому, застраховать себя от возможного обвинения, что разговаривал с нами иначе, чем ему было кем-то предписано. Он все же был раб, и невольно закрадывалось чувство презрения к нему.

В ответ на вопрос Юрина министр кивнул чиновнику, и тот вытащил из объемистого портфеля несколько фотокопий с захваченных документов.

— Вот, — сказал Янь, — ваша телеграмма в Москву Чичерину и его ответ.

Юрин отвел бумагу рукой:

— Ну, что ж, ведь это вполне понятно. Мы имеем право сноситься с дружественным соседним государством. Во всяком случае это наше внутреннее дело.

После короткого препирательства, которое было одинаково не по душе и нам и министру, мы ушли. На этом инцидент с почтой был исчерпан. У Вайцзяобу хватило политической дальновидности не поднимать этого вопроса снова. Связи ДВР с Москвой как раз и были самым ценным для Китая. Чего бы стоил договор, подписанный с Китаем на основе равенства сторон и уважения суверенитета Китая, если он не был обеспечен согласием и поддержкой Москвы? Ведь только в этом случае он мог заменить договоры, заключенные с царским правительством.

Осенью из Читы пришла телеграмма, отзывавшая Юрина в распоряжение правительства ДВР, вернее, Москвы. ДВР была недовольна деятельностью Юрина, и, кроме того, приближался приезд первой советской миссии. Юрин мог взять с собою тех, кого захочет, и мы попросили, чтобы он взял всех, кто приехал с ним четырнадцать месяцев назад. Руководство миссией полностью перешло к Агареву.

Я мечтал о Москве и Петрограде, как полтора года тому назад мечтал о Пекине, я хотел видеть Кремль, Зимний дворец, Эрмитаж, Марсово поле, ба-лет — все, о чем я столько раз слышал.

Началось официальное прощание с Вайцзяобу и многочисленными официальными и неофициальными знакомыми. Когда мы уведомляли их о том, что уезжаем на родину, многие удивлялись. Китайские и

иностранные дипломаты были абсолютно уверены, что в Вашингтон, если последует приглашение, поедет именно наша миссия в полном составе.

Из Пекина мы выехали, как и приехали, шестером: два шофера, Юрин, Гурьянов, Хретинин и я. С нами уезжал и Громов.

Экспресс пришел в Шэньян поздно. Свет был приглушен, мы все уже засыпали, облачившись в свои кимоно, когда в проходе, в темноте, внезапно послышался взволнованный голос, громко и настойчиво спрашивавший по-английски: «Здесь ли мистер Юрин? Я хочу видеть мистера Юрина».

Я поднялся на постели, увидел в полутьме вошедшего, назвалса и спросил, чего он хочет?

— Я американский генеральный консул, — ответил он *. — Передайте мистеру Юрину, что американским посольством в Пекине только что получена телеграмма — правительство ДВР приглашается на конференцию в Вашингтон на равных основаниях с балтийскими республиками. Я полагаю, что вы поедете в Вашингтон, и поэтому поторопился, чтобы вы успели вернуться.

Это звучало, как музыка.

Вагон дернуло. Американец наскоро пожелал нам удачи и выскочил на перрон. Я передал Юрину этот краткий разговор.

* Не помню, как американский консул назвал себя. Фамилия, кажется, начиналась с «К», но едва ли это был Кеннингем, скорее всего американский консул во Владивостоке Колдуэлл, находившийся в то время в Маньчжурии и ждавший разрешения на проезд в ДВР.

Эпилог

В Харбине к нам присоединилось много народу, и мы получили отдельный вагон. В Чите нас встретили. Я стоял в тамбуре, когда к вагону подошли двое мужчин.

— Это вагон Юрина? — спросил высокий человек в полушубке и сапогах.

— Да, — ответил я.

— А ведь это товарищ Казанин! Узнаете? Шилов.

Так, значит, и нас помнили! И кто — партизаны. Это было, быть может, моей самой большой наградой.

В Чите мы сложили в кучу все наши фраки, смокинги и костюмы, чтобы отвезти их в министерство иностранных дел на случай, если они понадобятся нашей смене. Исключение было сделано для меня; мне велели сохранить весь мой гардероб, так как не было сомнения, что я буду работать в Наркоминделе.

Где-то в Сибири — в Новониколаевске, как тогда назывался Новосибирск, или в Омске, — мы встретились с направлявшейся в Пекин миссией под председательством Пайкеса. После короткого разговора мы расстались.

Пайкес ехал уже в качестве представителя РСФСР. Полтора года отношений с Китаем и работа нашей миссии не прошли даром. Маленький буксир вводил в порт большое судно. По существу миссия ДВР уже давно воспринималась не только китайской общественностью, но и самим пекинским правительством как фактический представитель РСФСР.

В Омске в наш вагон вошел невысокий коренастый мужчина лет сорока, познакомился и сел побе-

седовать. В руках у него была только что отпечатанная в типографии книга «Современная Монголия», написанная им в результате экспедиционного обследования Монголии в 1919—1921 г. Он просил передать ее Чичерину, с которым много лет был связан в эмиграции. Это был Иван Михайлович Майский, будущий посол СССР в Лондоне, ныне академик.

В Москве нам отвели несколько комнат в гостинице «Савой». Одним из наших соседей оказался неутомимый «вождь» липовой социалистической партии Китая Цзян Кан-ху с женой, а другим — недавний заведующий Восточным отделом Наркоминдела Арсений Николаевич Вознесенский. Жена Вознесенского, Ирина Николаевна, подарила мне только что вышедший в русском переводе Румера томик «Рубайята» Омара Хайяма, который я знал только в английском переводе.

Я гордился Москвой. Я лихорадочно метался по городу, всматривался во все, читал, учился, как делал это и в Пекине. А за этим последовало другое чудо, оно именовалось Петроградом.

Должен сказать о неудаче, постигшей меня вскоре после приезда в Москву. Хотя никаких оригинальных идей или концепций государственного характера у меня, разумеется, не было, я вернулся из Китая с твердым личным убеждением, что нашей стране нужно легальными путями завоевать китайскую интеллигенцию, передовую часть рабочего класса, студенчество на свою сторону, вырвать из-под влияния английской и американской буржуазной культуры тех, кто был заражен ею, показать все преимущества культуры нового, советского общества. Все это я изложил в большой статье, где защищал необходимость открытия университетов и посылки в Китай профессоров и лекторов, необходимость издания журналов, поездок наших театральных и балетных трупп, устройства выставок народного искусства. Статью эту я отнес в редакцию «Правды» и с нетерпением ждал ее появления. Прождав несколько дней, я зашел в редакцию и спросил заведующего иностранным отделом Ихока, принята ли моя статья? Он ответил, что хотел бы ее поместить, но вопрос еще не решен.

Через несколько дней Ихок статью вернул и сказал, что редактор «Правды» Бухарин отверг ее, так как считает все предлагаемое мною излишним.

Юрин долго сидел над отчетным докладом о работе миссии. Помимо собственно отчета, там, к моему удивлению, был целый раздел, аргументировавший необходимость дальнейшего сохранения ДВР, и защищалась проводимая в этом направлении политика Краснощекова.

Я отвез отчет в Наркоминдел и передал его заведующему экономически-правовым отделом А. В. Сабанину. Он при мне ознакомился с ним, покачал головой и сказал:

— Я знаю, что некоторые товарищи так думают. Но судьба буфера предрешена.

Он был совершенно прав. Буфер был временной мерой, которая должна была обеспечить передышку Советской республике, маневром для обеспечения мира на Дальнем Востоке, пока Советское государство не усилилось настолько, что необходимость и в этом маневре и в самом буфере отпала.

Конечно, нельзя уйти от оценки работы миссии. Но как ее оценить? Нет сомнения, что в данной политической обстановке любая миссия в любом составе сделала бы нужную работу, но у меня нет никакой уверенности, что мы наилучшим образом справились со своей задачей.

Критическая оценка работы миссии, данная М. С. Капица*, несомненно, правильна. Она скорее

* «Надо заметить, что глава делегации ДВР И. Л. Юрин не использовал всех возможностей, чтобы добиться успешного завершения своей миссии. Убедившись, что переговоры затягиваются, он остыл к ним, считал свое пребывание в Пекине бесцельным, настаивал на отзыве из Китая. Без согласования с центром он дал согласие выехать в Дальний для переговоров с японцами, это могло привести к излишнему обострению отношений с пекинским правительством. Для успешного выполнения возложенных на него задач он недостаточно использовал борьбу между милитаристскими группировками, не позаботился о том, чтобы мобилизовать общественность вокруг вопроса о нормализации советско-китайских отношений» (М. С. Капица, *Советско-китайские отношения*, М., 1958, стр. 68).

преуменьшает, чем преувеличивает факты. Личные недостатки И. Л. Юрина: резко выраженный индивидуализм, барство, недооценка китайской общечеловечности, отсутствие твердой государственной дисциплины (он ориентировался на Краснощекова и не хотел признавать никого другого) — с течением времени стали серьезно вредить работе миссии. Между тем партийное и правительственное руководство Читы становилось все повседневнее, пристальнее и серьезнее. После установления беспрепятственной железнодорожной связи с Пекином все, что было успешного в работе миссии, целиком обязано тому продуманному плану, который диктовался Читой и во всех стадиях был согласован с Москвой.

Несколько слов об общих итогах работы миссии.

А. Ивин, оценивая их, писал о том, что пребывание в Пекине миссии ДВР, затем миссии Пайкеса и, наконец, Иоффе, «правда, не дало никаких так называемых „реальных результатов“ в виде договора или соглашения, тем не менее оставило весьма глубокие следы». А. Ивин отмечает далее, что особенно трудной и ответственной являлась работа миссии ДВР, которая была пионером советской дипломатии в Китае, хотя официально она представляла лишь ДВР. С приездом этой делегации «была окончательно ликвидирована старая русская миссия, члены которой из дипломатов, признаваемых пекинским правительством, перешли на положение обыкновенных эмигрантов»*.

Я думаю, что единственным верным способом определить, была ли работа миссии плодотворной в целом, это судить о ней, во-первых, с общей точки зрения сближения с угнетенными странами Востока, что являлось задачей не одной только дипломатии, и, во-вторых, с точки зрения осуществления большого ленинского плана тех лет — избежать войны с Японией, используя для этого ее противоречия с США.

Если принимать во внимание вторую задачу, то увенчанием всей работы нашей миссии в известной

* А. Ивин, *Письма из Китая. От Версальского договора до советско-китайского соглашения*, М., 1927, стр. 145.

мере следует считать приглашение ее на Вашингтонскую конференцию, пусть и в неофициальном статусе. США пригласили нас вовсе не потому, что хотели сделать нам приятно; они сделали это исключительно в своих интересах и в строгом соответствии с традициями своей политики на Тихом океане, одним из главных положений которой было сопротивление утверждению Японии на азиатском материке. И США вовсе не устраивало, чтобы, сделав уступки в отношении Китая, Япония отыгралась на Сибири.

Уже одно присутствие нашей делегации в Вашингтоне парализовало любую попытку Японии дать одностороннее и искаженное освещение дальневосточных дел, дезинформировать державы и оправдать дальнейшее присутствие своих войск в Сибири. Наша делегация развернула в Вашингтоне промадную работу. Ее деятельность представляет собой одну из блестящих, к сожалению, еще не написанных страниц истории нашей дипломатии*.

В своей речи в конце 1922 г., когда территория Дальнего Востока была уже очищена от последних врагов, Ленин, подводя итоги, сказал, что в победе «сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»**.

С нас достаточно сознания того, что, повинувшись приказу главного стратегического командования, мы выполнили свой долг в большом и успешном, теперь уже полузабытом дипломатическом маневре.

* Направленная правительством ДВР в Вашингтон делегация не была допущена к участию в работах конференции. Однако она провела большую работу в Вашингтоне, разъясняя мирную политику советского народа и публикуя документы, которые разоблачали преступные махинации империалистических интервентов (Е. М. Жуков, *Дальний Восток после первой мировой войны. Вашингтонская конференция 1921—1922 гг.*, М., 1951, стр. 21).

** В. И. Ленин, *Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г.*, — Сочинения, т. 33, изд. 4, стр. 353.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От редактора	6
От автора	18
Я становлюсь секретарем миссии	19
Кяхта	31
По монгольским степям	40
Почему китайское правительство дало согласие на наш приезд	55
Проба сил	60
Мы завязываем связи и обрастаем штатом	64
Американская учительница	73
Его превосходительство Лю Цзин-жэнь	77
Д-р Янь	83
Мы переезжаем	86
Наша русская колония	92
Пекин сорок лет назад	94
Мы становимся «федеральной» миссией	98
Отношения с другими миссиями	101
Мы и пресса	110
Наши связи в пекинском обществе: китайские... ...и иностранные	113
Наши официальные отношения развиваются	125
У Чжан Цзо-линя	134
Начало конференции в Даляне	138
Харбинская интерлюдия	142
На пороге Вашингтонской конференции	149
Эпилог	154

Марк Исаакович Казанин
ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ МИССИИ
Страничка истории первых лет
советской дипломатии

*

*Утверждено к печати
Редакционным советом
востоковедной литературы
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *Б. Л. Модель*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Берславская*
Корректоры *М. Н. Гарбер* и *Г. А. Невелева*

*

Сдано в набор 3/IV 1962 г.
Писано к печати 7/VIII 1962 г.
А-08102. Формат 84×108^{1/16}.
Печ. л. 5,0. Усл. п. л. 8,2.
Уч.-изд. л. 7,98. Тираж 25 000 экз.
Зак. 622. Цена 40 коп.

Издательство восточной литературы,
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-46, Б. Кисельный пер., 4